КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе)*. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**	141—159
II. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВЯЩЕННИКА О. НИКИФОРА ХМѢЛЕВСКАГО ОБЪ УПРАЗДНЕННОМЪ БАЗИЛІАНСКОМЪ УЧИЛИЩѢ ВЪ Г. УМАНИ. Свящ. **Вик. Ильяшевича**	160—167
III. ХАРЬКОВСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ. **С. Р**	168—198
IV. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	199—216
V. БОГУСЛАВСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ. 1808—1860 годы. **П. Клебановскаго**	217—224
VI. БѢЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ. **В. Соколова**	225—245
VII. ЗАПИСКИ МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).	246—258
VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи Саввы Чалаго. **В. А.** б) Благодарственное письмо Импер. Елисаветѣ Петровнѣ за возвращеніе Кіевской каѳедрѣ митрополитанскаго титула. Протоіерея **П. Орловскаго**. в) Къ преданіямъ о гр. Потоцкомъ. Свящ. **Вик. Ильяшевича**. г) Жалоба переяславскаго полковника на укрывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760 г.). **А. А.** д) Указъ изъ канцеляріи Московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ сбѣжавшаго студента кіевлянина. **А. А.** е) «Никому не принадлежащій табакъ въ погребѣ кіевскаго магистрата (1723 г.). **А. А.** ж) Святочные подарки отцу протоіерею. **П. Китицына**	258—268
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. **И. Каманина.** б) Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе этнограф. отдѣла Импер. общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при москов. университетѣ. **Я. Ш.** в) Analecta byzantino-russica. Edidit W. Regel. Petropoli. A. MDCCCXCI. **П. Г.** г) Библіографическая замѣтка. **А. С—ча.** д) Обозрѣніе журналовъ	269—292
ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.	

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Однимъ изъ лучшихъ трудовъ г. И. представляется рядъ его статей въ 2 и 4 кн. Этнограф. Обозр. 1890 г. и во 2 кн. 1891 г. подъ заглавіемъ *„Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ“*. Это сборникъ и въ то же время изслѣдованіе. И по содержанію и по пріемамъ изложенія трудъ интересный, одинаково полезный и для этнографа и для изслѣдователя народной словесности, въ особенности по вопросахъ о воздѣйствія на нее апокрифической литературы. Въ Россіи есть только одинъ сборникъ легендъ Аѳанасьева, да и тотъ попалъ въ index librorum prohibitorum и составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость. И въ настоящемъ случаѣ я не имѣю его подъ руками и сужу о его содержаніи только по обширной рецензіи А. Н. Пыпина въ „Современникѣ“. „Цѣнность всякаго человѣческаго произведенія, говоритъ г. Ивановъ, опредѣляется не только стоимостью матеріала и изяществомъ отдѣлки его, но также и тѣмъ, насколько отражается въ немъ характеръ времени и народнаго быта, насколько оно характерно вообще для своей эпохи и своего народа. Даже въ томъ скудномъ по количеству матеріалѣ, какой собранъ нами въ купянскомъ уѣздѣ, мы находимъ въ обрисовкѣ личности ап. Петра яркія черты, характеризующія малоросса такимъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своемъ прошломъ и какимъ остается отчасти и теперь, не смотря на измѣнившіяся условія гражданственности. Сильно развитое чувство

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 7.

личности, протестующее противъ фатализма, стремленіе къ общественной справедливости, вызывающее неустанное исканіе правды на землѣ, личная инціатива въ возбужденіи и рѣшеніи вопросовъ какъ нравственныхъ, такъ равно и общественныхъ, братская любовь къ людямъ, исключающая, однако, всякую мистическую темноту, смотрящая прямо на людскіе недостатки,— вотъ важнѣйшія нравственныя черты, отмѣчаемыя въ этихъ легендахъ". (Этногр. Обозр. 1891, II, 110).

„Нравоучительный элементъ легендъ, замѣчаетъ г. Ивановъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи, раскрываетъ передъ нами идеалъ не только той среды, гдѣ легенда получила свое начало, но и того общества, гдѣ она пользуется наибольшимъ распространеніемъ, такъ какъ самый фактъ сохраненія и распространенія ея въ томъ или иномъ мѣстѣ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что она соотвѣтствуетъ извѣстному настроенію народа, удовлетворяетъ духовнымъ потребностямъ его".

Всѣ эти замѣчанія, въ сущности основательныя и справедливыя, могутъ быть односторонне понятыми, если относить ихъ исключительно къ малороссамъ. Точно такія же легенды, какія встрѣчаются среди малороссовъ, съ чертами стремленія къ общественной справедливости, исканія правды на землѣ, съ чертами любви къ людямъ, встрѣчаются и у другихъ культурныхъ народовъ, напр., французовъ; въ области легендъ національныя особенности народа несомнѣнно проявляются, но сравнительно въ немногихъ легендахъ; любопытно, что въ легендахъ вполнѣ отсутствуетъ какое-либо вліяніе вѣроисповѣдныхъ различій народовъ.

Отмѣчаемъ вкратцѣ содержаніе легендъ, нашедшихъ мѣсто въ статьѣ г. Иванова, съ указаніемъ на нѣкоторыя однородныя явленія въ словесности другихъ народовъ.

Въ началѣ статьи (1890, II, 143—144) г. Ивановъ дѣлаетъ цѣнное замѣчаніе, что въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ и повѣрьяхъ ап. Петръ является подъ именемъ *св. Понырдилка* въ положеніи райскаго привратника или проводника душъ черезъ огненную рѣку. Г. Ивановъ привлекъ къ сравненію апокрифъ о хожденіи Богородицы по мукамъ. Вѣрованіе въ св. Понырдилка

стоитъ въ связи съ обычаемъ „понедилкованія"—поста замужнихъ женщинъ по понедѣльникамъ. Объ этомъ обычаѣ была замѣтка г. *Василенка* въ 1 кн. „Кіевской Старины" 1887 г. и небольшое, но цѣнное изслѣдованіе *Чернышова* въ 4 кн. „Кіев. Стар." 1887 г. Чернышовъ возводитъ начало обычая въ глубокую древность, въ эпоху устроенія брачныхъ отношеній по типу моногамическому, когда обычай этотъ могъ имѣть значеніе брака „на три четверти", т. е., нѣкотораго нарушенія супружескаго цѣломудрія женщины въ пользу тѣхъ мужчинъ, съ которыми она ранѣе жила. Это объясненіе обычая, хотя и обставленное широкими историко-культурными комментаріями, представляется сомнительнымъ. Сообщеніе г. Иванова о Понидилкѣ бросаетъ на обычай понедилкованія новый свѣтъ, и даетъ мнѣ поводъ высказать предположеніе, что въ обычаѣ понедилкованія отразилось сильное вліяніе на народную мысль такихъ апокрифовъ, какъ „Хожденіе Богородицы по мукамъ" и „Павлозо Видѣніе", въ частности легендъ объ ап. Петрѣ.

Легенда о св. Петрѣ и злой женѣ представляетъ варіантъ легенды, напечатанной въ „Малор. нар. преданіяхъ" Драгоманова подъ № 27. Содержаніе легенды въ короткихъ словахъ состоитъ въ томъ, что было одно время, когда женщины верховодили въ семьѣ, по желанію ап. Петра, и въ это время одна злая женщина, нанося побои мужу, прибила и странника—ап. Петра, ночевавшаго въ ея домѣ. Г. Ивановъ усматриваетъ въ этой легендѣ отзвукъ существовавшаго нѣкогда главенства женщинъ. Вѣроятнѣе будетъ предположеніе о простой шуткѣ. Подобнаго рода легенды встрѣчаются у другихъ народовъ. Въ польской легендѣ Спаситель и ап. Петръ заночевали въ корчмѣ, когда была тамъ свадьба. Парубки разбудили ап. Петра, спавшаго на кровати съ краю, и заставили его танцовать. Послѣ танцевъ усталый ап. Петръ легъ къ стѣнѣ, чтобы его не безпокоили. Парубки сказали: „Давайте заставимъ танцовать и другого странника, что спитъ у стѣны, и, не обращая вниманія на протесты ап. Петра, снова заставили его танцовать, а Спаситель все время спокойно почивалъ (*Wisła* 1891, 625). Эта польская легенда совпадаетъ съ малорусскими по нѣкоторымъ мотивамъ. Съ малорусской ле-

гендой тожественна бѣлорусская о томъ, что у женщинъ была отнята власть за грубое обращеніе съ ап. Петромъ одной злой женщины, въ Смолен. Этногр. Сборникѣ *Добровольскаго* подъ № 62, и польская сказка въ *Przegląd Akademicki* 1881, II, 146.

Легенды о богатомъ и бѣдномъ, какъ богатый отказалъ Спасителю въ ночлегѣ, или отказался въ дорогѣ подвезти усталаго Спасителя, а бѣдный принялъ, и у бѣднаго же, по волѣ Господа, волки съѣли единственную корову. Ап. Петръ негодуетъ на несправедливость Спасителя. Спаситель сказалъ, что съ этой коровы должна была начаться моровая язва. Легенды такого содержанія весьма популярны. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды, причемъ во второй встрѣчается нѣсколько вставныхъ мотивовъ, именно мотивъ о своеобразномъ наймѣ бѣднаго въ работники („за великодный обидъ"), оригинальный мотивъ о побратимствѣ бѣдняка съ ангеломъ, который передавалъ своему побратиму рѣчи Спасителя и ап. Петра. Въ сходной легендѣ, вкратцѣ сообщенной г. Ивановымъ, работнику вмѣсто ангела помогаетъ смерть, ставшая ему названной сестрой послѣ того, какъ онъ далъ ей разговѣться пасхой, полученной имъ вмѣсто платы за цѣлый годъ работы. Четыре легенды разбираемаго мотива напечатаны въ „Малор. нар. преданіяхъ" Драгоманова, 110—120.

Легенда о краткой, но искренней молитвѣ представляетъ варіантъ двухъ легендъ о томъ, какъ святые молились въ старину, изданныхъ въ „Малор. нар. преданіяхъ" Драгоманова, стр. 141—142, изъ которыхъ одна записана г. Мурашкомъ въ черниг. губ., другая г. Манжурой въ екатериносл. губ. Свожу всѣ три легенды: св. ап. Петръ (у г. Ив.), дѣдъ или просто человѣкъ (въ друг. варіантахъ) замѣтилъ, что какой-то человѣкъ (у Манжуры голый) перепрыгиваетъ черезъ пенекъ съ одной стороны на другую и обратно, приговаривая: „Оце тоби, Господи, а се мини, Господи!" Ап. Петръ обучаетъ его молитвамъ. Странный богомолецъ съ трудомъ ихъ усваиваетъ. Когда ап. Петръ удалился, богомолецъ забылъ молитвы, побѣжалъ за нимъ, чтобы подучиться, нагналъ его при переходѣ черезъ рѣку и пошелъ по водѣ, какъ по́ суху. Увидѣвъ это, ап. Петръ ска-

залъ пустыннику: „молись, какъ молился“, и поклонился ему. Въ варіантѣ г. Манжуры приведена мораль легенды: „молысь по своему та одъ серця“. Г. Ивановъ замѣчаетъ, что „настоящая легенда представляетъ лучшее объясненіе, почему расколъ старообрядчества не имѣлъ успѣха въ Малороссіи“. Подъ этимъ замѣчаніемъ почтеннаго этнографа скрывается практическій выводъ болѣе широкій, чѣмъ позволяютъ сравнительно-литературные факты. Эта прекрасная и поучительная легенда не чужда и великоруссамъ, не смотря на развитіе среди нихъ раскола старообрядчества. Графъ Л. Н. Толстой передалъ великорусскій варіантъ этой легенды въ разсказѣ о трехъ старцахъ, только и знавшихъ, что восклицать: „трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ!“ Проѣзжавшій случайно архіерей научилъ ихъ молитвамъ, которыя были ими усвоены съ большимъ трудомъ. Забывъ нѣсколько словъ изъ молитвы, старцы побѣжали за архіереемъ по морю, какъ по́-суху.

Основная мысль русскихъ легендъ о краткой молитвѣ разработывается также въ легендарной словесности западно-европейскихъ народовъ. Такъ, существуетъ граціозная французская легенда (изъ Нижней Бретани) слѣдующаго содержанія: Одна молодая дѣвица (Францеза Арбайль) потеряла отца и мать. Она жила въ бѣдной хижинѣ подъ соломенной крышей, и все ея имущество состояло изъ кошки, цыпленка и прялки. При всемъ томъ она была всегда въ хорошемъ расположеніи духа, по праздникамъ утромъ ходила въ церковь, вечеромъ участвовала въ хороводахъ и пѣла. Родители ея были люди порочные и не выучили ее молитвамъ. Она не знала даже молитвы „Отче нашъ“ (ni Pater, ni Noster, comme on dit). Однако она ежедневно утромъ и вечеромъ произносила слѣдующую молитву собственнаго сочиненія: „Да благословитъ Богъ мой домъ и мой очагъ, и да будетъ пресв. Богородица охранительницей моего ложа, а апостолы охранителями моего порога“. Въ селѣ стали замѣчать, что по ночамъ у хижины дѣвицы бываетъ много мужчинъ. Про дѣвушку пошли дурные слухи. Мѣстный священникъ даже сдѣлалъ ей внушеніе относительно соблюденія нравственности. Дѣвушка не признавала за собой никакой

вины. Когда, однажды, священникъ ночью пошелъ посмотрѣть, что за люди собираются на ея дворѣ, то увидѣлъ, что 12 апостоловъ стояли на охранѣ ея дома. Мораль же: краткая, но искренняя молитва пріятнѣе Богу, чѣмъ большія молитвы, не отъ сердца сказанныя (*Luzel,* Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, I, 144—147).

Легенда о томъ, какъ Христосъ съ апостоломъ Петромъ поле пахалъ (Этн. Об. 1890, IV, 72—74) удачно сопоставлена съ колядками о паханіи поля Христомъ и ап. Петромъ. *Н. А. Янчукъ* въ подстрочномъ примѣчаніи (на стр. 73) указалъ много изслѣдованій и сборниковъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ эту легенду.

Легенда о томъ, какъ ап. Петръ пожелалъ, чтобы скупецъ подавился хлѣбомъ, нашедшая мѣсто въ сборникѣ г. Ив., встрѣчается также, какъ указалъ г. Янчукъ на 78 стр., въ сборникахъ великорусскихъ легендъ Аѳанасьева, Садовникова и Иваницкаго. Въ сходной французской сказкѣ ап. Петръ скрылъ отъ Христа кусокъ хлѣба. Христосъ, поддерживая разговоръ, не даетъ ап. Петру времени съѣсть хлѣбъ. (*Luzel,* Légendes chrétiennes, I, 17).

Легенда о стоколосѣ тожественна съ ранѣе напечатанными у Чубинскаго I. 84, 154 и Драгоманова, 14. Объ этой легендѣ см. въ ст. *Н. Сумцова* „Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ“ стр. 11—12 и статьяхъ *А. Ивановскаго и В. Каллаша* въ VII кн. Этногр. Обозр. 263—265.

Легенда о награжденіи добрыхъ и наказаніи злыхъ представляетъ, какъ указалъ уже г. Янчукъ, варіантъ легендъ въ сборникахъ Аѳанасьева и Драгоманова. Эта легенда интересна по символической картинѣ ада и рая (криница съ жабами и криница съ чистой водой), возникшей, быть можетъ, подъ вліяніемъ апокрифическаго Видѣнія ап. Павла или другихъ родственныхъ ему апокрифовъ о загробномъ мірѣ. Эта легенда стоитъ въ связи съ разобранной выше легендой о богатомъ и бѣдномъ. Сходныя легенды у Драгоманова, 110—120.

Легенда о Маркѣ богатомъ приведена въ сборникѣ г. Иванова въ двухъ варіантахъ. Г. Янчукъ указалъ въ примѣчаніи

на варіанты въ сборникахъ сказокъ Аѳанасьева, Чубинскаго, Драгоманова и Романова. Марко богатый проситъ къ себѣ въ гости Христа и ап. Петра. Когда они пришли въ видѣ нищихъ, Марко не узналъ ихъ и отослалъ къ бѣдной вдовѣ. Господь сказалъ, что къ сыну бѣдной вдовы перейдетъ все состояніе Марка. Маркъ покупаетъ ребенка и бросаетъ его въ лѣсу на снѣгъ; но ребенокъ былъ спасенъ проѣзжими купцами. Когда онъ выросъ, Маркъ взялъ его къ себѣ въ работники и отправилъ къ женѣ съ письмомъ, въ которомъ находился приказъ убить его; но старикъ (ап. Петръ) переписалъ на дорогѣ письмо, и жена выдала за молодаго человѣка дочь Марка. Наконецъ, Марко посылаетъ зятя на заводъ, гдѣ жили черти, и приказываетъ чертямъ разорвать перваго пришедшаго. Зятя удержала молодая жена, и когда Марко пошелъ на заводъ, то вышелъ первый и былъ разорванъ чертями. Въ варіантѣ Марко бросаетъ ребенка въ море два раза; первый разъ его спасли рыбаки, во второй монахи.

Сказки о Маркѣ богатомъ встрѣчаются у многихъ народовъ подъ другими только заглавіями и большею частью съ замѣной Марка дьяволомъ. Такъ, извѣстна французская сказка такого содержанія „Le fils du diable“ (*Cosquin*, I, 158—165), французская легенда „Saint Etienne“ (ib. II, 231—233), сказка индійская (*Минаевъ*, § 46), греческая (*Hahn*, № 68), чешская, вестфальская, венеціанская, занзибарская (*Cosquin*, II, 233) Обыкновенно сказки начинаются съ того, что дьяволъ (=Марку) покупаетъ ребенка, и послѣдній дѣлается силачемъ, нигдѣ не можетъ ужиться и разгоняетъ самихъ чертей въ аду. Въ малорусской сказкѣ Марко посылаетъ зятя на заводъ, чтобы его разорвали черти; во французской—хозяинъ мельницы посылаетъ работника на мельницу, гдѣ было 12 чертей; черти разбѣжались отъ страху, и работникъ притащилъ домой мельницу. Сказки о Маркѣ проклятомъ (или богатомъ) переплетаются со сказками о необыкновенномъ наймѣ силача работника.

Легенда о врачѣ и смерти въ сборникѣ г. Иванова связана съ именемъ ап. Петра. Бѣдный крестьянинъ накормилъ ап. Петра и получилъ отъ него такое зелье, что сталъ видѣть

смерть у кровати больныхъ и предохранять отъ нея, переворачивая больныхъ головой туда, гдѣ были ноги. Такъ онъ спасъ отъ смерти многихъ больныхъ и нажилъ большія деньги; но въ концѣ концовъ самъ умеръ. Эта легенда встрѣчается у многихъ народовъ, большею частью безъ ап. Петра. Такъ, намъ извѣстны сходныя сказки: великорусская (*Садовниковъ* §§ 88, 92, 104), сербская (*Караджичъ* 145), польская (*Ciszewski* въ IX т. Zbior wiadomosci), ново-греческая (*Carnoy et Nicolaides*, 144, 172), монгольская (*Потанинъ* IV, 498). Къ этому циклу сказокъ тѣсно примыкаютъ сказки и легенды о томъ, какъ Богъ старику или старухѣ возвратилъ молодость (сварилъ въ горячей водѣ или въ кузницѣ выбилъ на наковальнѣ молотомъ); таковы французскія легенды у *Luzel* I, 34, 39 и *Cosquin* 30, ново-греческая у *Nicolaides* 61, индійская у *Минаева* § 42, цѣлый рядъ великорусскихъ и малорусскихъ. Слабый малорусскій варіантъ у *Чубинскаго* II, 355. Полный варіантъ у *Драгоманова* 403—406.

Легенды объ ап. Петрѣ и волкахъ, въ которыхъ ап. Петръ распоряжается волками и назначаетъ, что имъ ѣсть. У г. Иванова приведено двѣ такихъ легенды. Эти легенды или относятся къ Юрію, и имя ап. Петра представляется случайной замѣной, или представляются искаженіемъ одного мотива легендъ о богатомъ и бѣдномъ, гдѣ также фигурируетъ волкъ.

Легенда о возникновеніи лжи (или о цыганахъ). Цыганъ просилъ ап. Петра спросить у Бога, какъ жить цыганамъ. Богъ сказалъ: „що знавъ, кажы, не знаю; що чувъ, кажы, не чувъ; що бачывъ, кажы, не бачывъ; що бравъ, кажы, не бравъ“. Легенда записана въ сл. Радьковскіе Пески купян. уѣзда. Г. Ивановъ склоненъ усмотрѣть въ этой легендѣ мнѣніе малороссовъ о цыганахъ, какъ народѣ лживомъ. Это мнѣніе не исключительно малорусское и не характерно для малороссовъ, Во французской легендѣ у Христа и ап. Петра была корова, которая производила часто потраву въ сосѣдскихъ поляхъ, такъ что Христосъ послалъ ап. Петра на базаръ продать корову. Цѣна назначена была небольшая, и покупатели находились; но ап. Петръ всякому покупателю сообщалъ, что корова

норовистая, и никто ее потому не купилъ. Когда корова была приведена домой, Христосъ выбранилъ ап. Петра и сказалъ, что въ этой странѣ нельзя продать коровы, не скрывъ отъ покупателей ея недостатки (*Luzel*, I, 15—16). Бѣлорусская сказка о томъ „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли“ (*Добровольскій* I, 290) заключаетъ въ себѣ также мотивы воровства и лжи въ другой литературной обработкѣ.

Легенды о солдатѣ, съѣвшемъ сердце овцы, приведены въ сборникѣ г. Иванова въ трехъ варіантахъ. Въ двухъ варіантахъ солдатъ, а въ третьемъ священникъ присоединился въ дорогѣ ко Христу и ап. Петру. Спаситель поручилъ солдату зажарить на ужинъ овцу (въ вар. козу), но не ѣсть у нея сердца. Солдатъ овцу зажарилъ и сердце съѣлъ. На вопросъ Спасителя, гдѣ дѣлось сердце овцы, солдатъ отвѣтилъ, что у ней не было сердца. Вскорѣ Спаситель съ ап. Петромъ и солдатомъ проходили черезъ рѣку, и солдатъ сталъ тонуть. Спаситель нѣсколько разъ спрашивалъ у него, не онъ ли съѣлъ у овцы сердце, но солдатъ отвѣчалъ отрицательно и все болѣе и болѣе погружался въ воду. Спаситель извлекъ его изъ воды. Вскорѣ Христосъ нашелъ мѣшокъ съ деньгами и раздѣлилъ деньги на 4 части, сказавъ, что двѣ части получитъ съѣвшій сердце. Тогда хитрый солдатъ признался съ цѣлью получить двѣ части. Въ третьемъ варіантѣ священникъ похищаетъ у Спасителя просфору. Во второмъ варіантѣ г. Иванова находится посторонній мотивъ о лѣченіи дочери богатаго человѣка; въ первомъ варіантѣ также особый мотивъ о томъ, какъ Христосъ смолотилъ у одного крестьянина хлѣбъ, спаливъ его солому, а хитрый солдатъ, подражая Спасителю, спалилъ весь хлѣбъ и поплатился за свое корыстолюбіе.

Эта легенда принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ. Г. Янчукъ указалъ на варіанты въ сборникахъ Аѳанасьева, Чубинскаго и Драгоманова. Добавимъ еще слѣдующія указанія: Встрѣчается нѣсколько французскихъ сказокъ на эту тему; крестьянинъ съѣдаетъ печенку барана въ сказкѣ Le foie de mouton у *Cosquin*'а № 30 или сердце ягненка въ сказкѣ Porgrant у *Luzel* № VIII; въ обѣихъ французскихъ сказкахъ на-

ходится мотивъ о возвращеніи молодости или лѣченіи болѣзней Христомъ и солдатомъ. Къ этимъ французскимъ сказкамъ ближе стоитъ второй варіантъ г. Иванова. Съ первымъ варіантомъ (объ утопавшемъ солдатѣ) весьма сходна польская сказка изъ-подъ Кракова, въ которой роль солдата играетъ жидъ, укравшій сыръ (*Wisła* 1891, 626). Въ польской сказкѣ нѣтъ мотивовъ о лѣченіи и чудесной молотьбѣ. Въ испанскихъ сказкахъ солдатъ или крестьянинъ получаетъ отъ Христа наказаніе за такую же провинность; въ швабской и гессенской сказкахъ отъ ап. Петра; въ сказкахъ италіанскихъ выступаетъ таинственный старикъ. Эта легенда встрѣчается у старинныхъ писателей, напр., у Монтана (1551 г.). Въ италіанской новеллѣ XIII в. о Богѣ и жонглерѣ, послѣдній съѣдаетъ козлиныя почки. Въ одной персидской поэмѣ XIII ст. христіанскаго происхожденія повторяется тотъ же эпизодъ о похищеніи хлѣба (*Cosquin* I, 285—288). Одинъ варіантъ этой легенды проникъ и въ *Gesta Romanorum*, гдѣ поваръ, съѣвшій сердце кабана, увѣряетъ погомъ короля, что кабанъ былъ безъ сердца.

Эпизодъ *о чудесной молотьбѣ*, извѣстный по русскимъ сказкамъ въ сборникахъ Аѳанасьева, Драгоманова и Иванова, встрѣчается также въ западно-европейскихъ сказкахъ, напр., во французскихъ въ Légendes chrétiennes *Luzel* I, № 6 и въ Contes populaires de la Haute-Bretagne *Sebillot* (пересказана вкратцѣ у Люзеля).

Сказаніе о томъ, почему на хохлѣ чортова голова въ сборникѣ г. Иванова вставлено въ число малорусскихъ народныхъ легендъ. Эта легенда, повидимому, зашла въ Малороссію изъ Великороссіи, какъ насмѣшка надъ малоруссами, и въ Малороссіи удержалась, какъ объясненіе происхожденія браннаго выраженія „чортова голова“. Содержаніе легенды состоитъ въ томъ, что однажды чортъ бился съ хохломъ; ап. Петръ въ гнѣвѣ снялъ имъ головы. Господь приказалъ понадѣвать имъ головы, и ап. Петръ по ошибкѣ чорту надѣлъ голову хохла, а голову чорта на хохла. Г. *Янчукъ* въ примѣчаніи на стр. 92 указалъ на аналогичный чешскій разсказъ, съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь роль хохла играетъ баба (Roubovana baba). Аналогичная бѣлорусская

сказка „якъ Никола бабу разымалъ у драки съ чортомъ“ напечатана въ Смоленскомъ Этнографическомъ сборникѣ г. *Добровольскаго* стр. 288. Сказка эта почти дословно сходна съ чешской и малорусской. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь насмѣшку надъ женщиной въ pendant къ стариннымъ поученіямъ о злыхъ женахъ, и затѣмъ мѣстную передѣлку ея въ насмѣшку надъ малороссами.

Два сказанія о происхожденіи великоруссовъ и малоруссовъ построены на апокрифахъ о сотвореніи человѣка и также получили ироническое значеніе. Ап. Петръ лѣпилъ малороссовъ изъ пшеничнаго тѣста, а ап. Павелъ великороссовъ изъ желтой глины („отымъ вони и руды“). Собака съѣла пшеничныхъ хохловъ и об.....а глиняныхъ великороссовъ. Когда Петръ погнался за собакой и ударилъ ее на ярку палкой, то тамъ появился хуторокъ, а въ лободѣ, гдѣ лежала собака, появилась цѣлая слобода. Въ другомъ разсказѣ свадебные поѣзжане посмѣялись надъ Господомъ и Петромъ и были за то обращены—одни въ вѣчныхъ хлѣборобовъ малороссовъ, другіе въ вѣчныхъ лапотниковъ великороссовъ и третьи въ медвѣдей. Насмѣшки, очевидно, обоюдоострыя, но такъ какъ малороссамъ отдается въ этихъ разсказахъ нѣкоторое предпочтеніе, то, можно думать, что и разсказы сами возникли въ Малороссіи. Кое-какія сходныя черты въ другихъ разсказахъ указаны въ Этногр. Обозр. 1890, IV, 94 въ подстрочномъ примѣчаніи.

Въ сказаніи о происхожденіи малороссовъ отъ собаки, можетъ быть, скрывается глубоко-древняя черта—тотемизмъ. См. по этому поводу статью *А. А. Потебни* „Слѣпородъ“ и пр. въ „Къ ист. звуковъ“ III, 68—83 и мою замѣтку объ этой статьѣ на одной изъ предыдущихъ страницъ.

Малорусскія легенды, нашедшія мѣсто въ 3-й части статьи г. Иванова (во 2 кн. Этногр. Обозрѣнія 1891 г.), художественны и оригинальны. Вообще, это лучшія страницы этнографической дѣятельности г. Иванова. Въ этихъ легендахъ, большею частью связанныхъ съ двумя растеніями украинской флоры, съ дикимъ цикоріемъ (Петривъ батигъ, Cichorium intybus) и васильками (Ocymum basilicum), чувствуется свѣжее дуновеніе народной

жизни, поэтическое созерцаніе природы, мѣстами пробиваются черты широкаго гуманизма.

Въ началѣ 3 главы приведенъ одинъ заговоръ, начинающійся словами: „ишовъ судья, за нимъ пырысудья". Г. Ивановъ остроумно замѣтилъ, что въ этомъ заговорѣ (отъ перелоговъ) и др. подобныхъ названіе *пересудья* относится къ ап. Петру.

Г. Ивановъ сообщаетъ три легенды о растеніи Петровъ батигъ (дикій цикорій). Въ одной легендѣ ап. Петръ отгонялъ этимъ растеніемъ дѣтей, пристававшихъ въ дорогѣ къ Спасителю. Въ другой—сгонялъ имъ съ жита жуковъ. Въ третьей легендѣ ап. Петръ употребилъ дикій цикорій вмѣсто батога, когда пасъ овецъ. Далѣе у г. Иванова слѣдуетъ легенда о томъ, что нѣкогда овцы дрочились, а рогатый скотъ не страдалъ отъ слѣпней, и ап. Петръ, обидѣвшись на пастуха рогатаго скота, который (пастухъ) не далъ ап. Петру воды, сдѣлалъ такъ, что слѣпни оставили овецъ и стали кусать скотину.

Слѣдующая затѣмъ легенда повѣствуетъ объ установленіи ап. Петромъ поста по просьбѣ женщинъ, недовольныхъ тѣмъ, что мужики поѣдали всѣ ихъ молочные запасы.

Слѣдующая далѣе легенда представляетъ варіантъ сказанія о Долѣ: По волѣ Спасителя красивая и трудолюбивая дѣвушка достается въ жены лѣнивому парню. Близкая сказка въ сборникѣ Аѳанасьева (III, 425) указана самимъ г. Ивановымъ. Варіанты легенды у Драгоманова 123 и въ сборникѣ разсказовъ о Долѣ г. Иванова 1892 г.

Далѣе приведена легенда о томъ, что ап. Петръ допускаетъ въ рай людей различнаго вѣроисповѣданія, если они умерли согласно съ требованіями своей религіи, такъ какъ, по морали легенды, всѣ люди дѣти одного Бога. Г. Ивановъ приводитъ народный варіантъ этой легенды и передачу ея интеллигентнымъ лицомъ въ видѣ историческаго анекдота, связаннаго съ именемъ Фридриха Великаго. Легенда имѣетъ нѣмецкую основу. Она возникла, повидимому, внѣ Малороссіи; характерно, однако, для нравственной личности малороссіянъ, что она ими усвоена и сохранена. Проникающая легенду идея о вѣротерпимости, очевидно, пришлась малоруссамъ по сердцу.

Г. Ивановъ привелъ 4 народныхъ разсказа *о васильках*, а въ XII кн. Этн. Об. (1892 г.) добавилъ еще одинъ разсказъ. Во всѣхъ разсказахъ обнаруживается дѣйствіе народной этимологіи: цвѣтокъ связанъ съ именемъ Василія; въ одномъ разсказѣ цвѣтокъ получилъ названіе отъ имени Василька, который посадилъ „пахучее зилье“ на мѣстѣ, гдѣ былъ закопанъ крестъ Господень, въ другомъ (Этн. Об. 1892, I, 192) отъ имени дѣда Василька названъ его внучкой, по случайной звуковой ошибкѣ, въ третьемъ отъ имени св. Василія Великаго, будто бы любившаго эти цвѣты, въ четвертомъ отъ имени Василія Блаженнаго, тѣло котораго будто нашли на кладбищѣ въ пахучей травѣ (васильках) и въ пятомъ отъ имени мальчика Василька, превратившагося въ это растеніе. Съ первой малорусской легендой (объ обрѣтеніи креста) весьма сходна болгарская духовная пѣсня (указана П. В. Ив.). При изложеніи 4-ой легенды (о Василіи Блаженномъ) г. Ив. попутно сообщаетъ преданіе, какъ Василій Блаженный выплеснулъ въ Москвѣ въ окно вино, поднесенное ему царемъ, и затушилъ горѣвшій въ Іерусалимѣ монастырь. Въ историко-литературномъ отношеніи интересенъ разсказъ подъ литерой г (о превращеніи мальчика въ растеніе). Главное содержаніе состоитъ въ томъ, что водяной ужъ женился на дочери лѣсника красавицѣ Машѣ. Это варіантъ чрезвычайно сложнаго цикла сказаній на классическую тему объ Амурѣ и Психеѣ. Варіанты Кулиша и Эрленвейна указаны г. Ивановымъ. Предполагая со временемъ посвятить этимъ сказаніямъ особую монографію, я теперь не останавливаюсь на нихъ.

Въ концѣ статьи приведено *двѣ сказки на мотивъ сказки о золотой рыбкѣ*, весьма извѣстной въ обработкѣ Пушкина. Въ одной сказкѣ липа даетъ мужику разныя блага, за то, что онъ не срубилъ ее („стала въ пригоди“ по малорусскому выраженію), огородила дворъ, старуху жену обратила въ молодую и красивую, поставила его старшиной, становымъ, исправникомъ и, наконецъ, губернаторомъ. Но мужикъ и тѣмъ не удовольствовался и захотѣлъ быть царемъ. Тогда липа обратила его въ медвѣдя, а жену его въ медвѣдицу. Въ другой сказкѣ, болѣе близкой къ Пушкинской, роль золотой рыбки или липы играетъ

таинственный кумъ; онъ даетъ бѣдному мужику пшеницы, денегъ, ставитъ его „начальникомъ“, потомъ царемъ и даже богомъ, но съ условіемъ молчать, что бы онъ не увидѣлъ внизу. Мужикъ, замѣтивъ, что братъ утащилъ у брата пшеницу, выбранилъ его, нарушилъ такимъ образомъ обѣщаніе, и былъ обращенъ въ медвѣдя, жена его обратилась въ медвѣдицу, а дѣти въ медвѣжатъ. Здѣсь всѣ требованія идутъ отъ жены мужика, какъ въ сказкѣ Пушкина.

Въ обѣихъ сказкахъ люди обращаются въ медвѣдя. Г. Ивановъ замѣчаетъ при этомъ, что въ купянскомъ уѣздѣ кромѣ того извѣстенъ общераспространенный разсказъ о происхожденіи медвѣдя изъ человѣка, желавшаго испугать Христа и ап. Петра, когда они проходили по мосту. Оборотничество въ медвѣдя встрѣчается часто въ повѣрьяхъ и сказкахъ малоруссовъ и друг. народовъ. Я нашелъ его въ III т. „Pokucie“ *Кольберга*, въ I т. Смолен. Этногр. Сборника *Добровольскаго* (288, 640), у *Чубинскаго* I, 51, *Драгоманова* 5, *Zbiór wiadomosci* II, 165, *Этногр. Обозр.* 1890, III, 143; IV, 94, 262; 1891, II, 129, *Сборн. матер. для изученія Кавказа* IX, ч. 2, 107, *Живой Старинъ* II, 158, въ Faune populaire *Ролана*, у *Верещагина* (о вотякахъ, 70), въ „Очеркахъ сѣв. зап. Монголіи“ *Потанина*, въ статьяхъ о культѣ медвѣдя г. *Ядринцева* и г. *Гондати*. Имѣемъ ли мы въ малорусскихъ сказаніяхъ о превращеніи человѣка въ медвѣдя остатокъ культа медвѣдя или странствующій литературный мотивъ, основанный на инородномъ культѣ или возникшій въ видѣ объясненія характерной ступни медвѣдя, напоминающей ступню человѣка, отвѣтить на эти вопросы затруднительно, и я лично болѣе склоняюсь на сторону послѣдняго предположенія.

Для опредѣленія содержательности и научнаго значенія составленнаго г. Ивановымъ сборника легендъ нужно принять во вниманіе, что этотъ отдѣлъ народной словесности по разнымъ причинамъ былъ въ забросѣ. Не считая отдѣльныхъ легендъ, вошедшихъ въ сборники Аѳанасьева и Чубинскаго, только въ „Малор. нар. пред.“ (1876) собрано ихъ значительное число, именно 10 №№. Сравнивая легенды, вошедшія въ этотъ сборникъ, съ легендами въ сборникѣ г. Иванова, нельзя не отдать

послѣднему сборнику прямого предпочтенія; здѣсь и легендъ гораздо болѣе, и распредѣлены онѣ въ извѣстномъ порядкѣ. Изъ „Малор. пред.“ при сборникѣ г. Иванова можно выдѣлить по оригинальности не болѣе 2 или 3 легендъ, именно подъ № 22 (о нахожденіи подковы), № 23 (о пьяницѣ) и № 25 (о беззаботномъ человѣкѣ). Легенда подъ № 24 (какъ Богъ научилъ прясть жену мужика) представляетъ варіантъ нѣсколько грубыхъ сказокъ въ сборникахъ *Рудченка* II, № 66 и *Манжуры* (стр. 100).

Въ 4 томѣ Сборника Харьк. истор.-фил. общ. напечатана статья *П. В. Иванова „Народные разсказы о Долѣ“*. Народныя представленія о Долѣ и Недолѣ, Горѣ, Злочастіи, Сречѣ давно уже стали предметомъ научнаго изслѣдованія, и въ настоящее время существуетъ значительная научная литература о Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ или сродныхъ олицетвореніяхъ: сюда относятся обширныя статьи Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1867 г. и отдѣльно), Аѳанасьева (въ Поэт. воззр. т. III, гл. XXV), Потебни во 2 т. „Древностей“ Моск. Арх. Общ.), Крауса, Веселовскаго (въ „Розысканіяхъ вып. V; гл. XIII и въ Этногр. Обозр. 1891 № 2), Васильева (въ 1 т. Этн. Об. 1890 г.) и Довнаръ-Запольскаго (во 2 кн. Этн. Об. 1891 г.). Трудъ г. Иванова представляется по счету восьмымъ, въ ряду другихъ изслѣдованій о Долѣ и естественно возникаютъ вопросы, что онъ вноситъ новаго къ литературу предмета? чѣмъ обусловлено помѣщеніе его въ изданіи научнаго общества? Близкое знакомство съ содержаніемъ статьи г. Иванова побуждаетъ насъ поставить ее въ рядъ лучшихъ изслѣдованій о Долѣ, по богатству собраннаго матеріала, по новизнѣ и оригинальности многихъ его деталей. Какъ всѣ предыдущіе труды г. Иванова по малорусской этнографіи (о легендахъ, дѣтскихъ играхъ, вѣдьмахъ), и статья „Народные разсказы о Долѣ“ представляетъ собственно собраніе матеріаловъ, извлеченныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ. Матеріалы эти разнообразны, обширны и, главное, такъ удачно распредѣлены, что ясно обрисовываются нѣкоторыя характерныя черты народнаго міросозерцанія, и статья, сохраняя характеръ сбор-

ника сырыхъ матеріаловъ, получаетъ значеніе научнаго изслѣдованія, составленнаго по первоисточникамъ. Изслѣдованіе г. Иванова распадается на три главы: въ первой главѣ авторъ группируетъ народныя повѣрія и сказки о прирожденной Долѣ. Въ основаніи сказокъ и повѣрій, вошедшихъ въ эту главу, лежитъ древнее повѣрье о Долѣ, какъ душѣ предка. Во 2 главу вошли сказки и повѣрья о Долѣ ангелѣ. Въ 3 главу—сказки и повѣрья о Долѣ какъ душѣ человѣка, или его двойникѣ; къ статьѣ приложено 16 сказокъ о Долѣ, записанныхъ въ разныхъ селахъ купянскаго уѣзда народными учителями и учительницами.

Г. Иванову, работающему въ глухомъ городкѣ, остались неизвѣстными наиболѣе крупныя и цѣнныя изслѣдованія о Долѣ Боровиковскаго, Потебни, Крауса и Веселовскаго. Г. Ивановъ, не выходя изъ малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, добытыхъ на мѣстѣ, самостоятельно пришелъ въ нѣкоторымъ выводамъ, сдѣланнымъ А. Н. Веселовскимъ по фактамъ западноевропейскаго фольклора. Совпаденіе выводовъ говоритъ въ пользу ихъ основательности. Изслѣдованія А. Н. Веселовскаго о Долѣ составляютъ несомнѣнно самый цѣнный вкладъ въ научную литературу предмета, и если мы станемъ смотрѣть на статью г. Иванова съ высоты этихъ трудовъ, то и въ такомъ случаѣ мы должны признать въ ней полезное научное пособіе: въ однихъ случаяхъ трудъ г. Иванова дополняетъ изслѣдованія г. Веселовскаго характерными этнографическими фактами, въ другихъ вноситъ новые элементы, освѣщающіе предметъ изслѣдованія съ незатронутыхъ ранѣе точекъ зрѣнія. Такъ, г. Веселовскій въ 1 гл. своей статьи о долѣ высказываетъ мнѣніе, что понятіе о долѣ выработалось впервые въ отношеніяхъ рода въ связи съ культомъ предковъ (стр. 177), и это мнѣніе находитъ подкрѣпленіе въ статьѣ г. Иванова, въ первой главѣ, гдѣ собрано много характерныхъ народныхъ повѣрій и сказокъ о прирожденной долѣ и долѣ—душѣ предковъ. Фактическія доказательства, приведенныя у г. Веселовскаго, сравнительно съ данными г. Иванова, скудны и блѣдны, не смотря на то, что ученый авторъ искалъ опоры въ фольклорѣ греческомъ и вотяцкомъ. У г. Иванова чре-

звычайно рельефно выступаетъ замѣчательно архаичное народное повѣрье о доляхъ умершихъ съ разграниченіемъ ихъ даже по степени родства, что вводитъ изслѣдователя въ глубь древнѣйшаго родоваго быта. Четвертая глава изслѣдованія г. Веселовскаго, гдѣ рѣчь идетъ о литературно-христіанскихъ элементахъ въ народныхъ представленіяхъ о Долѣ, можетъ быть дополнена нѣкоторыми народными сказками и повѣрьями, отмѣченными у г. Иванова во 2 главѣ его статьи о Долѣ. Вообще сказки, собранныя у г. Иванова, какъ тѣ 16, которыя помѣщены въ концѣ статьи, такъ и вошедшія въ самый текстъ, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ въ этнографическомъ отношеніи подробностей. Въ сказкахъ подробно разработаны мотивы о томъ, когда можно увидѣть Долю, какъ подчинить ее. Заслуживаютъ вниманія также сказки объ оборотничествѣ Доли, впервые являющіяся въ печати въ полнотѣ и обиліи.

Въ статьѣ г. Иванова встрѣчаются интересные детали. Трудно, напр., было думать, что въ народной словесности можетъ оказаться разсказъ или повѣрье на мотивъ лермонтовскаго „Ангела“:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слёзъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Въ сборникѣ г. Иванова находится такое повѣрье о долѣ ангелѣ: когда младенецъ еще находится въ утробѣ матери, то его ангелъ хранитель питаетъ его и учитъ всему, что онъ долженъ знать для своей земной жизни. Въ моментъ выхода младенца изъ утробы матери на свѣтъ ангелъ ударяетъ пальцемъ по верхней губѣ младенца, отчего образуется на ней на всю жизнь углубленная дорожка, а младенецъ въ ту же минуту забываетъ все сообщенное ему ангеломъ. Потомъ въ дальнѣйшей жизнь человѣка всѣ сообщенныя ему ангеломъ свѣдѣнія постепенно возстановляются въ памяти его, если человѣкъ будетъ

упражняться въ размышленіяхъ и самонаблюденіяхъ. И тогда изъ такого человѣка выходитъ разумный, великій мужъ; въ противномъ же случаѣ, если человѣкъ ведетъ разсѣянную жизнь и плохо припоминаетъ ангельское ученіе, то и бываетъ малоспособный и съ большими нравственными недостатками (сл. Кабанья. Сообщ. учитель П. Марусовъ).

Дополненія.

1) *Біографія П. В. Иванова.* П. В. Ивановъ родился въ 1837 г. въ г. Чугуевѣ (харьков. губ.). По окончаніи курса въ харьковской губернской (нынѣ 1-й) гимназіи въ 1856 г., служилъ вольноопредѣляющимся въ крымскомъ пѣхотномъ полку на Кавказѣ. Съ 1862 г. былъ учителемъ и смотрителемъ уѣзднаго училища въ г. Купянскѣ, а съ 1877 г. инспекторомъ народныхъ училищъ. Въ 1884 г. вышелъ, по болѣзни, въ отставку. Съ 1871 г. состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Общества испытателей природы при харьков. университетѣ и съ 1884 г. членомъ Историко-филологическаго общества при харьков. университ. Не считая этнографическихъ изслѣдованій, въ „Трудахъ“ Общества испытателей природы помѣщены слѣдующія статьи г. Иванова: 1) 1871, IV, Перечень вида клоповъ (Hemiptera heteroptera) въ окрестностяхъ г. Купянска; 2) 1872, VI, Перечень перепончатокрылыхъ (Hymenoptera monotrocha) въ окрестн. г. Купянска; 3) 1874, VIII, Списокъ тентрединидъ въ окр. г. Купянска; 4) 1876, X, Описаніе стрекозъ въ окр. г. Купянска; 5) 1881, XV, Списокъ насѣкомыхъ, причиняющихъ въ окрестностяхъ г. Купянска вредъ хлѣбамъ; 6) 1885, XIX, Списокъ кобылокъ (cicadina) въ окрестн. г. Купянска и 7) 1888, XXI, Списокъ прямокрылыхъ (orthoptera) въ окрестностяхъ Купянска.

2) *Сотрудники П. В. Иванова.* Г. Ивановъ внесъ въ науку народовѣдѣнія массу новаго матеріала и занялъ видное мѣсто среди этнографовъ-собирателей. Крупные результаты достигнуты г. Ивановымъ при ближайшемъ участіи многихъ сотрудниковъ, составившихъ какъ бы мѣстную школу народоизученія. Самъ г. И. высоко цѣнитъ это участіе и вездѣ указываетъ на

него. И мы, заканчивая свой обзоръ этнографическихъ трудовъ г. И., считаемъ своимъ долгомъ перечислить здѣсь сотрудниковъ его. Въ сборникѣ дѣтскихъ крестьянскихъ игръ (1890 г.) г. И. выражаетъ благодарность слѣдующимъ лицамъ, доставившимъ ему матеріалы, учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ: Х. Г. Сильченковой, А. А. Склобинской, А. А. Склобинской 2-й, В. Н. Свѣтъ, М. Е. Аксененковой, А. А. Ковалевской, Е. П. Гингазовой, В. И. Шовчениной, А. В. Венедиктову, М. Д. Скубаку, А. В. Бабакову, А. Д. Панкратьеву, г. Марусову и Г. Е. Коломійцеву. Въ другихъ сборникахъ г. И. упоминаются еще М. Нетреба, Д. Калининъ, Г. Близно; затѣмъ встрѣчаются записи крестьянъ Бувальца, Рудича, Сухоносова и друг. Здѣсь мы знакомимся съ цѣлой группой мѣстныхъ дѣятелей этнографовъ, почтенныхъ тружениковъ просвѣщенія, работающихъ на двѣ стороны—вверхъ—для людей науки и внизъ—для простаго народа—явленіе исключительное въ нашей провинціальной жизни, отрадное и поучительное.

Изъ сотрудниковъ г. Иванова самостоятельно выступали въ печати:

В. Н. Свѣтъ въ 1 кн. Этногр. Обозрѣнія 1889 г. небольшая статья о черничкахъ (92—101) въ малорусскомъ селѣ Тарасовкѣ купян. у. харьков. губер. Чернички—дѣвушки, давшія обѣтъ безбрачной жизни. Г-жа Свѣтъ говоритъ о черничкахъ, живущихъ въ одиночку и общинами. Статья содержательная и прекрасно изложена.

М. Д. Скубакъ въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ 1890 г. (49—56) помѣстилъ статью „Одежда крестьянъ сел. Араповки купянскаго уѣзда“—описаніе одежды, опредѣленіе стоимости ея и сборничекъ повѣрій и примѣтъ, связанныхъ съ одеждой.

Н. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній священника о. Никифора Хмѣлевскаго[1] объ упраздненномъ базиліанскомъ училищѣ, въ г. Умани.

Базиліанское училище, греко-уніатскаго вѣдомства, я помню съ 1820 г. Заведеніе это основано было въ Умани вмѣстѣ съ базиліанскимъ монастыремъ графомъ Францискомъ-Салезіемъ Потоцкимъ въ 1766 г.; на содержаніе училища Потоцкій подарилъ два селенія: Грежановку и Ксендзовку, находящіяся вблизи Умани, съ принадлежащими къ нимъ землями и лѣсами. Доходы съ этихъ селеній всякій годъ употреблялись исключительно на содержаніе сего училищнаго заведенія. Въ нихъ жили два прокуратора—монахи завѣдывающіе хозяйствомъ. Имѣнія эти пожертвованы были навсегда въ пользу училища.

Базиліанскіе монахи составляли штатъ преподавателей училища. Ректоромъ былъ въ 1830 г. іеромонахъ, окончившій курсъ академіи, Литинскій, а въ 1832 г. Скибовскій Антоній, который по присоединеніи въ 1840 г. къ православію остался православнымъ архимандритомъ въ Тригурскомъ монастырѣ (около

[1]) О. Никифоръ Хмѣлевскій родился въ 1814 г. въ с. Россошѣ, (гайсинскаго у. под. губ., гдѣ отецъ его былъ уніатскимъ приходскимъ священникомъ. Съ 1821 по 1831 г. воспитывался въ уманскомъ базиліанскомъ училищѣ; затѣмъ, въ 1839 г. онъ присоединился къ православію, былъ рукоположенъ въ священника и въ 1856 получилъ приходъ въ с. Ольшанкѣ (уманскаго у.), который занималъ въ теченіи 30 лѣтъ. Благодаря его энергіи и умѣнію ладить съ людьми и обстоятельствами онъ успѣлъ значительно обстроить свой бѣдный приходъ: возвратилъ церковную землю, захваченную въ началѣ столѣтія помѣщиками, построилъ церковь, которой не было вовсе въ приходѣ, домъ для помѣщенія причта и т. д.

Житомира); инспекторомъ былъ Андрушкевичъ, тоже іеромонахъ, профессора были всѣ іеромонахи; всякій изъ нихъ преподавалъ отдѣльный предметъ: латинскій языкъ—Дашкевичъ, географію—Козловскій, Куфинскій—музыку и т. д., всѣхъ преподавателей было восемь душъ, 9-й префектъ, 10-й ректоръ и 2 прокуратора въ селеніяхъ. Всѣ они держали очередныя служенія, которыя ежедневно совершались. Кромѣ выполненія монашескихъ обѣтовъ, главною обязанностію всѣхъ, какъ начальствующихъ, такъ и учащихъ, было воспитаніе юношества въ повиновеніи и преданности обрядамъ и уставамъ римско-католической религіи, безусловной покорности старшимъ, а въ особенности—родителямъ. Въ случаяхъ нарушенія порядка училищнаго, ученикъ не имѣлъ права объясняться, выгораживать себя, а долженъ былъ слушать и выполнять то, что ему было внушаемо. И случаевъ ко внушенію было много; профессора имѣли такую ревность преподавать наставленія ученикамъ, что малѣйшій проступокъ ученика, или неожиданная встрѣча съ профессоромъ вызывали цѣлый ворохъ наставленій отъ него съ текстами изъ св. Евангелія, посланій апостольскихъ, историческими примѣрами и т. п. и все это на польскомъ языкѣ. Требовали, чтобы каждый ученикъ училищную инструкцію зналъ наизусть и соблюдалъ ее какъ святыню, какъ требованіе религіи.

Въ училищѣ учениковъ во всѣхъ семи классахъ съ приготовительнымъ было до 800 душъ и болѣе. Всѣ они были римско-католическаго исповѣданія; греко-уніатскаго исповѣданія о. Никифоръ, помнитъ, Хмѣлевскихъ 3-хъ, Савицкаго 1, Козловскаго 1, Свидерскаго, а православныхъ всѣхъ было 13 душъ, которые въ великій постъ исповѣдывались въ уманскомъ Николаевскомъ соборѣ православнымъ священникомъ. Въ томъ же самомъ зданіи состоялъ *конвиктъ* (общія квартиры, пансіонъ), т. е. на содержаніи монастырскомъ были дѣти болѣе богатыхъ и знатныхъ родителей, по преимуществу помѣщиковъ, владѣвшихъ крестьянами свыше 100 душъ [1]). Конвикторы зани-

[1]) Оригинальная подробность нравовъ шляхты юго-западнаго края во время крѣпостное: шляхетское общество, въ силу установившихся нравовъ, распалось на

мались преимущественно иностранными языками, музыкою, танцами и фехтованіемъ. На все это имѣлись свѣтскіе заграничные преподаватели. По окончаніи курса Базиліанскаго училища такіе воспитанники поступали въ заграничныя учебныя заведенія. Средняго состоянія ученикамъ, окончившимъ 7 классовъ училища, если замѣчали, что ученикъ хорошаго, нравственнаго направленія, не выдавали свидѣтельствъ для полученія права на поступленіе на какую либо стороннюю должность, а оставляли таковыхъ при училищѣ для пользы учениковъ низшихъ классовъ, т. е. въ качествѣ репетиторовъ и размѣщали по квартирамъ такъ, что безъ надзора репетитора не было ни одной квартиры; да и хозяинъ не имѣлъ права держать на квартирѣ учениковъ, если не заявилъ себя и своего дома съ нравственной стороны предъ начальствомъ училища. Репетиторъ квартирный былъ обязанъ смотрѣть за подчиненными ему учениками по религіозной части, нравственной; также за здоровьемъ ученика, за сномъ его, имуществомъ, учебными принадлежностями, объяснять ученику урокъ, выслушать его и, если ученикъ не зналъ урока, то заставить его выучить; репетиторъ имѣлъ право *положить* ученика и два раза его ударить, а *пали* дать пять разъ; при молитвахъ утреннихъ и вечернихъ онъ всегда присутствовалъ; молитвы всегда произносились на польскомъ языкѣ вслухъ однимъ изъ учениковъ, всѣ слушали,

---

двѣ категоріи: помѣщиковъ настоящихъ (obywatele), владѣвшихъ помѣстьями свыше 100 душъ м. п. и мелюзгу (собственно szlachta), владѣвшую болѣе мелкими помѣстьями или вовсе не имѣвшую помѣстій. Первая категорія относилась ко второй съ презрѣніемъ, обзывая ее сволочью (szuja), вторая попрекала первую въ панствѣ и, руководясь конечно завистью, утверждала, будто паны измѣняютъ народному дѣлу, разрушая предками созданный принципъ шляхетскаго равенства. Эта борьба двухъ категорій шляхетства особенно рѣзко проявилась въ промежутокъ времени 1840—1850, когда во многихъ городахъ юго-западнаго края образовали т. н. *рессурсы* (т. е. нѣчто въ родѣ дворянскихъ клубовъ съ танцовальными вечерами, карточною игрою и т. п.) Основатели рессурсъ поставили цензъ 100 душъ для права участвовать въ клубѣ (впрочемъ тотъ-же цензъ давалъ право голоса на дворянскихъ выборахъ). Мелкопомѣстные шляхтичи и особенно судовые паничи (kancelarzyści), которыми кишѣли уѣздные города, со скрежетомъ зубовъ встрѣтили это ограниченіе, но такъ и не добились участія въ рессурсахъ, гдѣ танцовали и играли въ карты исключительно „obywatele“, а „szuja“ вовсе не допускалась.

стоя на колѣняхъ, а репетиторъ, тоже стоя на колѣняхъ сзади учениковъ, наблюдалъ за общимъ порядкомъ и вниманіемъ учениковъ къ молитвѣ. Если ученикъ шелъ по необходимости въ городъ, то репетиторъ обязанъ былъ осмотрѣть его штатный костюмъ, пуговицы, сапоги и дать ему на руки записку—на сколько времени онъ отпущенъ и посылалъ съ нимъ благонадежнаго ученика, чтобы тотъ не опоздалъ или не былъ кѣмъ либо обиженъ.

Исправленіемъ нравственности учениковъ, ихъ поведенія, а также съ цѣлію усиленія занятій ихъ по учебной части, служила въ училищной практикѣ *марка* т. е. запись, это была книжечка, въ которую записывались шалости и проступки противъ нравственности, именно: грубое непочтеніе къ старшему, неопрятность, гнусность, неприличное выраженіе словомъ, несоблюденіе порядка за столомъ во время обѣда или ужина и т. п. Если книжечка съ записью о проступкѣ ученика побудетъ у него часъ, то за вину, кромѣ классическихъ уроковъ, ученикъ долженъ выучить на память 10 *вокабуловъ* на языкѣ, какой будетъ ему назначенъ: французскомъ, латинскомъ или нѣмецкомъ и разобрать эти слова по склоненіямъ. Въ случаѣ же, если ученикъ сдаетъ книжечку другому до часа времени, то наказывается по мѣрѣ вины. Такихъ книжечекъ или марокъ на каждыя три квартиры была одна. Къ обязанностямъ репетитора относилось: утромъ, по выслушаніи уроковъ квартирантовъ, составлять квартирную эррату, въ которой означались поведеніе и успѣхи по предметамъ. Также была общая для всего класса эррата. Каждаго дня утромъ всякій репетиторъ, подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ, приводилъ учениковъ въ костёлъ, гдѣ каждый становился на свое мѣсто. Если же я, примѣрно, сынъ греко-уніатскаго священника, то я долженъ явиться за 10-ть минутъ до Богослуженія къ очередному священно-служащему профессору, сотворить молитву: „Laudetur Iesus Christus“ и постучать въ келейныя двери, на что онъ отвѣчаетъ: „in secula seculorum amen“, отворяетъ двери и я съ нимъ прихожу въ *закристію*, одѣваю его въ облаченіе и провожу съ колокольчикомъ въ костёлъ для отправленія читанной *мши*, такъ назы-

ваемой *примаріи*. По выслушаніи Богослуженія, на которомъ знающіе поютъ группою Божественные гимны, всѣ отправляются по классамъ и сдаютъ свои уроки авдиторамъ въ продолженіи получаса. По первому звону колокольчика всѣ садятся на мѣста; по входѣ профессора прислуживавшій при совершеніи *мши* читаетъ въ классѣ на латинскомъ языкѣ молитву: „Veni Sancte Spiritus etc“. Разсмотрѣвши эррату общую, профессоръ по алфавиту вызываетъ учениковъ на средину класса говорить урокъ и затѣмъ требуетъ передать его своими словами. Переспросивши такимъ образомъ нѣсколько десятковъ учениковъ, профессоръ проходитъ между скамьями и, смотря каждому пристально въ глаза, усматриваетъ незнающихъ урокъ, записываетъ и вызываетъ на средину отвѣчать. Дѣйствительно оказывается, что изъ числа вызванныхъ 30 человѣкъ, едва 5 или 6 знаютъ урокъ. Тогда профессоръ смотритъ въ эрраты, справляются какъ тамъ они записаны и вызываетъ для справки самихъ авдиторовъ. Незнающіе должны до окончанія занятій по классу стоять на колѣняхъ и выучить непремѣнно урокъ, если же не выучатъ, то нѣкоторыхъ, для примѣра другимъ, наказывали розгами, но наказывали въ томъ случаѣ, если ученикъ былъ замѣченъ въ шалости въ костёлѣ, классѣ или на квартирѣ; если иногда бывали оторваны пуговицы при одеждѣ, или она замарана, сапоги нечисты, сумка для классныхъ принадлежностей не въ порядкѣ, если книгъ всѣхъ ученикъ не имѣлъ, если онъ былъ разсѣянъ, то выводили его на середину класса при двухъ присутствовавшихъ *каляфакторахъ*[1])—силачахъ; профессоръ велѣлъ раздѣвать виновнаго и, сообразно съ виновностію, читалъ ему нотацію. Раздѣваніе его производилось медленно и, если виновный обнаруживалъ раскаяніе и обѣщалъ исправиться относительно успѣховъ въ наукахъ и въ нравствен-

[1]) Каляфакторомъ въ базиліанскихъ и іезуитскихъ училищахъ назывался избранный въ каждомъ классѣ школьнымъ начальствомъ ученикъ, великовозрастный и потому превосходившій товарищей физическою силою. Онъ, по приказанію начальства, обязанъ былъ въ классѣ исполнять роль палача надъ товарищами и отчасти класснаго служителя: производилъ сѣченіе, подавалъ мѣлъ и т. п., въ награду за эти услуги онъ получалъ даровое содержаніе въ конвиктѣ.

номъ отношеніи, то всё наказаніе ограничивалось раздѣваніемъ при 200 иногда ученикахъ; если же виновный старался оправдаться и профессоръ находилъ, что оправданіе его не правдоподобно, то его клали и самъ авдиторъ его наносилъ ему одинъ или два удара розгою *на голо*. Вообще, при такихъ случаяхъ внушалось ученикамъ послушаніе, смиреніе, кротость и повиновеніе начальствующимъ. Такой порядокъ или пріемъ былъ принятъ при наставленіи учениковъ первыхъ 4 классовъ. Въ остальныхъ трехъ классахъ вину ученика, а тѣмъ болѣе сопротивленіе его, излагали на четвертушкѣ или полулистѣ бумаги, прикалывали на спинѣ виновнаго и поручали двумъ *каляфакторамъ*—силачамъ подъ руки провести виновнаго по старшимъ классамъ. Приведши въ классъ, его ставили спиною къ ученикамъ и профессоръ вслухъ читалъ вину ученика; классный же профессоръ, вставши съ каѳедры и съ жестомъ обращаясь къ ученикамъ, поднимавшимся съ мѣстъ на ноги, обличалъ виновнаго приведеннаго, стыдилъ его и дѣлалъ нравственныя назиданія всему классу въ томъ смыслѣ, чтобы каждый изъ нихъ избѣгалъ подобныхъ проступковъ и не поддавался искушенію.

На всѣ классы были назначены тайные смотрители изъ лучшихъ по поведенію учениковъ 5-го класса, такъ называемые *окультусы*, имѣвшіе отъ училищнаго начальства свидѣтельства, которыя хранили при себѣ на всякій случай; они отправлялись секретно по квартирамъ, переодѣвались въ различные костюмы. При посѣщеніи квартиры заходили прежде всего въ комнаты хозяина подъ различными предлогами и высматривали какъ ведутъ себя ученики и поведеніе каждаго записывали; они же по очередно ходили въ театръ, клубъ, на танцовальные вечера, въ садъ Софіевку, высматривать учениковъ. Ученики, посѣщавшіе подобныя собранія, преимущественнодѣти состоятельныхъ родителей, одѣвались для этого въ цивильное платье. Такихъ то нарушителей инструкціи училищной, подмѣченныхъ окультусами, водили по классамъ и *презентовали*. Всякій мѣсяцъ неожиданно посѣщала квартиры ревизія, состоявшая изъ префекта или профессора, 2 учителей

и 4 каляфакторовъ. На квартиру, заподозрѣнную по доносу тайныхъ окультусовъ, въ 9 или 10 ч. ночи неожиданно являлись означенныя лица и по входѣ въ квартиру ставили 2 каляфакторовъ на дверяхъ, а 2-хъ во дворѣ подъ окнами и профессоръ отъ репетитора требовалъ свѣдѣній о нравственномъ состояніи учениковъ и велѣлъ подавать квартирную эррату о мѣсячномъ ихъ поведеніи. Просмотрѣвши эррату, онъ требовалъ списковъ одѣянія, бѣлья, библіотеки и имущества всякаго ученика. У кого оказывалось цивильное одѣяніе, кромѣ штатнаго, велѣлъ забирать каляфакторамъ. Книги, запрещенныя инструкціею, и все вообще противузаконное отбиралось для продажи съ публичнаго торга въ пользу бѣдныхъ учениковъ, хорошо обучавшихся. Если же хозяинъ оказывался пособникомъ ученикамъ въ нарушеніи инструкціи училища, то закрывали квартиру, а репетиторамъ дѣлали публичный выговоръ въ присутствіи всей училищной корпораціи въ первый разъ, а во второй разъ отказывали отъ репетиціи.

Въ 1831 или 1832 г. послѣ польскаго возстанія былъ вызванъ въ С.-Петербургъ ректоръ училища Скибовскій и, какъ помнится, по подозрѣнію въ участіи въ возстаніи польскомъ учениковъ старшихъ классовъ. По оффиціальномъ закрытіи училища всѣ ученики были удалены изъ него; нѣкоторые изъ нихъ пошли въ повстаніе, а профессора были размѣщены по монастырямъ православнымъ, такъ какъ многіе изъ нихъ приняли православіе, а одинъ, именно Іануарій Дашкевичъ, не принялъ православія и находился въ подольской губерніи, балтскаго уѣзда, въ с. Семидубахъ у помѣщицы Богуцкой; съ нимъ мнѣ приходилось видѣться въ 1857 году; посѣщалъ онъ церковь тамошняго прихода, служить никогда не служилъ и пріобщался св. таинъ въ св. четыредесятницу возлѣ св. престола въ своемъ габитѣ и епитрахили. При погребеніи его былъ споръ: католическіе ксендзы настаивали, чтобы погребать его, по желанію помѣщиковъ, по католическому обряду,

но православные священники, опираясь на томъ, что онъ уніатскій монахъ, пріобщался св. таинъ возлѣ св. престола въ православномъ храмѣ, одѣли его какъ священника и отпѣли надъ нимъ священническое погребеніе въ с. Курячахъ[1]) подольской губерніи.

Свящ. **Вик. Илляшевичъ.**

[1]) Или въ с. Семидубахъ.

Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія.

I.

Далеко не каждому университету пришлось быть съ перваго дня своего существованія такимъ истинно просвѣтительнымъ центромъ, какимъ былъ университетъ харьковскій. Первый провинціальный университетъ, основанный послѣ московскаго и одновременно съ далекимъ казанскимъ, харьковскій возникъ въ ту счастливую эпоху, когда въ русскомъ обществѣ господствовало наибольшее довѣріе къ просвѣщенію, къ прогрессу. Основанный не столько по предписанію администраціи, сколько по почину самого общества въ лицѣ его достойнаго представителя В. Н. Каразина, харьковскій университетъ сразу сталъ не только правительственнымъ но и общественнымъ учрежденіемъ, никогда не терявшимъ живой связи съ окружающей его общественной средой. Съ самаго начала своего существованія онъ сталъ во главѣ народнаго просвѣщенія огромной области, простиравшейся отъ курской губ. до Чернаго моря и равной почти тремъ теперешнимъ учебнымъ округомъ — одесскому, кіевскому и харьковскому. Принявъ въ наслѣдство отъ добраго стараго времени слушателей изъ прекраснаго коллегіума, сослужившаго не мало пользы просвѣщенію Слободской Украйны, да изъ нѣсколькихъ давно закрытыхъ полковыхъ школъ въ полтавской и черниговской губ., харьковскій университетъ дѣятельно принимается учреждать новыя училища и подготовлять для нихъ преподавателей и ру-

ководителей. Рядомъ съ этимъ университетъ занимается развитіемъ печатнаго слова,—онъ беретъ на себя иниціативу издательской дѣятельности въ глухой провинціи, продолжая и въ этомъ дѣятельность коллегіума и пользуясь тогдашней свободой цензуры. Онъ дѣлится съ обывателями всѣми своими научными интересами, стараясь пробудить въ нихъ любозна тельность, пріучить ихъ къ книгѣ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ своего учрежденія, когда число читающихъ и даже грамотныхъ людей въ Харьковѣ было такъ ничтожно, университетская типографія за одинъ 1815 годъ выпускаетъ 27 изданій самаго разнообразнаго содержанія; за 1818 годъ издается 16 книгъ; вообще же за все первое десятилѣтіе жизни харьковскаго университета его типографія выпустила 210 изданій, что составляетъ половину всего количества вышедшихъ за это же время по всей Россіи книгъ. Изъ нихъ 90 принадлежало перу профессоровъ, 16 студентамъ, а остальные случайнымъ и постороннимъ писателямъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти книги расходились между обывателями, свидѣтельствуетъ о пробужденіи сознательныхъ умственныхъ запросовъ въ тогдашней сонной атмосферѣ. Въ теченіе всего перваго пятидесятилѣтія харьковскаго университета, при содѣйствіи его лучшихъ профессоровъ, издавалось нѣсколько газетъ и журналовъ [1]): „Украинскій Вѣстникъ“—подъ редакціей проф. Филомофитскаго, при ближайшемъ сотрудничествѣ талантливаго поэта и переводчика—профессора Гонорскаго; Масловичемъ издавался „Харьковскій Демокритъ“; подъ редакціей Бецкаго—„Молодикъ“; харьковскимъ книгопродавцемъ Лангеромъ издавался „Харьковскій Еженедѣльникъ“; редактируемый Склабовскимъ научный „Украинскій журналъ“ пользовался репутаціей лучшаго провинціальнаго журнала; учи-

[1]) Совсѣмъ не то видимъ мы, оглядываясь на прошлое кіевскаго университета. Открытый спеціально изъ особыхъ разсчетовъ тогдашней администраціи края, онъ все первое время своего существованія больше преслѣдуетъ задачи политическія, чѣмъ широко просвѣтительныя. Лишенный сразу всякой самостоятельности, онъ не былъ общественнымъ научнымъ центромъ. Первая попытка основанія ученаго журнала по предложенію Максимовича въ 1839 г. не осуществляется на дѣлѣ. Университетъ печатаетъ въ своей типографіи одни учебники да рѣчи профессоровъ (см. Шульгинъ, Къ исторіи Кіевск. Унив.).

тель гимназіи Вербицкій издавалъ съ 1817 года газету „Харьковскія Извѣстія“. Кромѣ этой періодической прессы, въ Харьковѣ постоянно выходили сборники и альманахи, какъ научнаго, такъ и художественнаго содержанія. Такой оживленной литературной дѣятельности въ Харьковѣ положенъ былъ внезапно предѣлъ отнятіемъ у университета цензуры, и съ 50-хъ годовъ мы ясно видимъ продолжающійся почти и до сихъ поръ упадокъ литературной дѣятельности въ той обширной территоріи, которая не такъ давно вся объединялась подъ общимъ названіемъ Слободской Украйны. Профессоръ Стояновъ въ своей біографіи Каченовскаго придаетъ этому отсутствію періодической прессы въ городѣ, имѣющемъ 150,000 жителей, три высшихъ учебныхъ заведенія, самое отрицательное значеніе и видитъ въ современной мертвой тишинѣ нашей провинціальной литературы одну изъ главныхъ причинъ, погубившихъ не одну талантливую, богато одаренную натуру, не находящую никакого примѣненія своимъ силамъ [1]).

II.

Первымъ толчкомъ, какъ мы уже говорили, къ развитію въ Харьковѣ журнально-литературной дѣятельности было основаніе харьковскаго университета [2]), совпавшее съ золотымъ вѣкомъ нашей цензуры. По уставу 1803 г. „цензура всѣхъ печатаемыхъ въ губерніи книгъ имѣетъ принадлежать единственно университетамъ, коль скоро они въ округахъ открыты будутъ“. Окончательно выработанный въ 1804 г. цензурный уставъ лучше всѣхъ послѣдующихъ удовлетворялъ даже самымъ взыскательнымъ требованіямъ и смѣлымъ надеждамъ: цензура всѣхъ книгъ ввѣрялась въ руки комитета изъ профессоровъ и магистровъ. Главное управленіе университета только въ рѣдкихъ случаяхъ

[1]) Стояновъ. Воспоминанія о Каченовскомъ. Харьк. 1870.

[2]) Изъ изданій, выходившихъ въ Харьковѣ еще раньше, мы можемъ указать на стихотворенія Сковороды, богословскія рѣчи профес. Духовной Академіи и еще на народные календари, издававшіеся при ректорѣ Прокоповичѣ между 1800—1820 годами.

вмѣшивалась какими либо распоряженіями отъ своего имени. Первые годы харьковскій университетъ (1805—1809), весь поглощенный заботами о собственномъ устройствѣ, о пріисканіи профессоровъ и привлеченіи слушателей, еще мало пускаетъ въ ходъ свои издательскія права и больше пользуется свободой слова въ живыхъ рѣчахъ, читаемыхъ профессорами не только на актахъ, но и при открытіи разныхъ училищъ своего обширнаго округа и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Первое десятилѣтіе харьковскаго университета является однимъ изъ самыхъ радужныхъ, исключительныхъ періодовъ въ исторіи нашего умственнаго развитія, когда лучшая часть общества рука объ руку съ правительствомъ шла на встрѣчу свѣту знанія, прогресса и гуманности, когда самое даже бѣдствіе 12-го года только сблизило насъ съ Западной Европой и дало возможность непосредственнаго знакомства съ ея утонченной жизнью и возвышенными нравственными принципами. Вѣра въ просвѣщеніе, убѣжденіе въ необходимости общественной реформы и довѣріе къ лучшимъ силамъ человѣка проникало все болѣе и болѣе въ общественное сознаніе и живительными лучами будило нашихъ коснѣвшихъ въ невѣжествѣ прадѣдовъ, призывало къ новой, лучшей жизни. Это настроеніе всецѣло отразилось на всѣхъ рѣчахъ, которыя произносились профессорами харьковскаго университета и вмѣстѣ съ учебниками выходили въ свѣтъ, какъ первыя его изданія. Во всѣхъ ихъ прославляется просвѣщеніе, раскрываются передъ слушателями успѣхи человѣческаго ума по всѣмъ отраслямъ науки; таковы — рѣчь, читанная на актѣ 1811 г. „о преимуществѣ и силѣ истиннаго и совершеннаго просвѣщенія“, (въ которой ученый мужъ восторженно восклицаетъ: „о преславный и божественный свѣтъ истины! о когда бы ученые никогда не забывали, что обязанность ихъ есть питать и хранить тебя....!“), и „о пользѣ и вліяніи наукъ на благосостояніе рода человѣческаго“;—рѣчь директора училищъ Войска Донскаго—„о достоинствахъ человѣка, происходящихъ отъ дарованія слова“, въ которой попадаются такія философско-лирическія мѣста: „что можетъ быть для человѣка занимательнѣе, какъ само человѣчество? Разумъ отличаетъ человѣка отъ жи-

вотнаго. Слово—сила. Человѣкъ всегда пребудетъ великъ. Его силы, воскрылясь даромъ слова, превозносятъ его надъ всѣми тварями и превознесутъ всегда выше и выше. Но сила слова—въ добрѣ, добродѣтель есть несомнѣнная спутница всѣхъ занимающихся изящными науками. Хвала поэтамъ!"

Въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ 1811—12 г. говорится: „О значеніи естественныхъ наукъ въ общежитіи", „О пользѣ наукъ и въ особенности естественныхъ", „О величіи изящныхъ наукъ", „О пользѣ всемірной и отечественной исторіи", „О важности общественнаго воспитанія". Другія рѣчи передавали публикѣ всевозможныя научныя свѣдѣнія: „О дѣйствіи сходствомъ противоположности матерій електрической и магнитной", „О причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ предохранить его отъ совершенной порчи", „О теплотворной матеріи и ея дѣйствія". Въ 1816 году была сказана интересная лекція Архангельскимъ „О точныхъ наукахъ", гдѣ подробно и разносторонне разсматривались достоинства математики и опровергалось очень горячо то предположеніе, что науки приносятъ вредъ. „Не науки, не искусства, не художественныя произведенія причиною зла, между людьми свирѣпствующей. Источникъ ихъ чистый, цѣль благородная, дѣйствіе святое. Необузданное самолюбіе человѣческое всему злу виной!"

Всѣ эти рѣчи читались не для однихъ учащихся, а для публики въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; университетъ пользовался всякими случаями, чтобы привлечь въ свои стѣны обывателей и занять ихъ умъ великими интересами науки. Праздновались не только дни акта университета но и день восшествія на престолъ Императора, въ 12—15 годахъ дни наиболѣе славныхъ побѣдъ.

Для привлеченія публики на актахъ не только читались рѣчи и отчеты, но разыгрывались цѣлыя симфоніи и ораторіи, устраивались пышныя иллюминаціи съ фигурными вензелями Императора. И все это носило не формальный казенный характеръ, а наивно восторженный, соотвѣтствовавшій общему при-

поднятому патріотическому настроенію тогдашней эпохи. Такъ, въ 1814 году на актѣ исполнялась ораторія въ трехъ частяхъ, гдѣ два хора прославляютъ русскаго Царя—„Царя славы силы". Одинъ хоръ русскій вопрошаетъ горделиво:

Скажите намъ, цари, народы,
Что были ваши всѣ права,
Когда внимали безъ свободы
Наполеоновы слова?

Другой хоръ, изображающій французовъ, смиренно отвѣтствовалъ:

Мы о величіи мечтали
И свѣтомъ овладѣть желали
И думали—Наполеонъ
Взошедъ на древній галльскій тронъ
Законъ всему дастъ свѣту и т. д...

Послѣ чего описывались всѣ несчастія, постигшія народы отъ воцаренія Наполеона, и прославляется русскій Царь. Легко представить себѣ, какимъ умиленіемъ наполнялись при такихъ „симфоніяхъ" сердца обывателей, для которыхъ Александръ I являлся въ сіяніи героя освободителя и вѣстника мира. Всѣ эти ораторіи, рѣчи, въ печатномъ видѣ и устной передачѣ, быстро распространялись въ тогдашнемъ обществѣ, а вмѣстѣ проникали вглубь провинціи и просвѣщеніе и гуманныя начала. Правда, эти первые начатки культуры иногда выражались и уродливыми формами слѣпаго подражанія Европѣ и чисто внѣшняго лоска, какъ мы это видимъ изъ правдивыхъ очерковъ талантливѣйшаго изобразителя тогдашней провинціи [1]) Квитки, но все же это были первыя сѣмена прогресса, первые шаги общества изъ мрака къ свѣту. Въ провинціи нарождался мало по малу классъ интеллигентныхъ людей, прислушивающихся къ тому, что дѣлалось на Божьемъ свѣтѣ, людей, уже нуждавшихся въ книгѣ, журналѣ, газетѣ, и мы видимъ, что Харьковскій университетъ, чутко прислушиваясь къ запросамъ окружающей его среды, скоро улавливаетъ этотъ новый интересъ общества и спѣшитъ его удовлетворить, переходя отъ рѣчей и учебниковъ къ изданію болѣе разносторонних печатныхъ произведеній.

[1]) См. 4-й томъ соч. Квитки. Украинскіе дипломаты, Ярмарка и др.

III.

Самая старая изъ изданныхъ харьковской университетской типографіей книгъ—„Бабушка и внучка“—повѣсть въ стихахъ неизвѣстнаго автора—помѣчена 1811 годомъ. Мы нигдѣ не могли ее найти. Хотя мы не знаемъ заглавій другихъ издававшихся около того же времени книгъ, но очевидно, что она не первая, такъ какъ въ архивѣ харьков. университета находится слѣдующая оффиціальная бумага отъ того же 1811 года, полученная совѣтомъ университета отъ Алексѣя Разумовскаго, тогдашняго министра просвѣщенія:

Дѣла харьковскаго совѣта университета съ цензурнымъ комитетомъ! Дѣло № 2598. „Предлагаю принять по харьковскому учебному округу слѣдующія мѣры: 1) наблюдать, чтобы вѣдомости о разсмотрѣнныхъ цензурнымъ комитетомъ книгахъ и сочиненіяхъ доставляемы были ко мнѣ непремѣнно по истеченіи каждаго мѣсяца. 2) Новыя театральныя сочиненія и отдѣльные ежедневные листы, содержащіе какія либо частныя или публичныя извѣстія, буде бы поступили впредь въ цензуру, обращать по принадлежности въ министерство полиціи. 3) Сдѣлать распоряженіе, чтобы для помѣщенія въ газетахъ не было принимаемо отъ частныхъ лицъ никакого объявленія, ежели оное не было прежде представлено на разсмотрѣніе полиціи. 4) Ежели представлены будутъ отъ частныхъ лицъ прошенія о заведеніи новыхъ типографій, то не давать имъ на то дозволенія, пока не представитъ со стороны министерства полиціи свидѣтельства въ благонадежности, да и въ такомъ случаѣ предварительно представлять мнѣ о дозволеніи открыть типографію. Алексѣй Разумовскій. Августа 17. 1811 года. Петербургъ“.

Въ этомъ же 1811 году была запрещена, тоже по предложенію Разумовскаго, одна книга (Дѣло за № 2593) „Предлагаю харьковскому университету сдѣлать распоряженіе, чтобъ въ случаѣ представленія въ цензурный комитетъ онаго перевода польскаго сочиненія графа Стройновскаго о условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами и проч. не было дано дозволенія на печатаніе сей книги“. Ал. Разумовскій.

Это являлось только ослабленіемъ цензурной самостоятельности университета, а слѣдующая бумага, пришитая къ тому же дѣлу за № 2593, прямо уже имѣетъ видъ вмѣшательства въ оцѣнку учебниковъ, издаваемыхъ университетомъ для надобностей ввѣреннаго ему округа: „Совѣту харьковскаго Императорскаго университета. Вслѣдствіи представленія совѣта за № 358, предлагаю оному совѣту, учебную книгу, которая сочинена будетъ и по разсмотрѣніи совѣта найдена будетъ полезная для университета или гимназій до напечатанія оной, представлять мнѣ. Какое же награжденіе выдавать сочинителямъ, о томъ въ свое время сдѣлано будетъ постановленіе. Ал. Разумовскій".

Дальше въ дѣлахъ архива мы не находимъ дѣлъ, относящихся до изданія той или другой книги, но зато много дѣлъ, касающихся различныхъ періодическихъ изданій, о которыхъ рѣчь впереди. Что же касается до книгъ, издаваемыхъ въ это далекое время университетской типографіей, то до насъ дошли только заглавія ихъ, но самихъ книгъ не находится уже ни въ библіотекахъ, ни въ архивѣ харьковскаго университета. Древнѣйшія видѣнныя нами книги—переводъ поэмы Делиля „Сады" 1814 года и стихотворенія Нахимова 1815, извѣстнаго поэта и сатирика. Обѣ книги отпечатаны на толстой синеватой бумагѣ старинным выпуклымъ шрифтомъ. Стихотворенія Нахимова и теперь читаются еще съ интересомъ, особливо его короткія басенки, отличающіяся тонкимъ юморомъ и наблюдательностью. Память о Нахимовѣ, какъ о веселомъ, остроумномъ шутникѣ, сохранилась еще до сихъ поръ въ средѣ харьковскихъ старожиловъ. Особенной популярностью пользуются его сатиры на „канцеляристовъ" и „палатныхъ" чиновниковъ. Въ 1809 году при харьковскомъ университетѣ назначены были курсы для чиновниковъ; безъ диплома, выдаваемаго по окончаніи этихъ курсовъ, нельзя было получить чина. Нахимовъ, бывшій тогда студентомъ, осыпалъ ихъ сатирами своими:

Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.

Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы,
А чинъ асессорскій, толико вожделѣнный,
Ты убѣгаешь днесь, когда я восхищенный
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ,
Быть можетъ навсегда прости, любезный чинъ!?!...

Среди писателей, особливо часто издававшихъ свои сочиненія, намъ попадаются имена многихъ профессоровъ: Гонорскаго (Опыты въ прозѣ, 1818 г.) Склабовскаго (Опыты въ стихахъ, 1819 г. и Злорѣчіе, стих. 1823 г.), учителя Вербицкаго (Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій, 1822), Левшина (Письма изъ Малороссіи 1816) и писательницы Любови Кричевской (Мои свободныя минуты—стихот. 1817 г.) Нѣтъ добра безъ награды, драма, 1826 г., Графъ Гореній, повѣсть 1837 г. Болѣе полный списокъ книгъ, издававшихся въ Харьковѣ, можно найти въ указателѣ Чирикова (см. Харьков. Сборн. 1889 г.).

IV.

Обратимся теперь къ древнѣйшимъ періодическимъ харьковскимъ изданіямъ.—„Харьковскимъ Извѣстіямъ“ и „Украинскому Вѣстнику“. Въ архивѣ не сохранилось той бумаги, которою совѣтъ университета разрѣшалъ выходъ въ свѣтъ этихъ изданій, но по другимъ дѣламъ мы видимъ, что эти изданія вызывали не мало заботъ какъ со стороны цензурнаго комитета, такъ и университетскаго совѣта. Такъ, мы видимъ, что въ дѣлѣ подъ № 98 въ 1816 г. кандидатъ Вербицкій, издатель „Харьковскихъ Извѣстій“, получилъ позволеніе помѣщать въ своихъ листкахъ перемѣны, случающіяся въ университетѣ и въ его учебномъ округѣ, а также въ подвѣдомственныхъ ему ученыхъ обществахъ. Въ 1818 году видимъ, что правленіе университета „мнѣніемъ положило, что „Харьковскимъ Извѣстіямъ“ довольно будетъ на первый разъ издавать одинъ листъ въ недѣлю, каковыхъ отпечатать 600 экземпл., кромѣ прибавленій объ извѣстіяхъ и объявленій отъ частныхъ лицъ, за кои деньги будутъ получаться особо, все же будетъ стоить 1500 р., а что касается до числа

пренумерантовъ, то сего напередъ опредѣлить нельзя, о чемъ оному совѣту имѣетъ честь донести Деканъ Успенскій" (см. Дѣло за № 1987).

Затѣмъ въ томъ же году получается бумага отъ департамента нар. просв., въ которой отъ попечителя требуются подробныя свѣдѣнія, „чего будетъ стоить годовое изданіе сихъ извѣстій по примѣрному расчисленію и можно ли надѣяться на число пренумерантовъ на сей журналъ; равнымъ образомъ, можетъ ли быть отъ него какая либо польза? Обо всемъ томъ, равно какъ и о содержаніи самыхъ „Харьковскихъ Извѣстій" увѣдомить меня обстоятѣльно. Что же касается до предполагаемаго заимствованія политическихъ извѣстій изъ варшавскихъ газетъ, то я нахожу нужнымъ замѣтить, что оныя не суть сами первоначальными источниками таковыхъ извѣстій, а потому лучше почерпать сіи извѣстія изъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ. Подлинное подписали министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Голицынъ и директоръ департамента Поповъ". (См. дѣло № 704). Со всѣми этими вопросами попечитель Карнѣевъ обращается къ университету, предлагая донести ему: „о числѣ пренумерантовъ, о цѣнѣ за годовое изданіе и о томъ, не будутъ ли сіи Извѣстія въ убытокъ университету". На это секретарь правленія университета Джунковскій отвѣчалъ, что онъ обращался для предписанія „пренумерантовъ" къ губернаторамъ, архіереямъ, предводителямъ дворянства, смотрителямъ и директорамъ. Изъ этого мы видимъ, что университетъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ этой первой еженедѣльной газеты и боялся, чтобы изданіе ея „не ввело его въ убытки, а потому и обращается съ просьбой о выпискѣ ея ко всѣмъ оффиціальнымъ покровителямъ просвѣщенія".

Посмотримъ однако, какъ отнеслось само общество къ новой газетѣ. Въ первомъ же № мы встрѣчаемъ письмо къ издателямъ отъ читателя; въ немъ столько наивной симпатіи и добродушной простоты, какой мы не видимъ теперь въ отношеніяхъ между читателями и редакціей, а потому мы позволяемъ себѣ привести его здѣсь дословно: „Спасибо вамъ, милостивые государи, за доброе намѣреніе ваше вспомоществовать намъ въ на-

шей промышленности и нашихъ экономическихъ работахъ. Какъ часто два сосѣда на 5 верстахъ имѣютъ надобность одинъ купить, другой продать испанскую шерсть, кирпичъ, холстъ и пр., и, не находя средствъ объявить о семъ, всякій изъ нихъ терялъ свои выгоды. Теперь выйдетъ совсѣмъ другое, только запаситесь, господа издатели, терпѣніемъ и равнодушіемъ. Сначала можетъ быть васъ и покритикуютъ и не пожелаютъ присылать вамъ объявленій; листы ваши могутъ быть тощи, но со временемъ (въ мартѣ или апрѣлѣ) вы будете доставлять намъ цѣлыя дести различныхъ извѣстій. Дай Богъ вамъ часъ добрый! Не унывайте. Слыхалъ я, что и Московскихъ Вѣдомостей при началѣ изданія не расходилось въ годъ болѣе 600 экземпляровъ, а теперь? Итакъ, терпѣніе гг. издатели! Впрочемъ отъ всего сердца желаю, чтобы Харьковскія Извѣстія занимательны были не только для сей губерніи, но и для всего полуденнаго края. Пребуду всегда усерднымъ читателемъ листовъ вашихъ“ [1]).

Изъ этого письма мы сразу видимъ, что придавало большую цѣнность газетѣ, а именно: справочныя свѣдѣнія для купли и продажи тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ продуктовъ. Это объясняетъ намъ, почему и редакторы такъ хлопотали о полученіи этихъ свѣдѣній. За объявленія о куплѣ, наймѣ, продажѣ, пропажѣ они платили по 20 к. отъ печатной строки, между тѣмъ какъ всѣ остальныя статьи, замѣтки, и извѣстія не оплачивались вовсе или случайными вознагражденіями. Годовая плата съ подписчиковъ была 10 р. въ годъ (съ пересылкой 12 руб.); выходили „Извѣстія“ одинъ разъ въ недѣлю. Въ отвѣтъ на привѣтствіе читателя редакторы въ слѣдующемъ же № „пріятнѣйшимъ долгомъ поставляютъ изъявить чувствительнѣйшую благодарность тѣмъ благомыслящимъ особамъ, кои обѣщали приложить возможное попеченіе, чтобъ поддержать изданіе сіе, столь необходимое для здѣшняго края, а тѣмъ порицателямъ, которые и не видѣвши (?!?) еще „Харьк. Извѣстія“, вздумали называть оныя *чудовищными*, обязанностію считаемъ напомнить, что критика ихъ ни мало не опасна. Издатели въ семъ случаѣ по-

[1]) См. 1-й № „Харьков. Изв“. 1817. г.

слѣдуютъ совѣту любезнаго баснописца Крылова, который говоритъ:

Хулители на что ни взглянутъ
Подымутъ вѣчно лай
А ты себѣ своей дорогой ступай.
Полаютъ да отстанутъ!"

Намъ неизвѣстно, какова была эта критика „хулителей", но, разсмотрѣвъ газету за 6 лѣтъ ея существованія, мы видимъ, что она старается удовлетворить и желаніямъ подписчиковъ, выраженнымъ въ приведенномъ выше письмѣ, и придать въ то же время разнообразное содержаніе газетѣ. Объявленія мы встрѣчаемъ самыя разнородныя: и о театральныхъ представленіямъ, и о книгахъ, поступившихъ въ продажу, и о крѣпостномъ человѣкѣ, бѣжавшемъ отъ своего помѣщика и укравшемъ при этомъ хомутъ, и объ открывающихся пансіонахъ, и о томъ, что въ университетѣ продается студенческій мундиръ и при немъ шпага, и о цѣнахъ на главные продукты, о состояніи торговли на главныхъ базарахъ и ярмаркахъ какъ харьковской, такъ и близко отъ нея лежащихъ губерній, и давала даже свѣдѣнія по всему югу Россіи изъ Нѣжина, Ѳеодосіи, Таганрога, Одессы, Екатеринодара и т. д.[1]). Но кромѣ торговыхъ свѣдѣній, газета слѣдитъ и за умственной жизнью того края, сообщаетъ объ всѣхъ открывающихся училищахъ, ученыхъ обществахъ, описываетъ крупнѣйшія событія, смерть выдающихся лицъ; сообщаютъ, что въ окрестностяхъ Батурина убитъ черный медвѣдь, что въ рѣку Донъ обвалилась большая часть горы; описываются всѣ удовольствія г. Харькова, при томъ съ особымъ умиленіемъ говорится о благотворительныхъ балахъ и собраніяхъ: „Весьма восхитительно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ многіе спѣшили въ сіе собраніе, коего предметъ былъ столь благодѣтельный, столь благородный...!"

Пишется о всѣхъ полкахъ, проходившихъ черезъ городъ Харьковъ; описываются всѣ акты и празднества не только въ университетѣ, но и въ другихъ заведеніяхъ; съ особенной лю-

[1]) Тутъ-же печатается объявленіе отъ учителя музыки, который берется въ 4 года шестерыхъ мальчиковъ обучить игрѣ на скрипкѣ и віолончели, такъ что они могутъ играть симфоніи разныхъ виртуозовъ на скрипкѣ, квартеты, квинтеты и т. п.

бовью сообщается все касающееся Института Благородныхъ Дѣвицъ, этого любимаго дѣтища харьковскаго общества, выхоленнаго имъ на свои собственныя средства и уже въ 1820 г. принятаго Императрицей въ свое вѣдѣніе.—„Весьма желательно, говорятъ „Харьков. Извѣстія“, чтобы любители просвѣщенія посѣщали сіе примѣрное въ здѣшнемъ краѣ заведеніе во всякое время, какъ въ часы учебные, такъ и въ обѣденное время. Только личнымъ обозрѣніемъ можно удостовѣриться въ справедливости, что чистота, устройство и порядокъ въ семъ заведеніи примѣрны и содержаніе во всѣхъ частяхъ приличны званію и состоянію благородныхъ дѣвицъ!“

Много было свѣдѣній объ урожаяхъ хлѣбовъ по всему югу; помѣщались метереологическія свѣдѣнія изъ села Крутикъ отъ В. Н. Каразина, также свѣдѣнія о смертности и рождаемости, и наконецъ въ 1818 году печатается статистическое изслѣдованіе края; „Краткая вѣдомость о слободско-украинской губерніи за 1816 годъ, составленная на основаніи предписанія Министра Внутр. Дѣлъ отъ 4 ноября 1817 года, о предметахъ, приналежащихъ государственному хозяйству, о надѣленіи казенныхъ крестьянъ землею и переселеніи оныхъ и о разныхъ частяхъ хозяйства и промышленности“. Иногда попадались и бытовыя описанія, весьма наивныя по своему лиризму, какъ напр.: „Примѣрные помѣщики“, отрывокъ изъ котораго мы позволяемъ себѣ привести здѣсь: „На границѣ слободско-украинской и воронежской губерніи познакомился я съ двумя истинными сынами отечества и настоящими друзьями человѣчества. Эти родные братья помѣщики свято исполняютъ заповѣди Божьи въ разсужденіи ближняго. Крестьянъ почитаютъ не за рабовъ, а за дѣтей, вдовъ и сиротъ ублажаютъ, бѣгутъ на помощь къ священнику, упавшему въ яму въ полночь, съ лѣкарствомъ, вправляютъ ногу и проводятъ съ нимъ всю ночь, мирятъ двухъ враждовавшихъ помѣщиковъ“ и т. д. въ томъ же хвалебномъ тонѣ.

для помѣщиковъ, дабы имѣть у себя для препровожденія времени, особливо же въ длинные осенніе и зимніе вечера, пріятную и небольшихъ издержекъ требующую музыку.

Изъ другихъ мѣстъ Россіи, не южной, газета мало имѣла свѣдѣній и ограничивалась перепечатками, да и то въ случаяхъ экстренныхъ, напр.—по поводу путешествія Государя[1]). Въ столицахъ газета тоже не имѣла своихъ корреспондентовъ, а потому прибѣгала къ выпискамъ изъ частныхъ писемъ, такъ напр.: объ актѣ въ Императорской академіи, причемъ издатели дѣлаютъ къ такимъ выпискамъ свои предисловія: „Издатели Хар. Извѣстій узнали по слову и чувствамъ почтеннѣйшаго украинца и не могли не украсить симъ прекраснымъ отрывкомъ своего украинскаго періодическаго изданія".

Извѣстія изъ заграницы въ первые годы выхода газеты носятъ еще какой-то наивно-сказочный характеръ и лишены достовѣрности, какъ напр.: „Изъ Марселя пишутъ отъ 28 мая что дей алжирскій велѣлъ отрубить головы англійскому, шведскому и сардинскому консуламъ. И хотя слухи о семъ нѣсколько между собой разнствуютъ, однако всѣ согласны, что французскому консулу не сдѣлано никакого вреда". Или: „На островѣ Итакѣ *кажется* (!) произошло нѣкоторое возмущеніе между тамошними богатыми корсарами". „Изъ Копенгагена пишутъ: прибывшіе сюда корабельщики разсѣяли слухъ, будто бы островъ Мадера поглощенъ вулканическими изверженіями. Надѣются, что слухъ сей не подтвердится". „Изъ Парижа пишутъ: вчера и сегодня его величество король нашъ трудился въ кабинетѣ своемъ съ герцогомъ Ришелье долѣе обыкновеннаго". „Изъ Италіи пишутъ, что одна женщина въ Римѣ

---

[1]) Съ особеннымъ умиленіемъ передаетъ редакція, какъ въ Порховѣ „Императоръ между выѣхавшими на встрѣчу узналъ нашего Ивана Мироновича Мягкаго и весьма милостиво принять изволилъ отъ него крендели и яблоки, разспрашивалъ о жатвѣ и урожаѣ. На станціи Сорокиной Государь, узнавши, что почти въ самый часъ Его туда пріѣзда у станц. смотр. родила жена, тотчасъ пошелъ къ родильницѣ, поздравилъ съ новорожденной дочерью, приказалъ наименовать ее Александрой и удостоилъ быть воспріемникомъ. Пожаловалъ родильницѣ 100 руб. и отцу новорожденной 100 р., да матери отца 50 р. Разнощикъ мужикъ съ яблоками закричалъ: „Государь, купи у меня яблоковъ!" Александръ отвѣтствовалъ: „Охотно!" и приказалъ взять 10 яблокъ и заплатилъ 25 руб. Читая мое письмо, прибавляетъ корреспондентъ: вы подумаете конечно, что читаете отрывокъ изъ исторіи Петра I или Генриха IV".

разрѣшилась отъ бремени уродливымъ ребенкомъ съ рыбьей головой".

Кромѣ того, для доставленія интересныхъ извѣстій редакція и тутъ прибѣгала къ выпискамъ „изъ партикулярныхъ писемъ", напр., приводится извлеченіе изъ письма одного путешественника про Карлсбадъ: „Природа для блага человѣчества нѣсколько уже тысящелѣтій безпрестанно дѣйствуетъ въ подземной своей лабораторіи и никакой умъ человѣческій не можетъ проникнуть таинствъ ея... тутъ видишь людей всѣхъ націй, различныхъ языковъ, нравовъ и одѣяній, здѣсь видишь королей, графовъ, князей, герцоговъ, ученыхъ, военныхъ, купцовъ, мѣщанъ и наконецъ жидовъ. Не взирая на такое безчисленное разнообразіе, благопристойность въ обхожденіи нимало не нарушается: прохаживаясь пьютъ, разговариваютъ, шутятъ, смѣются, опять пьютъ и расходятся. Французы, пишетъ дальше путешественникъ, на все народъ гораздъ... но тутъ голодному надо имѣть терпѣніе. Я всегда во время обѣда проклиналъ французовъ. То ли дѣло благословенная Малороссія и лучшее ея кушанье—борщъ! Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше".

Въ концѣ года было напечатано, что „съ сего времени, получая заграничныя новости ближайшимъ путемъ и непосредственно, будутъ въ состояніи сообщать почтеннѣйшей публикѣ полуденныхъ губерній хотя нѣкоторыя изъ нихъ прежде всѣхъ другихъ газетъ". Съ этихъ поръ размѣръ заграничныхъ извѣстій все болѣе и болѣе разростается и обращается на политическую жизнь западной Европы. Подъ мягкой цензурой университетскаго совѣта, въ газету попадаютъ извѣстія и о засѣданіяхъ англійскаго парламента, и о волненіяхъ въ Италіи, о звѣрствахъ турокъ въ Греціи. Этотъ отдѣлъ скоро началъ наполнять всю газету, а внутреннія извѣстія, мѣстные вопросы все отступали на задній планъ, такъ что газета съ первой же страницы занимала своихъ читателей сообщеніями изъ иностранныхъ газетъ. Такое исключительное содержаніе конечно соотвѣтствовало тому жгучему интересу, съ какимъ и само тогдашнее общество слѣдило за западно-европейской жизнью въ 20-хъ годахъ.

Для развлеченія своихъ читателей Вербицкій ввелъ съ перваго же года отдѣлъ „смѣси", гдѣ печатались анекдоты, въ родѣ напр. такого: „одинъ бережливый человѣкъ никогда не ставилъ точки надъ буквой і, желая уменьшить расходъ на чернила"; помѣщались разсужденія „о поцѣлуяхъ!" и разсужденія почему то называемыя „критическими", напр.: „Иные вѣрятъ чертямъ, другіе боятся чертей, а многіе походятъ на чертей!" или: „Многіе живутъ чужимъ умомъ, многіе живутъ чужими деньгами, а и того болѣе, которые живутъ чужимъ трудомъ". Тутъ же были и стихи въ родѣ слѣдующихъ:

„Я пѣсней бабочки плѣнился.
Ахъ, еслибъ я былъ мотылькомъ,
Я въ полѣ бъ не леталъ ни за однимъ цвѣткомъ,
Но слушая тебя, вокругъ тебя бъ рѣзвился".

Въ 4-мъ № одинъ острякъ изъ г. Переяслава даетъ трагикомическое изображеніе человѣческой жизни: „Свѣтъ—есть театръ, на которомъ люди составляютъ актеровъ. Случай сочиняетъ пьесу, нечаянность раздаетъ роли, политики подводятъ машины, а философы бываютъ праздные зрители, богачи и вельможи занимаютъ ложи, бѣдняки—партеръ, женщины доставляютъ прохлажденія; несчастные чистятъ подсвѣчники, глупость играетъ въ оркестрѣ, а время опускаетъ занавѣсъ и закрываетъ оной. Піэса имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Свѣтъ желаетъ быть обманутымъ, слѣдовательно пускай обманывается". Прологъ состоитъ изъ слезъ и вздоховъ, въ первомъ дѣйствіи показываются глупыя изображенія людей; тогда иные одобряютъ пьесу плескомъ, другіе освистываютъ и т. д.".

Въ другомъ № дается рецептъ для хорошаго романа въ новѣйшемъ вкусѣ: „возьми древній до половины развалившійся замокъ; длинный темный переходъ со многими дверями, изъ коихъ нѣсколько было бы потайныхъ. Три мертвыя въ крови дымящіяся тѣла, три скелета, задавленную женщину съ тремя кинжальными ранами въ груди. Разбойниковъ по произволенію, любовнаго шептанія, скрытыхъ вздоховъ какъ можно больше...".

Такимъ образомъ то шутками, то сообщеніями своими газета харьковскаго университета доставляла своимъ читателямъ

разнообразное и въ своемъ родѣ занимательное чтеніе. Посвященная южному родному краю, она носитъ впрочемъ свой мѣстный областной колоритъ только въ первые годы. Впослѣдствіи же, переполненная политическими извѣстіями изъ западной Европы, она принимаетъ шаблонный и подражательный характеръ, мало чѣмъ отличаясь отъ тогдашнихъ столичныхъ листковъ. Гораздо болѣе яснаго направленія придерживался другой университетскій органъ—„Украинскій Вѣстникъ“, къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

V.

„Украинскій Вѣстникъ“ выходилъ подъ редакціей трехъ выдающихся литературныхъ дѣятелей того времени: профессора Филомофитскаго, учителя Гонорскаго и знаменитаго писателя Г. Ѳ. Квитки. Впослѣдствіи редакторомъ его сталъ профессоръ Склабовскій, тоже извѣстный литераторъ. Редакція была одушевлена самыми искренними желаніями содѣйствовать своимъ журналомъ всестороннему подъему науки и литературы. Кромѣ того, въ этомъ органѣ чувствуется объединяющее всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ горячее чувство любви къ своему родному краю, желаніе узнать его и познакомить съ нимъ читателей. Мѣстная исторія, географія, этнографія составляютъ главное его содержаніе и по богатству и цѣнности передаваемыхъ свѣдѣній, и по удѣляемому имъ мѣсту.

Мы не имѣли въ рукахъ всѣхъ 4-хъ годовъ этого изданія, но знакомы съ 1816 (первымъ годомъ), 1817 и 18 (не всѣ книги) и 1819, и видимъ впрочемъ, что съ каждымъ послѣдующимъ годомъ мѣстное содержаніе замѣняется болѣе общимъ, такъ что въ 1819 году вмѣсто прежнихъ изслѣдованій по южнорусской исторіи, являются изслѣдованія о религіи индусовъ, о бытѣ китайцевъ, и даже открывается новый отдѣлъ, болѣе умѣстный въ газетѣ, чѣмъ въ журналѣ искусства и науки,—отдѣлъ „Смѣси“, или краткаго обозрѣнія заграничныхъ происшествій, гдѣ событія политическія перемѣшивались съ анекдотами. Очевидно, редакторы дѣлали уступку вкусамъ читателей,

такъ какъ изданіе не находило себѣ достаточно интеллигентной среды для распространенія въ ней. Задача редакціи была, конечно, не коммерческая, а чисто образовательная, культурная; имѣлось въ виду развить наилучшими словесными образцами переводной литературы вкусъ какъ читателей, такъ и читателей познакомить ихъ съ родиной и воспитать героическое чувство любви къ ней. Тогдашнее общество было совершенно неподготовлено къ такому чтенію, а потому, чтобы пріохотить читателей, редакція, какъ мы это видѣли изъ дѣлъ университета, разсылаетъ свой журналъ даромъ. Совѣтъ университета боясь лишнихъ расходовъ, проситъ у редактора „Украинскаго Вѣстника" Филомофитскаго точнаго отчета о веденіи имъ этого журнала, и онъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія: Втеченіе перваго 1816-го года изданія, онъ, желая заохотить къ подпискѣ на оный, принужденъ былъ большую половину экземпляровъ изъ числа 350 разослать даромъ. Въ 1817 г. напечатано Украинскаго Вѣстника 500 экземпляровъ, издержки всѣ равнялись 4578 р., число сускривентовъ было 297. Отъ оныхъ собрано денегъ 5346 р., слѣдовательно выигрышъ въ 1817 году отъ изданія Украинскаго Вѣстника былъ въ 768 р. Въ 1818 году уменьшено число экземпляровъ, судя по прежней подпискѣ, до 400, и издержки на то, стоили 3789 р. Число сускривентовъ было 244, отъ оныхъ денегъ получено 4392 р. (слѣдовательно, выигрышу на 603 р.). Въ 1819 году еще уменьшено число экземпляровъ до 350, издержки не то простирались до 3764 р. Число сускривентовъ было 253, сумма отъ нихъ 4554 (выигрышу на 790 р.). Бумага выписываема была прямо съ фабрикъ. На значительную сумму выписывается иностранныхъ газетъ и журналовъ, что при изданіи университетскаго журнала не входитъ въ число издержекъ, къ тому же высшее учебное заведеніе можетъ имѣть больше довѣрія отъ сускривентовъ и средствъ увеличить число ихъ, чѣмъ частный человѣкъ". (См. Дѣло № 1552, Архивъ хар. ун.). И несмотря на то, число „сускривентовъ" никогда не доходило даже до 300 человѣкъ. Но все таки, несмотря на слабую отзывчивость тогдашняго общества, журналъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ литераторовъ и

вызывалъ иногда охоту писать даже у лицъ, не занимавшихся до того времени никакимъ писательствомъ. Изъ извѣстныхъ писателей въ журналѣ участвовалъ Квитка, писавшій подъ псевдонимомъ Фалурденъ Повинухинъ „Письма къ издателямъ," полныя весьма тонкаго юмора, направленнаго на нравы современныхъ ему помѣщиковъ. Въ нихъ осмѣивается стремленіе ихъ непремѣнно приглашать въ свой домъ гувернера или управителя „изъ французовъ", которые заводятъ „новые порядки", основанные на послѣднемъ словѣ цивилизаціи и приводящіе къ полному обнищанію помѣщика, и развращаютъ весь женскій персоналъ дома, отъ самой помѣщицы до послѣдней судомойки во дворѣ. Письма эти написаны въ такомъ комическо-сатирическомъ тонѣ, что читаются и теперь не безъ удовольствія. Въ стихахъ особенно отличались Кричевская, Райдаровскій и Гоноpскій своими гладкими переводами почти со всѣхъ европейскихъ языковъ. Кричевская писала въ сантиментально-лирическомъ тонѣ, господствовавшемъ въ то время. Мы приведемъ образчикъ поэзіи этой писательницы, которая удостоивалась отъ редакціи „Укр. Вѣстн." всегда самаго лестнаго вниманья.

О дружба, искренность—священны!
Гдѣ можно васъ теперь найти?
Гдѣ люди тѣ нелицемѣрны,
Сотрудники въ прямомъ пути?
Свѣтъ создалъ новые законы
И власти нѣтъ его препоны!
И чувства стали всѣ—обманъ
И то, что жизнь намъ украшало,
Что намъ блаженство доставляло
Любовь и дружба—есть романъ и т. д.

Вотъ какимъ еще несовершеннымъ языкомъ высказывала первая харьковская поэтесса свои благородныя сѣтованья на бренность дружескихъ узъ, а современники умилялись и наперерывъ читали сборникъ ея стихотвореній, изданный подъ заглавіемъ „Мои Свободныя Минуты" въ пользу Института Благородныхъ Дѣвицъ [1]).

[1]) При первомъ стихотвореніи, присланномъ Кричевскою въ редакцію, напечатано и письмо ея къ редактору, въ которомъ такъ и сквозитъ чистосердечный

Писалъ въ „Укр. Вѣстн.“ стихи и Срезневскій [1]), обыкновенно выступавшій съ псалмомъ или одой подражаніемъ Горацію.

Оды переводилъ также и Филомафитскій. Нѣкто Сомовъ переводилъ цѣлые отрывки изъ трагедій Вольтера, а Гулакъ-Артемовскій заслужилъ благодарность редакціи за то, что своими „прекрасными подражаніяии восточной или лучше священной поэзіи знакомитъ съ обиліемъ и благозвучіемъ славянскаго языка“. Увы! какъ бѣдны и некрасивы кажутся намъ теперь эти подражанія послѣ звучныхъ и красивыхъ стиховъ Лермонтова и Пушкина.

Смутися тварь!... Сіонъ источникъ слезъ пролей!
Взбуди строптиву дщерь плачевною трубою;
И гнѣвъ мой возвѣсти горѣ моей святѣй.
Да возтрепещется всякъ враждебный мнѣ языкъ!
И да всколеблются вселенныя основы:
Господь грядетъ...

Благозвучнѣе другихъ кажутся намъ стихи Склабовскаго, въ которыхъ гораздо болѣе простоты и искренняго чувства, какъ напр. этотъ его романсъ:

страхъ начинающей писательницы передъ публичнымъ выходомъ на литературное поприще. Мы приводимъ его здѣсь съ его орѳографіей: „Вы хотѣли милый другъ и братъ, чтобы нестройный мой голосъ былъ слышенъ въ Украйнѣ: чувствую большое удовольствіе; хотя, испытывая себя, долго не смѣла рѣшиться исполнить желаніе ваше. Доселѣ все, что я писала въ свободныя минуты моей жизни, читали однѣ друзья мои; а для сердца любящаго насъ все въ насъ любезно.—Но что я предложу такому множеству читателей, меня не знающихъ? Не будутъ ли онѣ имѣть право сказать: какое самолюбіе, и чемъ я оправдаю себя? Они того не знаютъ, что изъ угожденія такому другу какъ вы, можно подвергнуть себя нѣсколькимъ осужденіямъ,—они не знаютъ, что я не имѣла случая учиться; читала только стихи и по навыку писала для тѣхъ, которые, не входя въ подробные размѣры стопъ, измѣряютъ одни мои чувства и говорятъ, что я пишу по ихъ сердцу. Вотъ минуты, когда я мечтаю присвоить себѣ названіе писательницы. Но благодарю Бога, минуты такого ослѣпленія рѣдки; и я отъ чистаго сердца прошу своихъ почтенныхъ читателей—прощать мои безчисленныя ошибки, поправлять ихъ, а больше всего не думать, чтобы я имѣла дерзкую мысль занять собою публику, забыла когда нибудь свое правило: „изъ доброй воли не итти на судъ людей“. Вы—другъ мой—требуете того; повинуюсь вамъ, и могу увѣрить васъ, что всего дороже цѣню ту честь, которую вы мнѣ дѣлаете, помѣщая меня среди истинныхъ дарованій и почтенныхъ писателей, украшающихъ Украинскій Вѣстн., вами издаваемый. Любовь Кричевская.

[1]) Отецъ извѣстнаго академика Изм. Ив. Срезневскаго, бывшій профес. россійскаго краснорѣчія.

Полный мѣсяцъ надъ рѣкою
Всталъ—задумчиво глядитъ,
На брегу одна съ тоскою
Дѣва юная сидитъ:
Рветъ вѣнокъ изъ розъ душистыхъ,
Связанный ея рукой,—
И въ потокъ бросаетъ чистый,
Окропя его слезой и т. д.

Среди всѣхъ этихъ подслащенныхъ романсовъ и черезчуръ торжественныхъ одъ попадаются эпиграммы и сатиры, но довольно наивныя.

Печатая всѣ эти стихи, редакція однако не помѣстила ни одного беллетристическаго произведенія въ прозѣ мѣстныхъ авторовъ и весь этотъ отдѣлъ наполняла образцами западной литературы. Это дѣлалось ею сознательно, что и объяснено въ статьѣ „Нѣчто о нашей живописной прозѣ и о нынѣшнемъ состояніи русской словесности вообще.“ „Одинъ по многимъ отношеніямъ уважаемый человѣкъ изъявилъ мнѣ свое удивленіе, пишетъ въ ней Гонорскій: почему въ нашемъ журналѣ такъ мало оригинальныхъ произведеній, и все большею частью переводы? Я могъ бы на это отвѣчать ему очень кратко во всякое время, особенно при нынѣшнемъ состояніи нашей словесности, лучшій иностранный отрывокъ, удачно переведенный, полезнѣе дюжины толстыхъ и безвкусныхъ подлинниковъ. Но я удержался отъ рѣзкаго тона какого нибуоь всемірнаго цѣнителя и объяснилъ причину сего почти такъ, какъ теперь буду излагать ее моимъ читателямъ. Вольтеръ говоритъ: „когда какая нибудь нація начинаетъ выходить изъ первобытной своей грубости, то съ удивленіемъ смотритъ, какъ Аврора своими алыми перстами отверзаетъ врата востока и разсыпаетъ топазы и рубины по пути солнца и зефиръ вьется около Флоры и Амуръ играетъ оружіемъ Марса“. Благоразумный почитатель нашей живописной прозы могъ бы сказать тоже самое и о нашей словесности, т. е. о нашей провинціальной, украинской. Онъ этимъ показалъ бы,—что у насъ нѣтъ еще вѣрнаго вкуса, но вмѣстѣ призналъ бы въ насъ стремленіе къ пріобрѣтенію онаго и мы остались бы ему благодарны за его къ намъ вниманіе“.

Затѣмъ идутъ жалобы на ропотъ ничего не понимающихъ въ литературѣ и хладнокровіе „тѣхъ, для кого наши писатели проливаютъ потъ и чернилы," и наконецъ очень ясное критическое отношеніе къ существовавшимъ въ то время направленіямъ литературнымъ, которыхъ отмѣчается три: славянолюбцевъ, Карамзинистовъ и наконецъ тѣхъ „у которыхъ нѣтъ начальника, но есть свое уложеніе т. е. правила здраваго вкуса, основанныя на примѣрахъ древности и времянъ новѣйшихъ." Этимъ то послѣднимъ и сочувствуетъ больше всего редакція „Украинскаго Вѣстника", и оставаясь послѣдовательной, она предлагаетъ своимъ читателямъ образцы лучшей современной и классической западной литературы. Въ числѣ переводчиковъ мы особенно часто встрѣчаемъ имена Глафиры Шумлянской, Александры Коростовцевой и Александры Каменской, владѣвшихъ нѣсколькими иностранными языками.

Таковъ былъ чисто литературный отдѣлъ разсматриваемаго нами журнала. Мы уже говорили, что въ научномъ отдѣлѣ онъ больше всего занимается мѣстными вопросами, и дѣйствительно—мы встрѣчаемъ въ немъ интересныя изслѣдованія по мѣстной исторіи, напр.: „Историческія замѣчанія о Малороссіи, отъ смерти гетмана Богдана Хмѣльницкаго до Полтавскаго сраженія".

Грибовскаго: „О Малороссіи"—Ил-я—Кв-ки, статья, на которую дѣлалъ свои возраженія въ томъ же журналѣ Марковъ; „О гетманѣ Хмѣльницкомъ"; затѣмъ обстоятельная статья „О Литвѣ"; эти статьи можно считать почти первыми у насъ пробами областнаго изученія исторіи, первыми начатками нашей этнографіи. Такъ напр. въ письмахъ Левшина „о малороссахъ" мы находимъ подробную характеристику этого народа, его быта и душевныхъ особенностей, напр.: „Малороссіяне болѣе, можетъ быть, нежели всѣ извѣстные народы способны хранить ввѣренныя тайны; но добродѣтель сія часто обращается въ порокъ и производитъ скрытность. Воровство было презрительнѣйшимъ проступкомъ у самыхъ древнихъ малороссіянъ;—оно и теперь здѣсь въ омерзеніи". Или въ др. мѣстѣ: „чувствуя любовь, малороссіяне не скрываютъ ее и не томятся. Ежели сердца ихъ созданы любить другъ друга, то они бросаются на колѣна передъ

отцомъ съ матерью и съ свойственнымъ языку сердца краснорѣчіемъ умоляютъ соединить ихъ. Съ той минуты, въ которую нѣжныя чувствованія сердецъ увѣнчаются согласіемъ родныхъ, они носятъ названіе жениха и невѣсты—названія, дающія имъ право всегда быть вмѣстѣ и позволяющія нѣкоторыя невинныя шутки. Возходящее солнце освѣщаетъ ихъ во взаимныхъ ласкахъ, вечерняя звѣзда застаетъ ихъ въ томъ же положеніи"... Въ этомъ сантиментализмѣ нельзя не видѣть начатковъ того будущаго народническаго романтизма, который сослужилъ не малую службу какъ нашей литературѣ, такъ и общественнымъ условіямъ жизни. Не надо забывать, что это писалось въ эпоху крѣпостничества, когда такое любовное отношеніе къ народу являлось крайнимъ либерализмомъ и когда на народъ смотрѣли какъ на безчувственнаго скота, не живущаго никакими человѣческими влеченіями.

Областной отдѣлъ былъ богатъ и непосредственными описаніями различныхъ мѣстностей Южной Россіи: Херсона, Екатеринослава, Святогорской обители подъ Харьковомъ, Полтавы, Зміевскаго уѣзда, раскопокъ каменнаго угля въ Бахмутѣ,—все это служило темой для „живописныхъ описаній", надъ которыми главнымъ образомъ упражнялись Вернетъ, Корнеліусъ, Левицкій и другіе. Въ 1819 году мы замѣчаемъ въ содержаніи журнала рѣзкую перемѣну: вмѣсто статей изъ мѣстной исторіи и бытописаній появляются статьи общаго содержанія, напр.: „Періоды или вѣки міра по счисленію извѣстнѣйшихъ индѣйскихъ книгъ", или „Объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ на нравственность" и т. п. Изъ бытописаній помѣщены: „Описаніе Грузіи" Тюльпина и „Путешествіе по Швейцаріи". Переводы заполняютъ почти весь журналъ; переводятъ и легкія и серьезныя вещи, статьи о критикѣ, о значеніи литератора берутъ изъ польской словесности; чувствуется, что умственные запросы расширяются, и для удовлетворенія ихъ редакція журнала обращается къ готовымъ опредѣленіямъ и положеніямъ западноевропейской науки и литературы. Въ 10-й книжкѣ „Украинскаго Вѣстника" мы находимъ малорусское произведеніе—комическую поэму Гулакъ-Артемовскаго „Солопій та Хивря";

университетскій органъ не пренебрегъ народнымъ языкомъ и помѣстилъ его рядомъ со всевозможными подражаніями классической и новѣйшей художественной литературѣ и даже напечаталъ при этомъ на малорусскомъ языкѣ все обращеніе—письмо Г.-Артемовскаго къ редактору. Очевидно, свѣжесть и юморъ этой реальной сатиры плѣнили и развитой на чуждыхъ образцахъ художественный вкусъ редакторовъ „Украинскаго Вѣстника“ [1]).

Намъ не удалось познакомиться съ содержаніемъ послѣднихъ годовъ „Украинскаго Вѣстника“—позднѣе 1819 года [2]); Но среди бумагъ Харьковскаго Архива намъ попалась одна за 1825 годъ, помѣченная № 3913, въ которой новый редакторъ журнала В. Склабовскій доноситъ, „что на будущій 1826 годъ заниматься изданіемъ журнала на томъ же положеніи, какъ было до сего времени, находитъ для себя невозможнымъ, ибо средства и пособія, доставляемыя ему какъ редактору, вовсе не соразмѣрны съ его по сей части трудами и отвѣтственностью передъ читателями“. И журналъ прекратилъ свое существованіе.

VI.

За годъ почти до закрытія „Украинскаго Вѣстника“ харьковскій университетъ затѣялъ новое изданіе „Украинскій Журналъ“, которое пользовалось въ столичной прессѣ аттестаціей лучшаго научнаго провинціальнаго органа. Редакторами его [3]) университета назначилъ Гулака-Артемовскаго и Склабовскаго, но первый отказался по болѣзни и такимъ образомъ на попеченіи Склабовскаго оказалось единовременно два журнала. Вотъ программа

---

[1]) Вообще талантъ Гулака-Артемовскаго очень почитался современниками. Въ надгробной рѣчи Станиславскаго мы читаемъ о немъ слѣдующее: „не одни только юноши, всегда склонные къ восторженности, съ жадностью и наслажденіемъ читали въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего вѣка поэтическія оды и баллады Артемовскаго; сановные государственные люди, какъ Репнинъ, Паскевичъ, и многіе др. услаждали ими свои досуги“. (См. Харьк. Сбор. 1890, стр. 94).

[2]) Котораго мы видѣли 8 книгъ.

[3]) См. Дѣло за № 3142. Хар. ун. арх.

этого новаго ежемѣсячнаго изданія, какъ она высказана въ дѣлахъ самого университета (Д. № 69, 1823 г.):

„Сіе періодическое изданіе будетъ заключать въ себѣ слѣдующія четырехъ родовъ статьи:

I. Все, что касается до историческихъ извѣстій, успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ, земледѣлія,торговли, промышленности и др. достопамятностей такъ называемой Украины.

II. Всѣ роды прозаическихъ сочиненій, какъ то: разсужденія, рѣчи, повѣсти, разговоры, историческіе отрывки, жизнеописанія знаменитыхъ мужей, путешествія, всякаго рода изслѣдованія о свойствѣ языковъ и т. д.

III. Всѣ роды стихотворствъ, совмѣстныя обширности сего періодическаго изданія.

IV. Смѣсь, какъ то: библіографіи или извѣстія и сужденія о книгахъ и извлеченія изъ оныхъ, критическое разсмотрѣніе новѣйшихъ сочиненій. Любопытные анекдоты и другія мелкія сочиненія, которыя почему либо не могутъ быть помѣщены въ первыхъ двухъ статьяхъ, особливо же краткія статьи нравственныя, также все по учебной части примѣчанія достойное относительно Имп. харьк. университета и его учебнаго округа, Института благородныхъ дѣвицъ и частныхъ пансіоновъ, въ Харьковѣ находящихся.

Главная цѣль сего журнала способствовать по возможности распространенію всеобщаго вкуса ко всему полезному, изящному, и пріятному, а посему въ оном̀ъ будутъ помѣщены только такія сочиненія, которыя бы доставляли читателямъ и пользу и вмѣстѣ удовольствіе. Въ изданіи сего журнала могутъ участвовать всѣ наличные члены университета, но впрочемъ и произведенія постороннихъ особъ будутъ принимаемы съ благодарностью и помѣщаемы въ семъ журналѣ, если только оныя по своему содержанію и слогу будутъ соотвѣтствовать цѣли оного. Въ мѣсяцъ (выходитъ) двѣ книжки, каждая не меньше трехъ печатныхъ листовъ. Цѣна въ годъ 20 р., а съ пересылкой въ другіе города 25 р.“.

Мы не можемъ провѣрить, насколько удачно осуществилась эта широкая программа въ самомъ журналѣ, потому что

намъ удалось увидѣть всего двѣ книжки его за 1825 годъ. Но содержаніе ихъ гораздо дальше отъ мѣстныхъ изслѣдованій и областныхъ извѣстій, чѣмъ у предшественника его „Украинскаго Вѣстника", особливо въ первые годы его существованія. Мы видимъ въ „Украин. Журналѣ" спокойное научное изложеніе главныхъ теорій, занимавшихъ тогдашнихъ ученыхъ и литераторовъ. Вотъ перечень статей въ разсмотрѣнныхъ нами 2-хъ книжкахъ:

1) Разсмотрѣніе XII книги Небесной Механики Лапласа. 2) О баснѣ и баснописцахъ, древнихъ и новыхъ—переводъ съ французскаго Семена Викулина, очень обстоятельная статья, изобилующая образцами басенъ разныхъ писателей, приводимыхъ въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій или въ передѣлкѣ нашихъ баснописцевъ. 3) Поэмы Дидактическія перев. съ франц. Василія Якимова. Всѣ эти статьи написаны тяжелымъ языкомъ; гораздо интереснѣе ихъ является самостоятельный разборъ поэмы Рылѣева 4) Взглядъ на поэму, подъ названіемъ Войнаровскій. Трудно давалась критика нашимъ старымъ публицистамъ, да и относились къ ней крайне подозрительно. Изъ статьи, помѣщенной въ „Укр. Вѣстн." 1819 г., мы можемъ отчасти составить себѣ понятіе, какого взгляда на критику придерживались лучшіе писатели въ Харьковѣ въ то время: „Критика полезна, необходима, пишетъ Гулакъ-Артемовскій (переводя Красицкаго „Изъ критики"), когда она находится въ надлежащихъ предѣлахъ благоприличія, но бывъ употреблена во зло, она такъ далеко простерла владычество свое, а яремъ ея до толикой степени отяготѣлъ на умахъ порабощенныхъ ея деспотизму, что нельзя не изнемочь подъ бременемъ ея. Существеннѣйшій корень зла сокрывается въ дерзости сатириковъ, которые, не довольствуясь тѣмъ, что вооружаются противу заблужденій, устремляются даже съ вооруженной рукою противъ заблуждающихся, посягаютъ на честь ихъ и имя, превращаютъ въ личность то, что должно быть общимъ... Ремесло критика и безъ того уже ненавистно и производитъ едва ли не омерзѣніе къ тому, кто себя посвятилъ оному, слѣдственно онъ долженъ умѣть смягчая его дѣлать не столько отвратительнымъ!" Вотъ, очевидно, чтобы не возбуждать „омерзѣнія," критики того вре-

мени принимали сладчайшій тонъ, и если дерзали не восхищаться разбираемымъ произведеніемъ, то дѣлали это осторожно, напр., по поводу г-жи Сталь „Укр. Вѣстн.“ говоритъ: „еслибы я осмѣлился здѣлать замѣчанія на послѣднее сочиненіе г-жи Сталь, то сказалъ бы, что сужденія во многихъ мѣстахъ не вмѣстимы ея полу“... Такъ и въ статьѣ о Войнаровскомъ нѣтъ критики произведенія, а только изложеніе его содержанія со многими выписками. Изъ этихъ выписокъ видно однако, что автору сильно нравится поэма и что онъ сочувствуетъ вложенной въ нее любви къ родинѣ, къ Украйнѣ, уважаетъ Рылѣева именно за то, что онъ „старается соединить въ себѣ оба-сіи священныя названія: *Поэтъ* и *Гражданинъ*!“ Затѣмъ идутъ 5) статья о Поэзіи и краснорѣчіи у древнихъ въ особенности у грековъ и римлянъ—гдѣ восторженно „повѣствуется“ о Гомерѣ, Виргиліи и о ихъ продолжавшемся до тѣхъ поръ вліяніи на писателей; 6) О необходимой и тѣсной связи наукъ изящныхъ съ точными (переводъ съ польскаго), 7) переводъ съ французскаго—Объ Энеидѣ Виргилія. Изъ одного этого перечня статей видно, какъ сильно „Украин. Журналъ“ развивалъ въ своихъ читателяхъ вкусъ къ классической литературѣ. Про свое, мѣстное и тутъ писалъ одинъ Вернетъ, продолжавшій свои „Выписки изъ моего путешествія по изюмскому уѣзду“, „посвященныя всѣмъ тамошнимъ дворянамъ, почтившимъ меня хлѣбомъ-солью“. Но тутъ тоже больше отвлеченныхъ разсужденіи, о тщетѣ человѣческаго счастья, о любви къ родинѣ даже у лапландца, чѣмъ конкретныхъ описаній.

Кромѣ всего этого, въ журналѣ былъ еще отдѣлъ „Внутреннихъ извѣстій“,—гдѣ сообщается о проѣздѣ Государя черезъ Новгородъ Сѣверскъ, отдѣлъ „Смѣси“ съ анекдотами и разсказами изъ переводной литературы, объявленія (даже на франц. языкѣ) о выходѣ столичныхъ и заграничныхъ журналовъ, и наконецъ—стихи. Здѣсь мы замѣчаемъ нѣкоторый успѣхъ сравнительно съ поэзіей, помѣщавшейся въ „Укр. Вѣстн.“: и языкъ глаже, и содержаніе интереснѣе; такъ, мы имѣемъ прекрасный переводъ съ чешскаго Гулака-Артемовскаго „Царскій столъ“, преданье о Любушѣ, а въ мелкихъ стихотворе-

ніяхъ исчезаетъ подражательный сантиментализмъ и является романтическое настроеніе, какъ отзвукъ того романтизма, который уже охватывалъ всю столичную литературу.

„Украинскимъ Журналомъ" заканчивается правильная періодическая издательская дѣятельность харьковскаго университета. Это совпадаетъ съ измѣненіемъ какъ общественнаго настроенія, такъ и цензурныхъ правилъ въ особенности. Уже въ 1819 году, по словамъ Сухомлинова, „правленіе училищъ, сообразуясь съ опаснымъ движеніемъ умовъ въ Европѣ, почло нужнымъ обозрѣть предметъ цензуры во всей его обширности и сдѣлать для него установленія, сообразнѣйшія прежнихъ съ обстоятельствомъ и временемъ" [1]).

Цензура изъ университета переходитъ въ руки цензурныхъ комитетовъ, которые учреждаются совершенно независимо отъ университетовъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Ригѣ, Вильно. Магницкій составляетъ секретную инструкцію, которою цензора должны руководиться наравнѣ съ новымъ цензурнымъ уставомъ. Всякія философскія ученія подвергается самой строгой цензурѣ, извѣстія изъ заграницы воспрещаются, всѣ нравственныя ученія должны проповѣдывать одинъ источникъ всякихъ понятій у человѣка—Божественное Откровеніе. Харьковскій университетъ подъ тяжелымъ правленіемъ попечителя Карнѣева весь проникается этимъ духомъ смиренномудрія [2]). Карнѣевъ прямо „не допускалъ возможности предоставить разуму свободное поле дѣятельности". Онъ надѣется „разогнать мракъ философическаго заблужденіи, основаннаго на кичливости разума", путемъ распространенія Божественной философіи Дютца, которая обязательно покупается для гимназій харьковскаго округа. Подъ этимъ реакціоннымъ вѣяніемъ литературная дѣятельность харьковскаго университета какъ бы замираетъ; по указателю книгъ и брошюръ, выходившихъ въ Харьковѣ—Чирикова мы видимъ постепенное уменьшеніе книгъ, изданныхъ университетомъ, а именно:

---

[1]) Сухомлиновъ. Къ ист. просвѣщ.

[2]) См. Щепковъ. Изъ исторіи харьков. ун. Ж. М. Нар. Пр., 1890 г., кн. 10.

въ 1824 году вышло 13 книгъ и брошюръ, въ 1825—12, въ 1826—всего 6, а въ 1827—1 (и то только обязательно издаваемыя рѣчи, произнесенныя на торжественномъ актѣ университета), въ 1828—4 (тоже только рѣчи и конспектъ римскаго правовѣдѣнія). Мы могли бы и заключить этой мертвой петлей нашъ обзоръ харьковской литературы начала нынѣшняго столѣтія; но заглянемъ еще немного далѣе, въ тридцатые годы, чтобы прослѣдить, какъ возродилось то литературное направленіе, котораго держался „Украинскій Вѣстникъ“ и какое собственно и составляетъ жизнь и задачу всякой провинціальной прессы, это—областное изученіе края со всѣхъ точекъ зрѣнія, изученіе народа и выясненіе его нравственной физіономіи. Эту задачу и преслѣдовала позднѣйшая харьковская литература 30-хъ и 40-хъ годовъ. Первымъ дѣятелемъ, прямо ступившимъ на этотъ путь, былъ И. И. Срезневскій, начавшій съ 1833 года издавать свою „Запорожскую Старину“. Это—маленькія, въ восьмую долю листа книжечки, выходившія въ 33—34—35 и 38-мъ годахъ, и представлявшія богатое собраніе лѣтописей, думъ, пѣсенъ и разсказовъ изъ исторіи Малороссіи. Въ предисловіи къ первой книжкѣ Срезневскій говоритъ: „Издавая въ свѣтъ мое собраніе запорожскихъ пѣсенъ и думъ, я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину запорожскую—бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа — воиновъ, который своей храбростью и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юговостокъ Европы и даже Малую Азію, особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ и образомъ жизни и характеромъ будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства“. Не видя достаточнаго количества лѣтописей, по которымъ можно было бы изучить интересовавшій его народъ, Срезневскій обращается къ народнымъ преданіямъ, къ пѣснямъ и думамъ бандуристовъ. Знакомясь съ ними, онъ приходитъ въ восторгъ отъ ихъ художественной красоты: „И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, пишетъ онъ въ томъ же предисловіи, въ которыхъ старина запорожская отразилась такими вѣрными

живописными очерками,—старина, исполненная жизни, хотя и грубой, но величественной, поэтической!... Въ этихъ пѣсняхъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи,—все порывисто, подобно полету урагана степнаго, подъ глухія завыванія котораго онѣ взлелѣяны,—все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья".

Это романтическое увлеченіе красотою малорусскихъ народныхъ произведеній проникаетъ всѣ этнографическія изслѣдованія того времени. Жаль только, что это самое увлеченіе помѣшало точности изслѣдованій Срезневскаго и отняло достовѣрность у изданныхъ имъ матеріаловъ. Но не смотря на это, всѣ лица, сколько нибудь одушевленныя особымъ горячимъ патріотизмомъ, встрѣтили изданіе Срезневскаго съ восторгомъ и мы видимъ изъ числа лицъ, оказывавшихъ помощь Срезневскому при собираніи матеріала, что работа его пользовалась сочувствіемъ самыхъ развитыхъ представителей науки и просвѣщенія какъ въ университетѣ, такъ и внѣ его стѣнъ (тайн. сов. А. Ѳ. Квитка, ст. сов. Цебриковъ, Курдюмовъ, Венелинъ, профессора: Даниловичъ, Павловскій и мн. др.).

Укажемъ еще на два сборника, вышедшіе въ разсматриваемый нами періодъ 30-хъ годовъ—„Украинскій Альманахъ" (подъ редакціей проф. Шпигоцкаго) и „Утренняя Звѣзда"—сборникъ, изданный Петровымъ и вышедшій въ 1833 году. Въ „Украинскомъ Альманахѣ" не только помѣщены 9 народныхъ малорусскихъ пѣсенъ и двѣ думы, но и оригинальныя стихотворенія на малорусскомъ языкѣ („Козакъ" Боровиковскаго и „Малороссійская баллада" Шпигоцкаго) и даже очень недурно переведенъ отрывокъ изъ Пушкинской „Полтавы", подъ заглавіемъ „Марія" (переводъ Шпигоцкаго).

Вслѣдъ за этими сборниками въ Харьковѣ опять оживаетъ литературная дѣятельность. Областное направленіе, одушевленное романтическимъ народничествомъ, которое поддерживалось и всей тогдашней русской литературой, проявляется въ сборникахъ, въ изданіяхъ народныхъ пѣсенъ и въ развитіи оригинальной малорусской литературы. Но это литературное движеніе относится уже къ 40-мъ годамъ, разсмотрѣніе кото-

рыхъ не входитъ въ нашу статью. Мы хотѣли только отмѣтить то вниманіе, съ какимъ харьковскій университетъ съ самаго начала своего существованія относился къ родному краю, какъ много поработалъ онъ для изученія этого края и для пониманія населявшаго его народа.

Мы хотѣли указать, что то романтическое народническое литературное движеніе, которое дало въ 40-хъ годахъ такіе роскошные плоды, жило въ харьковской литературѣ съ самаго начала ея существованія, благодаря живой связи, сразу установившейся между харьковскимъ университетомъ и краемъ, для котораго онъ долженъ былъ быть (и былъ таковымъ въ дѣйствительности) ядромъ просвѣщенія. Оглядываясь на всѣ тѣ статьи, которыя пришлось перечесть въ этихъ старыхъ журналахъ съ ихъ толстой синей бумагой и съ невзрачными выпуклыми буквами, мы конечно видимъ въ нихъ много наивнаго, даже иногда нелѣпаго съ научной точки зрѣнія; но рядомъ съ этимъ отъ этихъ старыхъ страницъ вѣетъ на насъ чистосердечная вѣра въ просвѣщеніе, любовь къ своему дѣлу и ничѣмъ не прикрываемая горячая привязанность къ своему родному краю. Эти черты отличаютъ харьковскую журналистику въ періодъ ея зарожденія и эти же черты характеризуютъ и первыхъ профессоровъ харьковскаго университета, стараніями которыхъ создалась самая богатая у насъ харьковская областная пресса.

С. Р.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

Князья Любомирскіе не сообщались съ городской аристократіей. У нихъ бывала только Павлова, Т—овъ съ женой (Софьей Павловной), Б—іе, такъ какъ Б—ая была дочерью управляющаго его имѣніями Стечинскаго, уже покойнаго и Т—ичъ. Кромѣ того, приглашался иногда на чай исправникъ, какъ лицо нужное. Имѣнія Любомирскихъ, какъ говорили, доставляли въ годъ 50000 руб. чистаго дохода. Но этой суммы недостаточно было на уплату однихъ процентовъ по долгамъ, заведеннымъ главою семейства княземъ Казиміромъ Любомирскимъ. Семейство состояло изъ вдовы, княгини Любомирской, второй жены покойника отца Казиміра, князя Казиміра, его супруги и двоихъ дѣтей: сына и дочери. Вдова была прежде актрисой вѣнскаго театра. Это была видная еще красивая пожилая дама, отличавшаяся въ молодости необыкновенной красотой. Ей назначено было покойнымъ пожизненное содержаніе, и другіе члены семейства относились къ ней, какъ къ чужой. Она жила въ Ровно, пока не переѣхали на постоянное жительство въ свой домъ остальные члены, и затѣмъ удалилась въ Варшаву. Князь Казиміръ былъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ. Но безпутная жизнь въ столицахъ и заграницей сдѣлала его дряхлымъ, сѣдымъ старикомъ и подвергла страданію позвоночнаго хребта. Онъ уже не могъ самъ ходить; его возили въ креслахъ. Страданія его были такъ велики, что онъ

[1)] Кіевск. Стар. 1892 г. № 7.

не кричалъ, а просто ревѣлъ и рычалъ отъ боли, и ревъ его далеко слышенъ былъ изъ дому на улицу. Въ страданіяхъ, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ, онъ кончилъ въ Ровно свою жизнь. Онъ издерживалъ десятки и сотни тысячъ на актрисъ и разныхъ кокотокъ въ Вѣнѣ и Парижѣ и разстроилъ все свое громадное состояніе. Онъ писалъ въ молодости стихи польскіе и самъ полагалъ ихъ на музыку. Онъ славился, какъ отличный музыкантъ. Жена его—племянница бывшаго генералъ-губернатора Гурьева. Отличалась она величественной осанкой и необыкновенной красотой. Она не была богата, но Любомирскій Казиміръ состоялъ подъ надзоромъ полиціи; желая отъ него избавиться, онъ поступилъ въ канцелярію генералъ-губернатора, конечно бывалъ у него, какъ магнатъ, на вечерахъ и, пораженный красотою племянницы, сдѣлалъ предложеніе и сейчасъ былъ освобожденъ отъ надзора. Любомирская была православнаго исповѣданія, но подъ давленіемъ фанатической родни мужа и той среды, въ которую попала, она перестала посѣщать церковь, а затѣмъ стала исповѣдываться у ксендзовъ. Дѣти по закону должны были быть православными, но ихъ крестилъ ксендзъ. Кто то изъ православнаго духовенства возбудилъ дѣло. Поручено было мѣстному протоіерею доносить въ консисторію ежегодно объ исполненіи Любомирскою исповѣди. Любомирская ежегодно доставляла объ этомъ протоіерею свидѣтельство какого то сельскаго священника за подписью всего причта, а сама продолжала исповѣдываться съ дѣтьми въ костелѣ. Любомирскіе вели знакомство только съ крупными польскими магнатами, хотя ихъ средства до того истощились, что въ лавкахъ часто не хотѣли евреи отпускать имъ говядину подъ росписку. Они оставили огромный старый палацъ, находившійся на островѣ среди прудовъ, и жили въ небольшомъ каменномъ домѣ, на Романсовой улицѣ. Палацъ оставили за невозможностью, по недостатку средствъ, ремонтировать его, равно какъ и разрушившіеся два моста, которыми островъ соединялся съ городомъ. Этотъ палацъ они пожертвовали Министерству Нар. Просв. на нужды мѣстной гимназіи. Гимназическое начальство совсѣмъ не ремонтировало палаца, и онъ болѣе и болѣе разрушался.

Въ великолѣпномъ, большомъ, расписанномъ фресками залѣ устроили гимназическую каплицу (часовню). Странно было смотрѣть, какъ на католическое богослуженіе съ потолка зала глядѣли миѳологическіе нагіе боги, богини и амуры. На первомъ этажѣ помѣщались три учительскія семейства и надзиратель Пухальскій, да во флигелѣ еще одно семейство. Пухальскій сильно опустошилъ этотъ великолѣпный палацъ; онъ отыскивалъ 60000 червонцевъ, которые, по преданію, одной изъ Любомирскихъ были гдѣ то запрятаны. Онъ разбиралъ мраморные камины, разбивалъ стѣны, срывалъ паркетъ, квадратъ котораго въ свое время обошелся каждый въ 25 руб. сер., обрывалъ бронзовую оковку и пр.

Оранжерея, отличавшаяся огромными апельсиновыми и лимонными деревьями, посаженными въ грунтъ и приносившими массу хорошихъ фруктовъ, была запущена, оставаясь безъ садовника, и наконецъ деревья эти, да и другія растенія вымерзли. Огромный фруктовый садъ [1]), подлѣ оранжереи, вслѣдствіе плохой огорожи, обгрызли еврейскія козы, и онъ совсѣмъ уничтожился. До освобожденія крестьянъ въ домѣ Любомирскихъ продолжала состоять въ бездѣльи огромная дворня. Былъ и дворецкій, и лакеевъ штукъ 12-ть, и козачки, и козаки, и охотники, и начальникъ охоты, и псарня, и придворный живописецъ, и повара, кучера и форейторы, и много всякой другой челяди. Все это тѣснилось во флигелѣ подлѣ дома. Князь Казиміръ не имѣлъ никакихъ отношеній къ гимназіи, хотя отецъ его построилъ для помѣщенія ея двухъэтажное каменное зданіе, причемъ и у строителя зданія Р—е одновременно выросъ двухъэтажный каменный домъ и большой одноэтажный флигель. Говорятъ, что потомъ князю Р—е поднесъ къ подписи какую то бумагу, и князь, не зная что подписываетъ, скрѣпилъ своею подписью дарственную запись Р—е на мѣсто, на которомъ послѣдній произвелъ свои постройки. За эти продѣлки Р—е потерялъ мѣсто, но онъ въ немъ болѣе и не нуждался. Домъ его сейчасъ былъ нанятъ подъ общія квартиры для гим-

[1]) Очевидно, забыто авторомъ записокъ: садъ былъ очень невеликъ.—Ред.

назіи и большая наемная плата совершенно обезпечивала его семейство.

Изъ городскихъ жителей я помню еще отставнаго полковника Голтвинскаго, служившаго въ полку, которымъ командовалъ Пестель. Но Голтвинскій въ заговорѣ не участвовалъ; онъ былъ старый холостякъ и нигдѣ не бывалъ. Велъ онъ жизнь весьма скромную, посѣщая аккуратно богослуженія. Секретарь полиціи В — ль имѣвшій собственный домъ съ садомъ, и большое семейство, тоже иногда являлся на карточныхъ вечерахъ у чиновниковъ и позволялъ себѣ крупную игру, хотя жалованье получалъ грошевое. Жила еще около аптеки вдова бывшаго когда-то въ Ровно городничимъ Фонъ-Фридриксъ. Она вела знакомство большое всегда съ учительскимъ кружкомъ, разсчитывая, что, можетъ быть, кто-нибудь изъ учителей женится на одной изъ ея двухъ дочерей. М-me Фридриксъ получала особую, не въ примѣръ другимъ, пенсію, вполнѣ обезпечивавшую ея содержаніе.

Мѣстный ксендзъ каноникъ, Морозъ, бывалъ также часто на вечерахъ у знати; онъ въ карты не игралъ, но зато пилъ немилосердно. Это былъ старикъ лѣтъ 60-ти, полный, краснощекій и необыкновеннаго здоровья. Онъ былъ, какъ и всѣ ксендзы, фанатикъ. Но любилъ ѣсть хорошо, пить безъ мѣры, повеселиться и пошутить въ компаніи. Онъ могъ трое сутокъ ѣсть и пить пуншъ, не ложась спать. Только на разсвѣтѣ чтобы освѣжиться, онъ раздѣвался до нага и, покрывшись плащемъ, выбѣгалъ въ садъ. Повалявшись въ снѣгу, онъ вытирался простыней до суха, становился совершенно трезвымъ и опять начиналъ пить. Говоря о Морозѣ, я вспомнилъ объ одномъ вечерѣ у окружнаго Ж — скаго. Послѣ ужина Ж — скій, казначей Л — скій, служившій вмѣстѣ съ нимъ въ молодости въ казенной житомірской палатѣ, и Морозъ сидѣли въ небольшой комнатѣ, назначенной для куренья, и пили пуншъ. Л—скій повелъ разговоръ о давно минувшемъ времени, когда югозападный край былъ подъ намѣстничествомъ Вел. Кн. Константина Павловича. Разсказывалъ онъ о необыкновенной раздражительности и вспыльчивости Вел. Князя, имѣвшихъ для многихъ ро-

ковыя послѣдствія. Между прочимъ, передалъ онъ одинъ такой случай; жаль только, что я не замѣтилъ фамилій дѣйствующихъ лицъ. Служилъ въ губернскомъ житомірскомъ правленіи въ теченіе многихъ лѣтъ старшимъ совѣтникомъ нѣкій господинъ, успѣвшій нажить солидный капиталъ. При немъ мѣнялись одинъ за другимъ губернаторы, и наконецъ назначенъ былъ нѣкто, братъ адъютанта В. Князя. Новый губернаторъ объѣхалъ сейчасъ всю губернію въ сопровожденіи жида фактора, необходимаго ему для особыхъ услугъ: черезъ посредство его шла плата отъ чиновниковъ за занимаемыя ими должности. Кто не хотѣлъ платить или у кого не было средствъ, того немедленно удаляли отъ должности. Въ числѣ послѣднихъ былъ какой то стряпчій съ огромнымъ семействомъ, состоящимъ изъ 14 душъ дѣтей и жены. Стряпчій въ то время получалъ, кажется, не болѣе 200 рублей ассигнаціями въ годъ жалованья. Стряпчему приходилось съ семействомъ совсѣмъ пропадать; онъ былъ русскій, слѣдовательно на какую нибудь помощь со стороны мѣстныхъ помѣщиковъ поляковъ разсчитывать не могъ. Къ счастью, онъ приходился родней упомянутому совѣтнику. Послѣдній въ одномъ изъ своихъ домовъ въ Житомірѣ далъ пріютъ семейству стряпчаго, пособляя ему и деньгами, а самого заставилъ переписывать для себя разныя бумаги и употреблялъ въ качествѣ адвоката по процессамъ, которые ему приходилось вести съ своими должниками.

Губернаторъ между тѣмъ сталъ выкапывать дѣла, которыя сулили ему большую добычу, въ теченіе полугода онъ успѣлъ совершить болѣе 180 уголовныхъ преступленій. Губернскихъ чиновниковъ онъ не рѣшился обложить прямой данью, и сталъ періодически брать у нихъ деньги въ видѣ займа безъ росписки, на честное слово. У болѣе состоятельныхъ занималъ больше. У совѣтника разъ занялъ 10.000 ассигнаціями, черезъ мѣсяцъ 5000, а затѣмъ черезъ мѣсяцъ потребовалъ еще 5000. Совѣтникъ отказалъ. Губернаторъ сталъ его тѣснить и давалъ такіе порученія, которыя пахли уголовщиной. Совѣтникъ поспѣшилъ выйти въ отставку; но рѣшился отомстить губернатору. Онъ составилъ доносъ на губернатора, подробно исчисливъ его злоупотребленія

и преступленія и поручивъ своей роднѣ обиженному стряпчему, отъ своего имени доносъ этотъ вручить лично Вел. Князю въ Варшавѣ. Должно быть стряпчій проболтался, такъ-какъ черезъ фактора губернаторъ узналъ о доносѣ и распорядился, чтобы полиція день и ночь слѣдила за стряпчимъ, и если послѣдній направится въ Варшаву, то чтобы немедленно его арестовала и отобрала доносъ. Совѣтникъ посредствомъ своихъ благопріятелей полицейскихъ принялъ свои мѣры. Разнесся слухъ, что стряпчій опасно заболѣлъ и лежитъ при смерти. Другъ совѣтника, частный врачъ, сталъ посѣщать больного и день, и ночь по нѣсколько разъ. Полиція успокоилась. Между тѣмъ стряпчій, переряженный простымъ мужикомъ, успѣлъ ускользнуть изъ города, а тамъ на заранѣе заготовленныхъ перемѣнныхъ лошадяхъ благополучно переѣхалъ Бугъ и оказался внѣ сферы власти губернатора. Тогда разнесся слухъ, что стряпчій вдругъ выздоровѣлъ и исчезъ. Губернаторъ послалъ погоню; но было уже поздно. Опасаясь правдиваго доноса, губернаторъ изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и просилъ своего брата адъютанта отвратить грозу. Адъютантъ распорядился въ управленіи намѣстника, чтобы ему сейчасъ дали знать, если явится изъ волынской губерніи личность съ извѣстными примѣтами. Полиція его просьбѣ насторожила уши. Когда стряпчій явился въ управленіе, адъютантъ принялъ его весьма ласково, разспросилъ его обо всемъ подробно и обѣщалъ представить его В. Князю, когда это окажется возможнымъ, и приказалъ ему ежедневно навѣдываться въ управленіе.

Однажды В.. Князь былъ чѣмъ то сильно раздраженъ, а въ это время къ нему не подворачивайся. Онъ кричалъ на всѣхъ, и носился какъ вихрь по золамъ. Адъютантъ еще ранѣе предупредилъ Вел. Князя, что изъ волынской губерніи долженъ явиться мелкій чиновникъ съ омерзительнымъ ложнымъ доносомъ на губернатора, такъ какъ этотъ дѣльный администраторъ не понравился всѣмъ волынскимъ взяточникамъ и негодямъ. Адъютантъ уже нѣсколько разъ заглядывалъ въ управленіе, поджидая стряпчаго, и едва послѣдній явился, потащилъ его въ пріемный залъ В. Князя, и самъ отправился доложить. Стряпчій ни живъ, ни мертвъ стоялъ съ доносомъ въ рукахъ. До него

все ближе и ближе доносился крикъ В. Князя. Наконецъ, какъ молнія, налетѣлъ на него самъ В. Князь. „Что у тебя? Доносъ на волынскаго губернатора?“ „Точно такъ, Ваше Высочество!“ еле отвѣтилъ стряпчій, напуганный выраженіемъ лица и голоса В. Князя. В. Князь разорвалъ доносъ на мелкіе клочки и разметалъ по залу. Затѣмъ В. Князь совсѣмъ забылъ объ этомъ случаѣ. Стряпчій воротился въ семью. Губернаторъ опять приказалъ полиціи зорко слѣдить за стряпчимъ и совѣтникомъ. Послѣдній сталъ убѣждать стряпчаго отправиться въ Петербургъ и подать доносъ на губернатора и жалобу на В. Князя Государю Императору. „Тебѣ все равно; ты перенесъ худшее; не казнятъ же тебя за жалобу и доносъ; пожалуй, сошлютъ куда нибудь, — я не оставляю ни тебя, ни твоего семейства, и послѣ моей смерти оно будетъ обезпечено“. Стряпчій поддался, и съ жалобой на В. Князя и доносомъ на губернатора очутился въ Петербургѣ. Губернаторъ поднялъ трусъ, опять извѣстилъ брата; но стряпчій канулъ, повидимому, какъ въ воду. Встрѣтивъ однажды Николая Павловича на улицѣ, стряпчій бросился на колѣни, поднялъ высоко надъ головою бумагу, Государь приказалъ ему слѣдовать ко дворцу. Прочитавъ жалобу на В. Князя, онъ сказалъ стряпчему, если ты жалуешься ложно, то ты пропалъ; но если твоя жалоба основательна, тебѣ оказана будетъ защита и тебя вознаградятъ. Затѣмъ приказалъ арестовать и накормить стряпчаго, а черезъ часъ фельдъегерь мчалъ стряпчаго въ Варшаву и везъ собственноручное письмо Государя къ В. Князю. Стряпчій струсивъ всю дорогу молилъ Бога, чтобы его В. Князь приказалъ сразу казнить. Фельдъегерь примчался ночью и просилъ вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія немедленно о себѣ доложить В. Князю. В. Князя разбудили. Прочитавъ письмо Государя, В. Князь измѣнился въ лицѣ, сейчасъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія, а на адъютантѣ своемъ оборвалъ эполеты. Въ ту же ночь слѣдственная коммиссія съ стряпчимъ отправилась въ Житоміръ. Стряпчему удалось извѣстить обо всѣмъ совѣтника. Едва коммиссія прибыла въ Житоміръ, какъ совѣтникъ явился къ ней и предложилъ, какъ опытный и подробно знающій всѣ дѣла губерна-

тора чиновникъ, принять его въ дѣлопроизводители. Коммиссія состояла изъ двухъ генераловъ и нѣсколькихъ другихъ чиновъ. Спустя двое сутокъ совѣтникъ повелъ такъ слѣдствіе, что губернатору никакъ нельзя было уже увернуться. Губернаторъ ночью явился къ совѣтнику съ повинною, принесъ ему долгъ 15000 и сверхъ того предлагалъ еще 30000, если онъ его успѣетъ хоть нѣсколько обѣлить передъ коммиссіей. Совѣтникъ не согласился. Черезъ двѣ недѣли коммиссія кончила свое дѣло и увезла губернатора подъ арестъ въ Варшаву. Стряпчій былъ освобожденъ, награжденъ пенсіею и Станиславомъ въ петлицу; кромѣ того, ему возвращено было мѣсто. Губернаторъ по суду угодилъ въ арестантскія роты въ Вильно, а братъ его адъютантъ разжалованъ въ солдаты.

Вообще говоря, жизнь уѣзднаго города Ровно до крымской войны была весьма не красива. Излюбленнымъ развлеченіемъ, наполнявшимъ весь досугъ, а досуга было много, была карточная игра. Играли днемъ, играли ночью, играли въ страстной четвергъ и пятницу, играли во время производства дѣлъ и слѣдствій; играли во время рекрутскихъ наборовъ, на свадьбахъ, поминкахъ, крестинахъ, играли почти непрерывно; карты мерещились во снѣ и похмѣльи. Другаго разговора никогда не было, какъ только о картахъ, о карточной игрѣ. Горсть учителей, въ такомъ кругу, лишена была всякаго значенія и добрая часть ихъ цѣликомъ посвящала себя и свой досугъ карточной игрѣ. Этому способствовали и директора и инспектора гимназій. Досуга у нихъ была бездна: они по цѣлымъ мѣсяцамъ могли безнаказанно не являться въ гимназію и управлять ею изъ своей квартиры. Скажу еще нѣсколько словъ о тяготѣвшемъ надъ православнымъ народомъ дворянскомъ помѣщичьемъ классѣ, принадлежавшемъ къ чуждой народу католической религіи и чуждой народу польской національности. У польскихъ помѣщиковъ, ихъ крѣпостной православный народъ именовался bydło (скотъ), а также хамы. До инвентарей, введенныхъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, по которымъ ра-

бота на помѣщика полагалась только въ теченіе трехъ дней съ души, народъ работалъ всю недѣлю, не исключая и праздниковъ. Свой хлѣбъ обрабатывали болѣе по ночамъ. Крѣпостной человѣкъ—это лицо, стоящее внѣ закона: сѣчь его можно было сколько угодно. Сѣкли крѣпостныхъ паны и пани, сѣкли ихъ управляющіе, сѣкли экономы, сѣкли полицейскія и всякія другія власти, сѣкли за преступленія и проступки, сѣкли по суду и безъ всякаго суда. Польская магнатка Ст—ая въ сѣверо-западномъ краѣ воскрешала застѣнокъ со всевозможными пытками. Однажды она провѣдала, что лакей, ея любимѣйшій фаворитъ, завязалъ связи съ ея красавицей горничной, дѣвушкой лѣтъ 16-ти. Изъ ревности она взяла горничную въ комнату пытокъ; ставила ее босыми ногами на раскаленную жаровню и т. п. Лакей бѣжалъ въ Петербургъ и подалъ Николаю Павловичу доносъ на звѣрство Ст—ой. Назначенный Государемъ изъ Петербурга слѣдователь раскрылъ всю истину. Ст—ая посажена была въ тюрьму, гдѣ вскорѣ скоропостижно скончалась. Говорили, будто она сама отравилась. Помѣщикъ луцкаго уѣзда Зенонъ Ч—кій изъ Забороля (Омелянки) по праздничнымъ днямъ сочинилъ для себя слѣдующее развлеченіе. Онъ приказалъ выкопать длинный и весьма глубокій и широкій ровъ; по одну сторону рва устроенъ былъ барьеръ. Ко рву собирали дѣвокъ и приказывали прыгать черезъ ровъ. Которая счастливо перепрыгивала—то получала рубль, а которая попадала въ ровъ—получала 25 розогъ. Послѣ крымской войны обратили наконецъ вниманіе на этого сумасброда, и имѣніе его отдали въ администрацію. Разъ онъ, весною проѣзжая черезъ прудъ, обломался и тонулъ. Крѣпостные спасли его. Зенонъ того же дня пересѣкъ своихъ спасителей, и поставилъ около пруда крестъ (фигуру) съ надписью:

Pan (Bóg) pana od śmierci zbawił
Pan Panu krzyż postawił!

кто то внизу прибавилъ:

Nie bóisie panie Zenonie;
Co ma wisieć, nie utonie!

Крѣпостныхъ и мѣщанъ могъ сѣчь, сколько угодно тотъ, у кого они состояли въ услуженіи.—Будь это чиновникъ, шляхтичъ, или даже еврей. Жаловаться было некому. Евреи почтосодержатели пороли ямщиковъ ежедневно. Евреи корчмары тоже драли своихъ пахолковъ (сторожей, разсыльныхъ), которые назначались имъ изъ экономіи, пороли наймычекъ служанокъ изъ христіанъ. Запрещено было въ городахъ и мѣстечкахъ евреямъ имѣть христіанскую прислугу, а между тѣмъ не было зажиточнаго еврейскаго семейства, у котораго ея не было бы. Я самъ помню дѣло объ одномъ почтосодержателѣ евреѣ въ селеньи Крапивнѣ, кажется, липовецкаго уѣзда, который не только до полусмерти, засѣкалъ ямщиковъ; но одного въ пьяномъ видѣ, немилосердно высѣкши, въ трескучій морозъ приказалъ нагого привязать къ столбу, около котораго гоняли лошадей и облить водою. Ямщикъ моментально умеръ. Началось слѣдствіе. Еврею оно обошлось тысячи въ три, но ямщикъ признанъ былъ умершимъ отъ загорѣвшагося въ немъ спирта и удара апоплексіи. Хотя духовенство было враждебно настроено противъ польскихъ пановъ и ксендзовъ, стремившихся всѣми путями окатоличить своихъ православныхъ крестьянъ, хотя оно убѣждало своихъ прихожанъ крѣпко хранить вѣру отцовъ и не поддаваться панамъ; но все таки волей неволей они стояли за существующіе порядки. Ополяченіе и окатоличеніе главнымъ образомъ совершалось въ средѣ панской дворни, и если мѣстный священникъ слишкомъ горячо заступался за свою паству, то полиція, оплаченная паномъ, представляла такого священника высшей власти, какъ революціонера, возбуждающаго крѣпостныхъ противъ панской власти. Ходатайство пана у секретаря консисторіи и членовъ рѣшало судьбу упрямаго попа: если онъ имѣлъ средства и самъ дарилъ консисторію, ему дѣлали выговоръ и перемѣщали въ другой приходъ; въ противномъ случаѣ оставляли за штатомъ или ссылали въ монастырь, а иногда даже сажали и въ тюрьму. Во многихъ селеніяхъ существуетъ множество католическихъ дворовъ, именующихъ себя шляхтою. Это все совратившаяся изъ православія панская дворня. Въ ксендзовкахъ, т. е. селеніяхъ и деревняхъ, принадлежавшихъ католическимъ приходамъ

всѣ православные дворы огуломъ совращены, и въ нихъ и теперь нѣтъ ни одной православной души. Теперешніе жители ксендзовокъ по большей части дѣйствительно польскаго и католическаго происхожденія; хотя не знаютъ почти ни слова по польски и говорятъ только на мѣстномъ украинскомъ нарѣчіи. Это потомки незаконнорожденныхъ дѣтей ксендзовъ. Многочисленная женская прислуга на пробоствахъ часто мѣнялась ксендзами. Возвращались въ семью и женщины и дѣвки забеременѣвшими. Мѣста ихъ занимали другія красивыя женщины и дѣвки. На ксендзовскихъ огородахъ и въ садахъ все лѣто работали дѣвки изъ ксендзовокъ, и многія изъ нихъ послѣ работы оказывались беременными. На такихъ по приказанію и благословенію ксендза должны были жениться сыновья болѣе зажиточныхъ крѣпостныхъ. Въ случаѣ протеста ксендзъ сѣкъ ихъ розгами въ деревнѣ, а въ крайнемъ случаѣ требовалъ къ костелу въ праздничный день и публично передъ народомъ сѣкъ на паперти веревками отъ костельныхъ колоколовъ до тѣхъ поръ, пока не получалъ согласіе жениться на забеременѣвшей отъ ксендза дѣвкѣ. Съ польской революціи 1831 года эти порядки начали проходить. Но было уже поздно. Ксендзовки окатоличились, и жители ихъ стали себя считать польскою шляхтою, хотя продолжали употреблять и употребляютъ до сихъ поръ свой природный языкъ.

До революціи 1831 года русскій чиновникъ въ судѣ и полиціи составлялъ рѣдкость. Жандармы тоже состояли изъ поляковъ. Судья, подсудки избирались панами изъ своей среды; такъ называемый (родъ прокурора) писарь, секретарь и архиваріусъ назначались правительствомъ изъ поляковъ, дѣтей панскихъ оффиціалистовъ. Судъ былъ гласный. При открытыхъ дверяхъ адвокаты защищали дѣла. Сессіи суда назывались каденціями. Русскій въ этихъ судахъ никогда не оказывался правымъ.

Полиція извѣстна была подъ названіемъ земскаго суда. Она состояла изъ капитанъ-исправника, раненаго капитана или маіора въ отставкѣ, часто полуграмотнаго, часто даже поляка; изъ четырехъ засѣдателей помѣщиковъ, служившихъ по

выборамъ польскаго дворянства, подписывавшихъ свои фамиліи по подписямъ карандашемъ, сдѣланнымъ на русскомъ языкѣ секретаремъ суда; изъ секретаря и столоначальниковъ. По всѣмъ происшествіямъ слѣдствіе производилось въ земскомъ судѣ, для чего виновные вызывались въ судъ. Иногда же исправникъ совмѣстно со стряпчимъ и однимъ изъ засѣдателей производилъ слѣдствіе на мѣстѣ, напр.—въ случаяхъ грабежа, убійства. Слѣдственное дѣло отправлялось въ уѣздный судъ. Дѣлопроизводство въ земскомъ судѣ производилось исключительно на русскомъ языкѣ, почему секретарь и столоначальникъ назначался правительствомъ изъ русскихъ семинаристовъ. Исправникъ тоже назначался правительствомъ. Въ уѣздномъ судѣ письмоводство тоже велось на русскомъ языкѣ; но каденціи велись на языкѣ польскомъ. Какъ въ земскомъ, такъ и въ уѣздномъ судѣ всю суть составляли секретари. Секретарь земскаго суда вполнѣ управлялъ уѣздомъ. Исправникъ производилъ слѣдствія, разъѣзжалъ по помѣщикамъ, которые посылали ему цѣлые обозы всякой всячины, водворялъ повиновеніе крѣпостныхъ предержащей панской власти, кутилъ съ ксендзами, словомъ—катался, какъ сыръ въ маслѣ, а секретарь управлялъ уѣздомъ. Засѣдатели почти никогда не являлись въ судъ. Каждый изъ нихъ въ домѣ секретаря держалъ коннаго стойчика. Такіе стойчики каждую ночь по очереди возили въ кожаныхъ сумкахъ бумаги засѣдателямъ для подписи. Исправники были всецѣло въ рукахъ пановъ, такъ-что, при первыхъ приготовленіяхъ къ возстанію 1831 года, когда имъ случалось проѣзжать мимо кузницъ панскихъ, на которыхъ открыто приготовлялись пики и оттачивались палаши, и когда ямщики, указывая на это, предупреждали ихъ, что паны готовятся бунтовать противъ царя, то они запрещали ямщикамъ выдумывать небылицы и болтать вздоръ, грозя за клевету наказаніемъ. Крестьянъ же, которые доносили объ этомъ, сѣкли нещадно за распространеніе тревожныхъ слуховъ. Не смотря на сплошное русское и православное населеніе югозападнаго края; несмотря на массу въ немъ православнаго духовенства и православныхъ церквей и относительно ничтожную въ немъ горсть поляковъ пановъ и

ихъ оффиціалистовъ, а также ксендзовъ,—свѣдѣнія объ этомъ краѣ Петербургскаго правительства были столь не точны, что край этотъ признавался въ Петербургѣ вполнѣ польскимъ и католическимъ. Такой взглядъ не вполнѣ исчезъ и до революціи 1863 года. Лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что русскіе, занявшіе послѣ 1831 года мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ этого края, съ переводомъ Бибикова министромъ внутреннихъ дѣлъ и назначеніемъ въ Кіевъ князя Васильчикова генералъ-губернаторомъ, снова стали замѣняться поляками. Такъ что въ ровенской гимназіи передъ 1864 годомъ, кромѣ капелана, въ педаготическомъ совѣтѣ гимназіи числилось шесть поляковъ католиковъ и шесть протестантовъ учителей.

Одинъ панъ около Ровно, забылъ я его фамилію, холостякъ лѣтъ 60-ти и довольно богатый, устроилъ изъ своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ оркестръ и пѣвческій хоръ. Дѣвки всѣ были на подборъ—статныя, свѣжія, красивыя отъ 14 до 20 лѣтъ. Одѣвались онѣ всегда въ мужской костюмъ, весьма красивый, придуманный паномъ. Музыкантши носили коричневый костюмъ съ золотыми галунами, а пѣвцы голубой съ серебряными галунами. Онѣ жили въ особыхъ флигеляхъ въ саду, который былъ обнесенъ высокой оградой. При посвященіи католической каплицы въ 1861 году [1]), построенной на гимназическомъ дворѣ, присутствовалъ этотъ панъ со своимъ оркестромъ и хоромъ. Каплица строилась на добровольныя пожертвованія пановъ. Сборомъ пожертвованій занимались: княжна Любомирская, Павлова, гимназическій капелланъ Творовскій и жена директора гимназіи Софья Т—ва, дочь Павловой. Тумановъ же исходатайствовалъ у генералъ губернатора Васильчикова разрѣшеніе построить каплицу на гимназическомъ дворѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ученикамъ далеко ходить въ дурную погоду въ городскую каплицу, лежавшую на католическомъ кладбищѣ въ предмѣстьи „Воля“. Это отчасти была правда. Огромный городской каменный костелъ совсѣмъ уже разрушался и отправ-

---

[1]) Построена она значительно раньше, въ 56—57 году

лять въ немъ богослуженіе было запрещено. Въ подвалѣ этого костела находился родовой склепъ князей Любомирскихъ. Ихъ набальзамированные трупы, одѣтые въ богатые контуши, весьма хорошо сохранились. Органистъ за небольшое вознагражденіе охотно показывалъ ихъ любопытнымъ. Поляки воспользовались гимназической каплицей въ 1862 и 1863 году чтобы совершать въ ней манифестаціи, пѣть запрещенные гимны, и въ погребѣ нѣкоторое время хранили порохъ и разное оружіе для повстанцевъ. Вслѣдствіе представленій Т — ва въ ровенскую гимназію проникло не малое число учителей изъ поляковъ: учитель польскаго языка, учитель математики Скольскій, учитель французскаго языка Вронскій; учитель польской литературы Гродецкій, учитель чистописанія и рисованія Глинскій; учитель естественныхъ наукъ Тушецкій и эти учителя, съ согласія Т—ва, завели порядокъ при началѣ и окончаніи уроковъ читать съ колѣно-преклоненіемъ молитву на польскомъ языкѣ, которая до сихъ поръ читалась по русски. Православныхъ учениковъ насмѣшками и притѣсненіями заставляли тоже преклонять колѣни. Къ началу манифестаціи ровенская гимназія приняла характеръ совсѣмъ польскаго учебнаго заведенія. Русскій элементъ совсѣмъ ослабѣлъ въ педагогическомъ совѣтѣ. Директоръ и поляки составляли рѣшающее большинство, такъ какъ протестанты оставались нейтральными и всегда голосовали съ большинствомъ. Протестантовъ было тоже довольно: французскаго языка учитель швейцарецъ Лемпъ; нѣмецкаго языка Дихеръ и Фанцъ; математики Гвайтъ и Венертъ и латинскаго языка Редеинъ. Русскіе учителя были только слѣдующіе: 1) законоучитель протоіерей Клюковскій; 2) русской словесности Солтановскій; 3) русскаго языка Ив. Коленко; 4) исторіи Трофимовъ; 5) учитель математики Ив. Суворовъ; 6) законовѣдѣнія Невгодовъ. Преподаваніе географіи раздѣлено было между наличными учителями русскими и поляками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОГУСЛАВСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

1808—1860 годы.

Въ южной части м. Богуслава, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, надъ р. Росью расположенъ въ очень живописной мѣстности богуславскій Свято-Николаевскій монастырь.—Похилевичъ въ своемъ „Сказаніи о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи“ (изд. 1864 г. стр. 553), основываясь на „Исторіи русской іерархіи“ епископа Амвросія и на историческомъ извѣстіи кіевскаго мѣсяцеслова о монастыряхъ кіевской епархіи, предполагаетъ, что богуславскій монастырь существуетъ около 3-хъ столѣтій и основанъ въ половинѣ XVI вѣка, когда польскій король Стефанъ Баторій даровалъ малороссіянамъ и ихъ православному духовенству многія преимущества и привилегіи на строеніе церквей и монастырей.

Монастырь первоначально былъ возлѣ с. Хохотвы, въ урочищѣ, называемомъ нынѣ „Монастырище“, гдѣ теперь хуторъ монастыря, и церковь въ немъ была во имя Рождества Богородицы. Монастырь сей сожженъ Орликомъ въ концѣ XVII вѣка, одновременно съ сожженіемъ прочихъ украинскихъ монастырей и разореніемъ жителей правобережной Украины, отказавшихся отъ плановъ Мазепы. По разореніи онъ возстановленъ Самусемъ, богуславскимъ козацкимъ полковникомъ. Около 1740 года онъ перенесенъ ближе къ Богуславу, на нынѣшнее свое мѣсто и названъ Николаевскимъ, по сооруженной въ немъ церкви во имя святителя Николая. Въ половинѣ XVIII вѣка онъ захваченъ

уніатами; но въ 1768 году, во время народнаго возстанія за гонимую православную вѣру, уніатскіе монахи бѣжали изъ Богуслава, и монастырь сдѣлался опять достояніемъ православныхъ. Впослѣдствіе, возвратившись, базиліане построили себѣ каплицу возлѣ церкви Св. Троицы въ мѣстечкѣ [1]).

Трудно найти живописнѣе мѣстность, какъ мѣстность нынѣшняго богуславскаго монастыря.—Рось, пройдя между камнями чрезъ м Богуславъ, расширяется, принимаетъ тихое и плавное теченіе, направляясь однимъ краемъ къ горѣ съ плоскимъ конусомъ, которая съ другой стороны огибается роскошнымъ лугомъ и лѣсомъ; минуя монастырскую гору, Рось у ея подошвы устремляется чрезъ каменистый порогъ и производитъ вѣчный шумъ и плескъ водъ. На этомъ то конусѣ устроенъ монастырь; съ 1820 по 1880-й годъ существовало здѣсь духовное уѣздное училище, переведенное изъ г. Богуслава послѣ пожара, случившагося чрезъ годъ по открытіи училища. Бывшій настоятель богуславскаго монастыря, игуменъ Ѳеодоръ въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, задавшись грандіозной мыслью раздѣлить Рось у самой подошвы конуса на 2 рукава, которые бы, огибая монастырь кругомъ, оставили его на живописнѣйшемъ островѣ, прорылъ по лугу во всю его длину глубокую канаву. Къ сожалѣнію, игуменъ Ѳеодоръ не достигъ своей цѣли, хотя затраченный капиталъ не пропалъ даромъ: низменный болотистый лугъ, послѣ проведенія канавы, образовалъ площадь, благодарнѣйшую для сѣнокоса и огородовъ. Впослѣдствіи, когда для монастыря наступили скорбныя времена, за удаленіемъ игумена Ѳеодора и вслѣдствіе недосмотра, канава осунулась и теперь представляетъ лишь слѣдъ гигантскаго труда.

Мѣстность подъ монастыремъ и вокругъ него каменистая, но на горѣ и скатахъ ея имѣется достаточно прекрасной земли, на которой разведены сады и огороды [2]). На горѣ, гдѣ мо-

---

[1]) Полное историческое свѣдѣніе о богуславскомъ Николаевскомъ монастырѣ помѣщено въ Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1867 годъ.

[2]) Игуменъ Ѳеодоръ захотѣлъ построить и построилъ на р. Роси, у монастырскаго берега, мельницу, но когда экономія графовъ Браницкихъ не дозволила примкнуть монастырскую плотину къ своему лѣвому берегу, о. игумену пришла

настырь занимаетъ 2 десятины, устроены 2 церкви (3-я старая бывш. теплая), келіи настоятеля и братіи. Все это окружено теперь большою каменною оградою, за которой огороды, лугъ, роща занимаютъ около 5 десятинъ; кромѣ этого въ хуторѣ монастырь имѣетъ около 40 десят.,—вотъ все его имущество, и это скудное убѣжище содержитъ 60 человѣкъ братіи.—Въ XVI-мъ, XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ монастырь имѣлъ 300 д. земли и с. Хохотву. Въ самые тяжелые годы татарскихъ набѣговъ, Коліивщины и общаго разоренія Украины, богуславскій монастырь сохранилъ свое достояніе, переданное въ наслѣдіе братіи, но въ XIX столѣтіи, во время самое спокойное, особенно въ 50 годахъ, монастырь лишился всего своего достоянія. Не татары, не гайдамаки разорили монастырь, а пострадалъ онъ отъ непорядковъ дореформеннаго суда. Объ этихъ печальныхъ дняхъ и будетъ наша рѣчь.

Въ 1799 г. богуславское староство было куплено отъ князя Понятовскаго б. гетманомъ польскимъ, а потомъ генераломъ отъ кавалеріи, Ксаверіемъ Браницкимъ [1]). Администрація Браницкаго стала приводить въ извѣстность свои земли. Началась съемка, и богуславскій монастырь съ своей стороны пригласилъ повѣтоваго землемѣра Лопухина снять на планъ всю монастырскую землю; Лопухинъ произвелъ „начерно“ съемку въ присутствіи повѣреннаго со стороны экономіи Браницкаго, по указанію свидѣтелей—старожиловъ с. Хохотвы. Всего монастырской земли было вокругъ на 5 верстъ и особо мѣрою 706 саж., за что уплочено землемѣру 10 руб. на матеріалы. Браницкій, разсматривая планы своихъ земель, обратилъ вниманіе на то, что въ чертѣ его владѣній существуетъ православный монастырь, владѣющій 300 десят. земли, и потребовалъ отъ монастыря документы на право владѣнія землею. Настоятель монастыря отвѣтилъ, что документы были, но во время пожара въ

мысль провести р. Рось каналомъ вокругъ монастырской горы, чтобы здѣсь на своей землѣ устроить мельницу; но изъ этого проекта не вышло ничего, кромѣ истребленія луга и непосильнаго долга.

[1]) Женившемся на Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, фрейлинѣ императрицы Елатерины II-й, племянницѣ свѣтлѣйшаго князя Г. А. Потемкина.

1787 г. сгорѣли. Браницкій, основываясь на томъ, что въ дарственномъ документѣ князю Понятовскому не сдѣлано никакой оговорки о постороннихъ владѣльцахъ въ богуславскомъ старостве и что внутри богуславскихъ имѣній не можетъ находиться чья либо земля, самоправно овладѣлъ въ 1808 г. всею монастырскою землею,—какъ отмежеванною по указанію старожиловъ на „Монастырищѣ“ и „Чернечьемъ Яру“, такъ и не отмежеванною, находящеюся при самомъ монастырѣ, оставивъ монастырю только 2 десятины въ сажнями подъ церковными зданіями.—Настоятель монастыря началъ искъ; всѣ богуславскіе повѣтовые, земскіе верхніе и нижніе суды и кіевскій главный судъ были на сторонѣ Браницкаго.

Однако братія не унывала и дѣло поступило въ Сенатъ, который рѣшеніемъ 12 октября 1822 г. призналъ: „дѣло сіе, яко заключающее искъ о церковной землѣ, на основаніи Высочайше конфирмованного въ 25 день іюня 1811 г. общаго учрежденія министерствъ, препроводить къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія на его заключеніе“. Министръ, соглашаясь съ рѣшеніемъ кіевской казенной палаты и съ заключеніемъ тамошняго гражданскаго губернатора, мнѣніемъ полагалъ: „всѣ угодія, находящіяся въ безпрерывномъ владѣніи богуславскаго Николаевскаго монастыря, оставить навсегда въ пользованіи его, подвергнувъ Браницкаго законному взысканію за самовольное завладѣніе оными; Николаевскому же монастырю предоставить право установленнымъ порядкомъ отыскивать убытки, понесенные отъ завладѣнія землями Браницкимъ и отъ вовлеченія онаго въ тяжбу“. Казалось бы, дѣлу конецъ; но въ дѣйствительности возникли новыя комбинаціи, на сцену явились нежданныя для монастыря новыя препятствія, задерживавшія спокойное и безспорное владѣніе землею, возникли такія увертки со стороны повѣренныхъ Браницкаго, присущія духу того времени, что приходится только удивляться, какъ могъ бѣдный монастырь перенесть эти невзгоды и упорно при полномъ безденежьи вести свое дѣло.—Настоятели монастыря не жалѣли своихъ трудовъ и своихъ

личныхъ средствъ и стремились достигнуть своихъ законныхъ и справедливыхъ правъ.

Гр. Браницкій и его администрація остались крайне не довольны выше указаннымъ рѣшеніемъ Сената 1822 года. Монастырь же желалъ воспользоваться взысканіемъ убытковъ за непользованіе землею въ теченіе 15 лѣтъ, и начались взаимные иски. Главный кіевскій судъ, получивъ при указѣ Сената отъ 29 января 1823 г. за № 199 все подлинное дѣло для исполненія, не нашелъ нужнымъ привести его въ точное исполненіе, а препроводилъ въ кіевское губернское правленіе, извративъ совсѣмъ смыслъ подлиннаго рѣшенія, причемъ существенныя слова рѣшенія опустилъ и такъ старался повернуть дѣло, что за монастыремъ должно остаться только 49 десятинъ и 1283 квадр. сажня.—Низшія судебныя учрежденія, какъ богуславскій земскій судъ, исполняя указъ губернскаго правленія, препроводилъ конторѣ гр. Браницкаго требованіе, что бы она не препятствовала богуславскому Николаевскому монастырю пользоваться присужденными ему Сенатомъ землями;—на требованіе же монастыря привести въ исполненіе указъ Сената, богуславскій земскій судъ отношеніемъ отъ 18 іюля 1823 г. за № 2216, увѣдомилъ, что до присылки *плана*, формальнаго *ввода*, онъ не находитъ возможнымъ исполнить просьбу монастыря.—При настоятельныхъ-же просьбахъ монастыря исполнить рѣшеніе Сената, контора гр. Браницкаго отвела участки монастырю въ самыхъ неудобныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего опять начались жалобы. Благодаря постояннымъ и упорнымъ жалобамъ монастыря, при поддержкѣ преосвященнаго митрополита Евгенія, составлена была коммиссія изъ уманскаго уѣзднаго землемѣра, члена уѣзднаго суда, духовнаго депутата и уѣзднаго стряпчаго, которая, начавъ свои дѣйствія 10 декабря 1834 г. и окончивъ 22 апрѣля 1835 г., признала за богуславскимъ монастыремъ право на 290 десятинъ земли, при чемъ это право основала на планѣ 16 іюня 1806 г. и допросѣ богуславскихъ жителей—старожиловъ. Землемѣръ всю эту землю снялъ на планъ и, по подписи всѣхъ лицъ присутствовавшихъ, передалъ монастырю. Монастырь опять сталъ пользоваться принадлежавшей ему

издавна землею. Но недолго владѣлъ монастырь этими землями; явился на сцену планъ землемѣра Лопухина, подписанный только имъ однимъ, по коему плану за монастыремъ значилось только 49 десятинъ земли, и экономія графа Браницкаго, основываясь на этомъ планѣ, доказывала, что монастырю слѣдуетъ дать только 49 десятинъ, и тогда лишь исполненъ будетъ указъ Сената. По поводу этихъ разнорѣчій начались опять иски, новыя жалобы, пошли опять всякія разслѣдованія, а при порядкахъ прежняго дореформеннаго суда иски эти затянулись на цѣлое десятилѣтіе при чемъ управленіе графини Браницкой не стѣснялось уже въ изысканіи всякихъ средствъ запутать дѣло [1]).

Всѣ эти неправильныя дѣйствія администраціи гр. Браницкой помѣщены въ рапортѣ члена коммиссіи, духовнаго депутата,—благочиннаго священника о. Симеона Левицкаго митрополиту Филарету на пристрастныя дѣйствія пристава и уѣзднаго стряпчаго.

Не буду приводить цѣликомъ этого рапорта, а скажу только, что въ 13 пунктахъ его отмѣчены самыя разнородныя несправедливости, допускавшіяся приставомъ и стряпчимъ при производствѣ слѣдствія, начиная съ того, что въ засѣданія коммиссіи являлись лица непричастныя къ ней, но вліявшія на ходъ слѣдствія въ пользу администраціи гр. Браницкой, и кончая тѣмъ, что умышленно предлагались свидѣтелямъ запутанные вопросы и такимъ путемъ вылавливались неудачные отвѣты ихъ, могшіе служить во вредъ интересамъ монастыря.

---

[1]) При чтеніи этой тяжбы нужно знать, что гетманъ Ксаверій Браницкій умеръ въ началѣ XIX вѣка, а его жена графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардтъ, племянницак князя Гр. Ал. Потемкина—православная, скончалась къ 1838 году; почти 5 лѣтъ владѣлъ ея имѣніемъ сынъ ея графъ Владиславъ Браницкій, а по смерти его—управляли главноуправляющіе изъ поляковъ до 1851 года. По раздѣлу Богуславское имѣніе досталось графу Константину Владиславовичу Браницкому, который занимался не хозяйствомъ, а охотою. Управляющими въ Богуславскомъ имѣніи были до 1854 года Домбровскій и Узембло—поляки. Они то съ адвокатами своими ограбили и разорили Богуславскій монастырь.

Этой бѣды однако не случилось бы, еслибы игуменъ Ѳеодоръ не раздражилъ ихъ своими бумагами и затѣями.—Ред.

Въ заключеніе своего рапорта депутатъ духовный, о. Симеонъ Левицкій, писалъ такъ: „Видя такое противное указамъ, правдѣ и выгодамъ монастыря, а полезное только для экономіи гр. Браницкихъ дѣйствіе коммиссіи, я своимъ отзывомъ въ коммиссію отъ 2 мая сего 1847 г. за № 63 просилъ оную прекратить производство этого дѣла впредь до распоряженія начальства, потому что я намѣренъ о неправильномъ началѣ онаго дѣла донести начальству. О чемъ доношу Вашему Высокопреосвященству и присовокупляю, что дѣло это мнѣ кажется очень запутаннымъ".

По рапорту о. Симеона Левицкаго были потребованы подлежащимъ начальствомъ объясненія отъ стряпчаго и пристава, но тѣмъ и закончилось дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ за незаконныя дѣйствія; цѣль же разслѣдованія,—запись въ дознанія нужныхъ, хотя и ложныхъ, свѣдѣній и узаконеніе ихъ для возможнаго отнятія гр. Браницкимъ земли отъ монастыря—была достигнута. Да и неудивительно: стряпчіе и полиція были на сторонѣ Браницкихъ, а суды имъ вторили. А между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что о. игуменъ Ѳеодоръ, вступивъ въ управленіе монастыремъ въ 1845 г., горячо принялся за защиту монастырскихъ интересовъ; не жалѣлъ онъ времени, трудовъ и собственныхъ скудныхъ средствъ, сталъ всѣми законными средствами отстаивать право обители, писалъ много и во всѣ учрежденія, перо его работало безъ устали; замѣтно по оставшимся отъ него копіямъ, что онъ изучилъ дѣло и искренно былъ убѣжденъ въ правотѣ притязаній монастыря на земли, вѣрилъ въ справедливость, искалъ ее вездѣ. Но эта горячность, эта искренняя преданность дѣлу при плохомъ знаніи законовъ и юридической практики не помогали ему: на каждомъ шагу администрація гр. Браницкаго сочиняла новые документы, игуменъ Ѳеодоръ возмущался, доказывалъ ихъ подложность, но на это не обращали вниманія, и въ 1854 году Сенатъ окончательно призналъ за монастыремъ право только на 49 десятинъ. Игуменъ Ѳеодоръ вездѣ видѣлъ измѣну, особенно въ кіевской консисторіи, перомъ своимъ не щадилъ секретаря ея, а кому неизвѣстно, какое значеніе тогда имѣли секретари! И вотъ, со-

ставлено было опредѣленіе консисторіи о преданіи суду игумена Ѳеодора за оскорбленіе секретаря консисторіи. Управленію Браницкихъ было извѣстно это гоненіе, и администрація ихъ рѣшила ни въ чемъ не дѣлать уступокъ монастырю. Въ 1857 г. послѣдовало распоряженіе, по ходатайству духовнаго вѣдомства, войти въ соглашеніе съ управленіемъ гр. Браницкихъ. Игуменъ Ѳеодоръ не соглашался на „панську ласку“ и за это несогласіе поплатился ужаснымъ и насильственнымъ захватомъ монастырскаго имущества. Вотъ какъ совершился этотъ захватъ. Помню хорошо, что въ 1859 г., кажется 24 іюня, мы дѣти еще спали въ своей квартирѣ и были свободны отъ учебныхъ занятій. (Пишущій эти строки былъ ученикомъ богуславскаго духовнаго училища и жилъ въ монастырскихъ домахъ, предназначенныхъ для учителей и учениковъ училища). Вдругъ крикъ людей и ревъ скота насъ разбудили, и мы увидѣли истинно поражающую картину. Несмѣтная масса крестьянъ вокругъ монастырскихъ земель, сотни возовъ съ волами и лошадьми вступили на монастырскія поля и огороды. За монастыремъ на лугу стояли хозяйственныя постройки монастыря: домъ для рабочихъ съ большею кухнею, клуня для склада хлѣба, большіе сараи для коровъ, воловъ, телятъ, свиней и особо птичій дворъ. Вокругъ строеній по лугу надъ Росью была посѣяна пшеница, которая въ этомъ году удалась, какъ нельзя лучше; на горѣ за рощею былъ посѣянъ овесъ. И вотъ масса народа прибыла съ возами, волами, плугами; начался грабежъ монастырскаго имущества: одни косятъ пшеницу, овесъ (пшеница была еще зеленая), другіе забираютъ на возы скошенное и везутъ невѣдомо куда, третьи разбираютъ монастырскіе хозяйственные дома и строенія; все это мгновенно складывается на возы, вывозится; плугъ дѣлаетъ борозду, — отводитъ новую межу для монастырскихъ земель; на межѣ забиваютъ колья, рубятъ монастырскія деревья, которыя вышли за черту, однимъ словомъ—ловко и умѣлою рукою уничтожалось монастырское имущество, гибли безслѣдно труды послушниковъ и рабочихъ монастыря. Среди этой массы подневольныхъ истребителей монастырскаго добра, безпрерывно шныряли шустрые наѣздники-панки на графскихъ

быстроногихъ коняхъ, на бѣгу дѣлая распоряженія, давая приказанія, тогда какъ звѣзды большой величины засѣдали на главномъ дворѣ въ м. Богуславѣ, поминутно принимая донесенія о ходѣ варварской атаки. Замѣтно было, что работа эта подготовлена была давно, точно указано было, *кому*, *гдѣ* и *что дѣлать*, опредѣленно высчитано было *гдѣ* и *сколько* нужно было назначить крестьянъ, причемъ, гдѣ нужно было поставить двухъ-трехъ рабочихъ, ставилось десять, пятнадцать человѣкъ, чтобы смести все, свезти все въ одинъ день и не оставить слѣда монастырскаго имущества и потраченныхъ трудовъ.

Я, въ числѣ другихъ мальчиковъ, подбѣгалъ къ крестьянамъ, косившимъ пшеницу, слыхалъ, какъ оставшись наединѣ, они бранили своихъ пановъ, но время было крѣпостное, возражать нельзя было, и потому работали они дружно.

Къ вечеру не осталось и слѣда пшеницы, не осталось слѣда строеній на заднемъ монастырскомъ дворѣ; уничтожена была даже дорога, по которой изъ с. Хохотвы можно было ѣхать въ монастырь возлѣ полей. Такъ безжалостно, такъ несправедливо покончила экономія гр. Браницкихъ споръ съ Богуславскимъ монастыремъ за землю.

Игуменъ Ѳеодоръ во время разграбленія не показывался изъ келіи и только Богу молился. Можно представить себѣ, каково было нравственное состояніе этого энергичнаго, пылкаго и въ высшей степени справедливаго настоятеля въ этотъ злосчастный день. Намъ дѣтямъ вчужѣ до слезъ горько было видѣть это грозное нашествіе;—до слезъ было жаль и нашего смотрителя и монастырскаго добра. Глубоко возмущало это насиліе и насъ маленькихъ школьниковъ. Долго съ замираніемъ сердца мы смотрѣли на эти сцены; казалось, что еслибы только намъ позволили, мы бы мгновенно бросились на этихъ здоровенныхъ мужиковъ, въ особенности хотѣлось въ клочки разорвать командировъ-ляшковъ, поминутно показывавшихся и исчезавшихъ среди пятитысячной толпы работавшихъ крестьянъ. У всѣхъ насъ была одна мысль, всѣхъ давило одно чувство. „Пойдемъ не дадимъ“—сказалъ одинъ изъ насъ. „Тамъ въ канавѣ я собралъ большую кучу камней“, подхватилъ другой, и

мы бѣгомъ бросились въ канаву. Но лишь только мы наклонились къ кучѣ камней, какъ кто-то изъ насъ вспомнилъ: „А смотритель?“ Какъ будто стыдно стало намъ, что мы могли забыть такое важное слово, что такая простая мысль только теперь могла прійти намъ въ голову, когда карманы наши были наполнены камнями; всѣ мы казались опущенными въ воду, камни выпали изъ рукъ. Еще за минуту передъ тѣмъ, каждый изъ насъ представлялъ себя библейскимъ Давидомъ; еще за минуту каждый изъ насъ былъ убѣжденъ, что, попадая камнемъ въ голову „панка“ и мужика (непремѣнно въ самый лобъ, иначе „панокъ“ опять вскочитъ на коня, а мужикъ поднимется и опять станетъ косить пшеницу, разрушать клуню и проч.), онъ можетъ уложить на мѣстѣ полсотни человѣкъ, а насъ десять—пятнадцать человѣкъ (не важно, что намъ было отъ 10 до 16 лѣтъ), а потомъ, видя нашъ успѣхъ, выбѣгутъ товарищи: наконецъ выйдутъ эти большіе послушники монастырскіе. Теперь все рушилось предъ нами, все спуталось въ головѣ, вся картина исчезла. „Пойдемъ къ смотрителю, онъ позволитъ“—рѣшили мы, возбужденные, разгоряченные, прямо безъ доклада очутились въ пріемной строгаго, раздражительнаго, но всегда справедливаго смотрителя. Вышелъ онъ къ намъ въ своей неизмѣнной черной скуфейкѣ, подавленный, уничтоженный, смертельно блѣдный, блуждающимъ взоромъ обвелъ насъ, но даже не спросилъ: „что нужно?“ Мы сами рѣшились нарушить тягостное молчаніе: „Ваше высокопреподобіе! уже разрушаютъ клуню. Позвольте намъ; и Кудрицкій съ нами пойдетъ[1]) (безъ него таки страшно было); а тамъ за Росью много мѣщанъ,—они не боятся графа, какъ крестьяне, они за нами“ заговорили мы разомъ. Мы увѣрены были, что этотъ человѣкъ, почти незнавшій середины въ обращеніи съ нами, или обласкаетъ насъ и, конечно, позволитъ, или же сердито прогонитъ и даже подвергнетъ наказанію. Ничего подобнаго не случилось; помолчавъ съ минуту, какъ будто онѣмѣвъ отъ этого нравственнаго пораженія,

[1]) Кудрицкій—большого роста послушникъ, съ необыкновенно большими курчавыми волосами, которые никогда не были знакомы съ гребенкой; онъ—казалось—однимъ своимъ бычачьимъ голосомъ могъ разогнать толпу.

онъ наконецъ спокойно сказалъ: „нельзя идти; не позволю, Боже храни, Господь ихъ накажетъ, вдесятеро отниметъ; графа не станетъ, а монастырь останется. Ступайте по квартирамъ, а туда не показывайтесь“. Только теперь мы поняли все безуміе нашей затѣи и пошли заниматься своимъ дѣломъ.

Возобновлялъ ли свою жалобу игуменъ Ѳеодоръ на это насиліе, неизвѣстно. Но скоро онъ былъ удаленъ отъ должностей настоятеля монастыря и смотрителя училища. Послѣ него не было кому возражать, и погибло на вѣки дѣло монастыря о землѣ.

Тяжелый день 24 іюня, окончательное и насильственное разореніе монастыря и удаленіе отъ службы такъ сильно потрясли нравственную и честную душу игумена Ѳеодора, что онъ нѣсколько времени находился въ отдѣленіи душевно-больныхъ при Кіево-Кириловскихъ Богоугодныхъ заведеніяхъ, откуда бѣжалъ пѣшкомъ въ монастырь и затѣмъ высланъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь, черниговской г., гдѣ, находясь подъ сильнымъ надзоромъ, не переставалъ составлять проекты объ отнятіи монастырской земли; но всѣ его проекты, и даже по слухамъ сочиненіе „О монашествѣ“, представленное въ кіевскую духовную академію, были оставлены безъ вниманія, какъ произведенія душевно-больного человѣка. Игуменъ Ѳеодоръ умеръ въ 1889 г. въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ на 75 году жизни, какъ честный, справедливый, но забытый людьми человѣкъ. Въ 1860 годахъ богуславское имѣніе, доставшееся по раздѣлу внуку гетмана, графу Константину Браницкому, пріобрѣло удѣльное вѣдомство и купило въ границахъ, какія указалъ гр. Браницкій.

Разобразъ исторію монастырскаго спора за землю, невольно задаешься вопросомъ: дѣйствительно ли монастырь не имѣлъ права на 300 десятинъ земли и почему, если его дѣло было справедливо, онъ не выигралъ его въ судахъ. Здѣсь прежде всего нужно помнить, что гр. Браницкій былъ великая сила, самъ по себѣ, что велѣніямъ его самого и его управляющихъ всѣ власти подчинялись безъ разсужденій, слѣдовательно на сторонѣ гр. Браницкаго была сила, власть, безмолвная покорность служащихъ чиновниковъ, знаніе законовъ, а его повѣренные не брезгали и подлогами. Ничего по-

добнаго у монастырской братіи не было, и нужно только удивляться, какъ эта братія съ 1808 г. по 1860 г. вела такъ энергично дѣло за спорную землю съ такой силой, какъ гр. Браницкій. Изъ имѣющихся при монастырѣ копій этого спорнаго дѣла видно, что митрополиты Евгеній и Филаретъ интересовались судьбою этого дѣла, даже Святѣйшій Синодъ требовалъ свѣдѣній о положеніи дѣла, но „поперекъ дороги, какъ писалъ игуменъ Ѳеодоръ, стояли секретари консисторіи, которыхъ можно было администраціи гр. Браницкаго подкупить". По моему личному мнѣнію, дѣлу вредилъ также и самъ игуменъ Ѳеодоръ своею горячностью и своими писаніями. Никому не довѣряя, онъ самъ сочинялъ и писалъ всѣ нужныя по дѣлу бумаги. Онъ, какъ педагогъ, по тому времени былъ хорошъ, но какъ юристъ— совсѣмъ плохъ. Прочитавъ массу его прошеній, писанныхъ лично и поданныхъ въ разныя судебныя и административныя учрежденія, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ памяти его, какъ наставника, я долженъ однако сказать, что ничего не понимаю въ нихъ. Каждое прошеніе его, на 10 или болѣе листахъ, наполнено постоянными повтореніями, придирками къ словамъ, но дѣла нѣтъ. Прочитавъ такое прошеніе, нельзя понять, „чего онъ хочетъ и о чемъ проситъ". Если такое прошеніе поступало къ митрополиту, невольно приходилось терять терпѣніе при чтеніи его и черезъ это погибало дѣло. Справедливость-же была на сторонѣ монастыря: разъ монастырь владѣлъ тѣми землями два столѣтія по документамъ, а съ 1787 г. безъ документовъ по случаю пожара, кто же могъ отнять ту землю отъ монастыря? Затѣмъ, указъ Сената 1822 г. вполнѣ узаконилъ за монастыремъ это право. Извращеніе смысла рѣшенія Сената кіевскимъ главнымъ судомъ, умышленный пропускъ существенныхъ словъ рѣшенія и непередача всего дѣла о спорной землѣ въ кіевское губернское правленіе для исполненія можно было бы легко доказать и на этомъ основать свое право, но нужно было въ данномъ случаѣ дѣйствовать опытнымъ юристамъ, а не многоглаголивымъ игуменамъ, хотя-бы и исполненнымъ самыхъ лучшихъ стремленій.

П. Клебановскій.

БѢЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ.

Въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за прошлый 1891 годъ была помѣщена весьма интересная замѣтка г. Падалки: „Каменный затонъ и Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ“ (стр. 361—383). Въ концѣ этой замѣтки авторъ ея совершенно справедливо называетъ „остатки старины въ окрестностяхъ Каменнаго затона и Бѣлаго озера“ *замѣчательными*, прибавляя при этомъ, что „вѣское слово о нихъ можетъ сказать только спеціалистъ-археологъ“. Я не „спеціалистъ-археологъ“ и не имѣю въ виду сказать „вѣскаго слова“ объ этихъ остаткахъ, но тѣмъ не менѣе думаю, что всякое новое слово о нихъ крайне желательно, такъ какъ остатки эти дѣйствительно представляютъ глубокій интересъ какъ для археологическихъ, такъ и для историко-географическихъ изысканій. Въ виду этого, я и рѣшаюсь, въ дополненіе къ замѣткѣ г. Падалки, сообщить тѣ свѣдѣнія о Бѣлозерскомъ городищѣ на Днѣпрѣ, которыя были добыты мною при личныхъ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ, а равно и при обработкѣ относящагося къ нему литературнаго матеріала. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду отдѣлять „остатки старины“ у Каменнаго затона отъ подобныхъ же остатковъ подъ с. Большой Знаменкой, такъ какъ считаю ихъ за остатки одного и того же весьма обширнаго поселенія, которое и называю *Бѣлозерскимъ городищемъ на Днѣпрѣ.*

Описываемое городище находится въ мѣстности, занятой такъ называемыми *кучугурами* или холмами сыпучаго песка, лежащими при Бѣломъ озерѣ или Бѣлозерскомъ лиманѣ, на

лѣвомъ берегу Днѣпра, немного ниже м. Никополя, въ предѣлахъ мелитопольскаго уѣзда, таврической губерніи. По окраинамъ этихъ Бѣлозерскихъ кучугуръ лежатъ два огромныхъ села: Большая и Малая Знаменка, изъ коихъ послѣднее гораздо чаще называется Каменкой. Мое личное знакомство съ Бѣлозерскимъ городищемъ относится къ лѣту 1888 года, когда я имѣлъ случай провести нѣкоторое время въ с. Каменкѣ. Въ первое время моего пребыванія въ названномъ селѣ я занимался исключительно только геологическими изслѣдованіями его окрестностей, но затѣмъ, благодаря знакомству съ мѣстнымъ народнымъ учителемъ, Д. Я. Сердюковымъ, и нѣкоторымъ его указаніямъ, я обратилъ также свое вниманіе и на описываемое городище, которое и постарался изучить съ возможно большею подробностью.

Мѣстность, гдѣ расположено Бѣлозерское городище, представляетъ довольно своеобразныя орографическія особенности, имѣвшія, повидимому, немаловажное значеніе въ его исторической судьбѣ. Съ юга къ ней подходитъ открытая степь, къ долинѣ Днѣпра обрывающаяся рѣзко выраженнымъ уступомъ, средняя высота котораго надъ уровнемъ моря достигаетъ 85 метровъ, хотя непосредственно къ югу отъ Бѣлозерскаго городища она не превышаетъ 70 метровъ. Уступъ этотъ, сложенный изъ породъ третичнаго возраста, прикрытыхъ значительными толщами лёса, представляетъ *древній* берегъ днѣпровской долины и идетъ отъ с. Балокъ мимо с. Днѣпровки къ с. Большой Знаменкѣ.

Между этимъ уступомъ и заливной долиной Днѣпра разстилается довольно обширная равнина въ видѣ надлуговой террасы, возвышающейся метровъ на 10—12 надъ среднимъ уровнемъ Днѣпра. Къ югу, въ сторону только-что упомянутаго уступа, описываемая терраса нѣсколько понижена и на ея поверхности замѣчается здѣсь рядъ углубленій, извѣстныхъ подъ именемъ *падовъ*, отчего, вѣроятно, и с. Днѣпровка часто называется Падовкой. Въ геологическомъ строеніи этой террасы, какъ это слѣдуетъ изъ моихъ личныхъ изслѣдованій и изъ болѣе детальныхъ изслѣдованій петербургскаго геолога, Н. Соколова, принимаютъ участіе по преимуществу песчанистыя по-

роды, каковы, напримѣръ, лёссовидный сильно песчаный суглинокъ, глинистый песокъ, чистый кварцевый песокъ и т. п. Всѣ эти породы, прикрытыя сверху сильно песчанистымъ черноземомъ толщиною до 0,5 метра, принадлежатъ къ *древнимъ* рѣчнымъ отложеніямъ Днѣпра, при чемъ теперешнее, сравнительно высокое положеніе ихъ надъ ея среднимъ уровнемъ указываетъ на то, что во время ихъ образованія, т. е. приблизительно въ началѣ послѣтретичнаго періода, уровень Днѣпра былъ нѣсколько выше, чѣмъ теперь. Сверхъ этого, по словамъ Н. Соколова [1]), существуютъ нѣкоторыя данныя, заставляющія предполагать, что вслѣдъ затѣмъ уровень Днѣпра опустился ниже уровня настоящаго времени, чѣмъ и объясняется, между прочимъ, образованіе значительныхъ озеровидныхъ расширеній или лимановъ въ устьяхъ балокъ, впадающихъ въ Днѣпръ, напримѣръ, Бѣлозерскаго, Рогачинскаго и др. Изъ числа этихъ лимановъ наибольшее значеніе имѣетъ для насъ лиманъ Бѣлозерскій, лежащій въ предѣлахъ описываемой террасы и представляющій довольно обширный водоемъ длиною въ 8 и шириною до 5 верстъ. Лиманъ этотъ составляетъ расширенную часть устья Бѣлозерской балки. Берега его не высоки, но по большей части обрывисты, особенно сѣверо-восточный. Глубина его незначительна и не превышаетъ 2,5 аршинъ, но при всемъ томъ онъ отличается необыкновеннымъ обиліемъ рыбы, которая вылавливается изъ него съ незапамятныхъ временъ.

Съ сѣвера вся вышеописанная надлуговая терраса омывается р. Конкою и притоками Днѣпра, извѣстными здѣсь также подъ названіемъ Конокъ. За ними лежитъ уже заливная долина Днѣпра, покрытая чрезвычайно запутанной сѣтью его рукавовъ, протоковъ и множествомъ озеръ. Долина эта называется обыкновенно *Днѣпровскими плавнями*. Поверхность ея возвышается не болѣе 1,5—2 метровъ надъ среднимъ уровнемъ Днѣпра, благодаря чему всѣ плавни сплошь покрываются водою во время весенняго половодія, образуя при этомъ обширное озеро ши-

[1]) „Общая геолог. карта Россіи". Листъ 48. Труды Геолог. Комитета, т. IX. № 1, Спб., 1889 г., стр. 187.

риною до 20, а длиною въ нѣсколько десятковъ верстъ. Вся эта долина заполнена *новѣйшими* рѣчными или, такъ называемыми, аллювіальными отложеніями, характеръ которыхъ чрезвычайно разнообразенъ. По словамъ Н. Соколова, здѣсь можно встрѣтить всевозможные переходы „отъ почти чистаго кварцеваго песка, нерѣдко довольно крупнаго, отлагающагося по преимуществу въ главномъ руслѣ рѣки и въ протокахъ съ болѣе сильнымъ теченіемъ, до тончайшаго ила, состоящаго изъ мельчайшаго песка и глины, съ болѣе или менѣе значительною примѣсью органическихъ остатковъ, отлагающагося въ плёсахъ, затонахъ и старыхъ рукавахъ съ ослабѣвшимъ теченіемъ (назыв. здѣсь „рѣчищами“)“ [1]). На всемъ обширномъ пространствѣ, занятомъ зализною долиною Днѣпра, встрѣчается довольно богатая древесная, луговая и болотная растительность, которая въ древности несомнѣнно была еще болѣе богатой, на что, между прочимъ, указываютъ весьма обильныя торфовидныя скопленія растительныхъ остатковъ, нерѣдко встрѣчающіяся въ аллювіальныхъ отложеніяхъ Днѣпровскихъ плавней. Въ области, занятой ими, у с. Малой Знаменки (Каменки), въ устьи одной изъ многочисленныхъ Конокъ также находится довольно значительное расширеніе или затонъ, извѣстный подъ именемъ *Каменнаго затона*. Затонъ этотъ, чрезвычайно удобный для стоянки судовъ, составляетъ совершенно естественное расширеніе одного изъ прежнихъ протоковъ Днѣпра, при чемъ въ настоящее время верхняя часть этого протока почти совершенно засорена и представляетъ только сравнительно ничтожную „течію“. Объ искусственномъ происхожденіи Каменнаго затона не можетъ быть и рѣчи. Что же касается его названія, то оно несомнѣнно произошло отъ того, что въ устьи его существуютъ довольно мощные выходы различныхъ кристаллическихъ каменныхъ породъ, образующихъ выступы въ видѣ сплошныхъ каменистыхъ массъ, рѣзко отличающихся отъ развитыхъ по сосѣдству съ ними рыхлыхъ и даже сыпучихъ породъ новѣйшаго происхожденія.

---

[1]) Ibid. стр. 183.

Итакъ, идя съ юга, мы имѣемъ въ описываемой мѣстности три послѣдовательныхъ уступа, образованныхъ открытою степью, надлуговою террасою и заливною долиною Днѣпра. Своимъ происхожденіемъ всѣ они обязаны размывающей и намывающей дѣятельности днѣпровскихъ водъ. Что же касается времени ихъ возникновенія, то, въ геологическомъ отношеніи, оно должно быть пріурочено къ эпохамъ новѣйшимъ или такъ называемымъ послѣтретичнымъ, но, въ отношеніи исторической хронологіи, оно несомнѣнно выходитъ изъ ея предѣловъ. Другими словами, уже въ доисторическую эпоху, ко времени возникновенія здѣсь человѣческой осѣдлости, вполнѣ опредѣлились всѣ тѣ физико-географическія особенности, какими характеризуется описываемая мѣстность въ настоящее время, за исключеніемъ развѣ только кучугуръ, которыя, какъ мы увидимъ ниже, образовались сравнительно недавно, т. е. уже въ историческое время. Такимъ образомъ, и тогда уже существовала маловодная и неудобозаселяемая открытая степь, а также—многоводные и почти необитаемые днѣпровскіе плавни. Слѣдовательно, и тогда уже, какъ и теперь, наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для устройства осѣдлаго поселенія являлась здѣсь вышеуказанная надлуговая терраса и особенно тѣ части ея, которыя всего ближе подходятъ къ Днѣпру.

Ближайшее изслѣдованіе мѣстности дѣйствительно убѣждаетъ насъ, что нѣкогда здѣсь существовало обширное человѣческое поселеніе. Но прежде чѣмъ говорить о немъ, я остановлюсь еще на одной весьма характерной особенности описываемой мѣстности, выражающейся въ громадныхъ скопленіяхъ дюннаго сыпучаго песка. Наиболѣе обширное изъ такихъ скопленій находится между с. Ивановскимъ и с. Водянымъ, гдѣ сыпучіе пески занимаютъ площадь болѣе 60 квадр. верстъ (или слишкомъ 6,200 десятинъ). Общій характеръ мѣстности, занятой этими песками и называемой здѣсь кучугурами, холмистый, при чемъ отдѣльные песчаные холмы поднимаются до высоты 4—6 метровъ, рѣдко болѣе. Преобладающая форма этихъ холмовъ удлиненная, изрѣдка дугообразная или подкововидная. При удлиненной формѣ, песчаные холмы чаще всего

бываютъ вытянуты съ востока на западъ, сообразно направленію господствующихъ здѣсь восточныхъ вѣтровъ. Вслѣдствіе этой-же причины, болѣе крутые склоны ихъ по большей части обращены къ западу. На всемъ своемъ протяженіи кучугуры состоятъ изъ желтовато-бѣлаго, хорошо отвѣяннаго, почти чистаго кварцеваго и довольно мелкаго песка. Матеріаломъ, изъ котораго образовались и понынѣ образуются кучугуры, служатъ сильно песчанистые лёссовидные суглинки и древніе рѣчные слоистые пески, изъ которыхъ, какъ мы видѣли выше, и состоитъ вся вторая или надлуговая терраса, а также и новѣйшія песчаныя отложенія заливной долины Днѣпра. Будучи лишаемы своего естественнаго растительнаго покрова, эти рыхлыя, сильно песчанистыя породы легко разрушаются вѣтромъ, отвѣивающимъ изъ нихъ песокъ, который и скопляется затѣмъ въ видѣ характерныхъ холмовъ по пути господствующихъ здѣсь вѣтровъ. Подъ вліяніемъ этихъ вѣтровъ происходитъ постоянное передвиженіе песковъ къ западу и юго-западу, почему въ настоящее время они представляютъ весьма серьезную опасность для с. Водяного и с. Днѣпровки, угодья и пашни которыхъ ежегодно все больше и больше заносятся сыпучимъ пескомъ. Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что кучугуры представляютъ собою не искуственныя, а вполнѣ естественныя образованія и что, по времени своего возникновенія, они принадлежатъ къ новѣйшимъ образованіямъ, т. к. есть полное основаніе думать, что они возникли уже въ историческую эпоху, когда, при участіи человѣка, мало по малу былъ разрушенъ тотъ растительный слой, который представлялъ надежный естественный покровъ для развитыхъ здѣсь рыхлыхъ песчаныхъ отложеній. Весьма возможно даже, что въ описываемой мѣстности въ болѣе древнія времена была развита болѣе обильная древесная растительность, присутствіе которой, конечно, сильно мѣшало развѣиванію почвы и выдуванію изъ нея песка. Въ настоящее время въ кучугурахъ встрѣчается лишь крайне жалкая растительность и только въ послѣдніе годы здѣсь стали производить усиленныя посадки шелюги (Salix acutifolia), заросли которой значительно способствуютъ укрѣпленію песковъ. Совершенно

подобный же характеръ и подобныя же условія образованія представляютъ кучугуры между с. Малою Знаменкою (Каменкой) и с. Большею Знаменкою. Эти кучугуры съ большимъ удобствомъ можно назвать *Бѣлозерскими*, т. к. они непосредственно подходятъ къ Бѣлозерскому лиману. Площадь, занятая ими, составляетъ 620 десятинъ. Съ сѣвера они омываются Днѣпромъ, съ востока и запада р.р. Конками, съ юга Бѣлозерскимъ лиманомъ, а съ юго-востока къ нимъ прилегаетъ с. Каменка. Поверхность ихъ холмиста и въ настоящее время значительно укрѣплена обширными зарослями шелюги. Тѣмъ не менѣе въ углубленіяхъ между отдѣльными холмами или въ такъ называемыхъ „котловинахъ выдуванія“ вѣтеръ не прекращаетъ своей работы, мало-по-малу обнажая глубже лежащіе слои. При такой работѣ вѣтра, здѣсь легко обнаруживается, повидимому, вполнѣ опредѣленный подпочвенный горизонтъ, заключающій въ себѣ множество культурныхъ остатковъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о существованіи на этомъ мѣстѣ обширнаго человѣческаго поселенія и впослѣдствіи занесенныхъ кучугурами. Именно эти-то остатки древняго поселенія я и называю *Бѣлозерскимъ городищемъ*.

На всемъ протяженіи вышеописанной надлуговой террасы трудно указать болѣе удобное и лучшее мѣсто для поселенія, чѣмъ то которое занято Бѣлозерскимъ городищемъ. Близость къ Днѣпру обезпечивала за нимъ удобства сообщенія, а изолированность его положенія представляла несомнѣнную выгоду въ стратегическомъ отношеніи. Доступы къ нему были свободны отъ естественныхъ преградъ (лиманъ, протоки Днѣпра и крутые берега) только съ юго-востока, съ стороны с. Каменки, и съ юго-запада, со стороны с. Большой Знаменки, но за-то мы видимъ здѣсь сильныя искусственныя укрѣпленія въ видѣ валовъ и насыпей, которыя будутъ описаны ниже. Вся мѣстность, занятая Бѣлозерскимъ городищемъ, представляетъ столько весьма важныхъ практическихъ удобствъ, что она несомнѣнна былабы заселена первыми русскими поселенцами, появившимися здѣсь въ концѣ прошлаго столѣтія, если-бы этому не препятствовали скопленія сыпучаго песка въ видѣ кучугуръ, сдѣлав-

шихъ ее совершенно необитаемой. Итакъ, не на открытой степи, не на Днѣпровскихъ плавняхъ и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ надлуговой террасы, а только здѣсь могла возникнуть прочная и удобная человѣческая осѣдлость, съ остатками которой мы теперь и имѣемъ дѣло въ Бѣлозерскомъ городищѣ.

Если не считать старинныхъ указаній на существованіе этого городища, разсѣянныхъ въ „Запискахъ“ Эриха Лассоты, въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ и т. п., то болѣе обстоятельное описаніе его мы въ первый разъ встрѣчаемъ у Г. И. Спасскаго въ его примѣчаніяхъ на „Книгу, глаголемую Большой Чертежъ“ [1]). Однако, данное имъ описаніе Бѣлозерскаго городища все-таки крайне поверхностно и заключаетъ въ себѣ лишь немногія существенныя указанія. Съ несравненно большею обстоятельностью Бѣлозерское городище было описано графомъ А. Уваровымъ, который на основаніи нѣкоторыхъ весьма остроумныхъ наведеній готовъ считать его за остатки древняго греческаго поселенія на Борисѳенѣ, города Серимона [2]). Нѣсколько позднѣе, его описываетъ также А. Терещенко, который, опровергая мнѣніе о нахожденіи здѣсь Гераса, склоненъ видѣть въ Бѣлозерскомъ городищѣ остатки татарскаго поселенія [3]). Затѣмъ, у Н. Вертильяка мы встрѣчаемъ описаніе той части этого городища, которая лежитъ у с. Большой Знаменки, по лѣвой сторонѣ протока изъ Бѣлозерскаго лимана [4]). А. Чирковъ въ своемъ очеркѣ днѣпровскихъ городищъ только упоминаетъ о Бѣлозерскомъ городищѣ, обѣщая при этомъ дать впослѣдствіи особое описаніе его [5]). Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ сообщаетъ также проф. Ф. К. Брунъ, кото-

---

[1]) „Книга, глаголемая Большой Чертежъ“. Изд. по порученію Имп. общ. ист. и др. россійскихъ Г. И. Спасскимъ. М., 1846 г., примѣч. 129, стр. 260.

[2]) „Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря“. СПБ., 1851—56 г., выпускъ I, стр. 20—30 и табл. V и VI.

[3]) „Очерки Новороссійскаго края“. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. LXXIX, 1853 г., стр. 31—34.

[4]) „Описаніе Бѣлозерскаго городка“. Зап. одес. общ. ист. и древн. т. IV, 1858 г., стр. 143.

[5]) „Краткій очеркъ городищъ, находящихся по Днѣпру и его лиману“. Зап. одес. общ. ист. и древн. т. VI, стр. 550.

рый, вопреки мнѣнію графа А. Уварова, хотя и считаетъ его тоже за остатки греческаго города, но только не Серимона (Serimum), а Сорона (Sarum), бывшаго, по Птоломею, четвертымъ городомъ, считая отъ устья Борисѳена [1]). Наконецъ, послѣднее указаніе на Бѣлозерское городище мы находимъ въ замѣткѣ г. Падалки, давшей поводъ и мнѣ коснуться того-же предмета. Изъ вышеизложеннаго нетрудно видить, что Бѣлозерское городище, несмотря на то, что оно было давнымъ-давно извѣстно археологамъ, до сихъ поръ еще не привлекло къ себѣ ихъ достаточнаго вниманія и не было подвергнуто ими систематическому изученію, котораго оно вполнѣ заслуживаетъ, какъ по своей обширности, такъ и по тѣмъ находкамъ, какія издавна дѣлаются въ немъ мѣстнымъ населеніемъ.

Расхищеніе культурныхъ остатковъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ систематически производится уже болѣе ста лѣтъ. Такъ, еще въ 1772 году новороссійскій губернаторъ Чертковъ въ письмѣ къ запорожскому кошу отъ 30 ноября писалъ слѣдующее: „Близь Александровской и Никитинской, на пространствѣ 30 верстъ, между рѣками Кучугумомъ и Конскою, по направленію къ Великимъ пескамъ, найдены солдатами, на работахъ бывшими, скрытыя въ землѣ женой кирпичъ и известь, тесаный и плитный камень и въ одномъ курганѣ найдены мраморомъ выложенные покои, оставленные тамъ прежде бывшими татарами и другими народами; то дабы скорѣе окончить постройку днѣпровскихъ крѣпостей, прошу не только *не воспрещать* выбирать найденные уже матеріалы, столь драгоцѣнные въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, *но еще поощрять* отысканіе другихъ такихъ ямъ, за что предлагаю въ награду по 5 руб. за кирпичный и по 10 руб. за известковый запасъ". Кошъ отвѣчалъ на это, что подобная работа давно уже извѣстна войску и назначена имъ на постройку въ Сѣчи каменной церкви, вмѣсто деревянной [2]). По словамъ Г. И. Спасскаго, въ Бѣлозерскомъ

[1]) „Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ". Древности Геродотовой Скиѳіи, СПБ., вып. II, 1872 г., стр. LXXVII—LXXX.

[2]) „Исторія Новой Сѣчи". Скальковскаго, Одесса, 1846 г., стр. 129.

городищѣ „въ 1831 году, почти на самомъ высокомъ берегу Днѣпра, въ полусаженной глубинѣ, вырытъ изъ подъ песковъ каменный помостъ въ 15 саженъ длиною и 6 шириною и около аршина толщиною, состоявшій большею частью изъ тесаныхъ камней, и нѣсколько, также сооруженныхъ изъ камня и кирпича, поваренныхъ печей (?), можетъ быть служившихъ и для обжиганія приготовлявшейся глиняной посуды, чего теперь не утвердить, ни отвергнуть нельзя, потому что все это *разрушено* и употреблено окрестными жителями въ строенія, равно какъ и прежде того открытые фундаменты и другіе остатки бывшихъ нѣкогда зданій“ [1]). И до сихъ поръ жители с. Каменки и с. Большой Знаменки пользуются изъ Бѣлозерскаго городища строительными матеріалами, какъ они сами говорили мнѣ объ этомъ. Точно также здѣсь ежегодно дѣлаются находки монетъ и различныхъ вещей, да „безъ надобности“ на нихъ не обращаютъ никакого вниманія и обыкновенно отдаютъ ребятишкамъ для забавы. Единственное исключеніе дѣлается, конечно, для золотыхъ вещей, но онѣ попадаются сравнительно рѣдко. Тѣмъ не менѣе, и онѣ чаще всего безплодно ускользаютъ изъ рукъ спеціалистовъ. Такова, напримѣръ, находка, сдѣланная ребятишками въ день Спаса Преображенія въ 1845 г., когда въ одномъ песчаномъ бугрѣ были найдены разныя золотыя вещи, а именно: пуговицы, кольца, птички, выпуклыя изображенія головъ на золотыхъ пластинкахъ и т. п. Молва говоритъ, что находка эта составляла на вѣсу около $1^1/_2$ пуда [2]). Воспоминаніе о ней и до сихъ поръ еще живо въ средѣ мѣстнаго населенія. Однако, изо всей этой находки только нѣсколько вещицъ попало въ руки А. Терещенко; все же остальное безвозвратно погибло для науки въ рукахъ алчныхъ и невѣжественныхъ людей. Короче сказать, если теперь же не будутъ приняты серьезныя мѣры къ ограждению Бѣлозерскаго городища отъ расхищенія, то изъ него вскорѣ исчезнутъ и послѣдніе остатки старины, которые пока еще довольно многочисленны въ немъ.

---

[1]) „Книга, глаголемая Большой Чертежъ“, примѣч. 129.

[2]) „Очерки Новор. края“, стр. 32.

Разнообразные культурные остатки встрѣчаются здѣсь не только на пространствѣ, занятомъ кучугурами, но и внѣ ихъ какъ по направленію къ с. Большой Знаменкѣ, такъ и вплоть до огромнаго вала, проходящаго черезъ с. Каменку отъ берега рѣки Конки до Бѣлозерскаго лимана. Около Конки валъ этотъ въ настоящее время почти совершенно сгладился, но ближе къ лиману онъ ясно видѣнъ, особенно начиная съ ярмарочной площади. Повидимому, въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ былъ очень высокъ и ровъ его находился снаружи отъ городища, т. е. со степной стороны. Общее направленіе вала почти прямое съ сѣверо-востока на юго-западъ; только подходя къ лиману, онъ нѣсколько поворачиваетъ, направляясь перпендикулярно къ его берегу. Близь ярмарочной площади валъ въ одномъ мѣстѣ рѣзко прерывается и образуетъ узкій проѣздъ, который мѣстное населеніе называетъ „желѣзными воротами“. По словамъ старожиловъ, перерывъ этотъ существовалъ уже въ то время, когда мѣсто это стало заселяться первыми поселенцами изъ Россіи, т. е. въ концѣ прошлаго столѣтія. Культурные остатки древняго поселенія попадаются только на внутренней сторонѣ вала, т. е. по направленію къ кучугурамъ и въ самихъ кучугурахъ, но ихъ совершенно нѣтъ на сторонѣ его, обращенной къ степи.

Я не буду останавливаться на описаніи остатковъ земляныхъ укрѣпленій по лѣвому берегу протока изъ Бѣлозерскаго лимана, близь с. Большой Знаменки, такъ какъ они неоднократно были уже обстоятельно описаны, напримѣръ, г.г. Вертильякомъ, Падалкой и др. По поводу нихъ я повторю только, что я не считаю ихъ за остатки отдѣльнаго городища, такъ какъ, и по мѣсту своего нахожденія, и по характеру находимыхъ въ нихъ вещей, они тѣсно примыкаютъ къ городищу у Каменнаго затона, въ чемъ легко убѣдиться при внимательномъ изученіи описываемой мѣстности.

При тщательномъ обзорѣ всего пространства, въ предѣлахъ котораго находятъ древніе культурные остатки, я убѣдился, что всѣ они должны быть пріурочены къ вполнѣ опредѣленному подпочвенному горизонту, который въ видѣ ясно выраженнаго

зольнаго слоя мощностью до 1 аршина встрѣчается на всемъ этомъ пространствѣ, залегая или у самой поверхности почвы, или на нѣкоторой глубинѣ, достигающей мѣстами 2 аршинъ. Слой этотъ мало по мало разрушается вѣтромъ, который отвѣиваетъ отъ него песокъ, а всѣ болѣе тяжелыя вещи, заключающіяся въ немъ, остаются на мѣстѣ, при чемъ чаще всего это происходитъ въ углубленіяхъ между песчаными холмами или въ „котловинахъ выдуванія". Такимъ образомъ, вѣтеръ какъ-бы просѣиваетъ зольный культурный слой, результатомъ чего и является мѣстами массовое скопленіе заключающихся въ немъ предметовъ.

Въ мѣстахъ такого скопленія ихъ вся почва на протяженіи десятковъ и даже сотенъ квадратныхъ саженъ, буквально завалена битою черепицею и обломками глиняныхъ амфоръ, отъ которыхъ чаще всего попадаются ручки и съуженныя книзу днища. Кромѣ этихъ обломковъ, здѣсь довольно часто находятъ бронзовыя стрѣлки различныхъ типовъ, стрѣлки изъ зубной эмали домашнихъ животныхъ, кремневыя стрѣлки, кости и зубы различныхъ животныхъ, куски ржаваго желѣза, бусы, черепки терракотовой посуды, черепки горшковъ чрезвычайно грубой работы съ примитивнымъ узоромъ, множество кусковъ сплавленной бронзы, обломки ножей съ бронзовыми рукоятками, обломки свинца, битое стекло и т. п. Изрѣдка попадаются золовыя вещицы и монеты, какъ на это указываютъ гг. Терещенко, Вертильякъ, Спасскій и графъ Уваровъ. Послѣдній подробно описываетъ ихъ, и на основаніи этого описанія мы должны признать ихъ за остатки греческой культуры. Къ числу характерныхъ находокъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ слѣдуетъ отнести также, повидимому, искусственныя громадныя скопленія гранитныхъ обломковъ. Мѣстами мнѣ лично приходилось наблюдать что такіе обломки гранита лежатъ плотно другъ около друга, образуя подобіе мостовой, какъ это хорошо можно видѣть, напримѣръ, за огородомъ Ѳомы Лещенко, около пристани на Днѣпрѣ. Здѣсь груды камня выступаютъ въ видѣ насыпи, имѣющей значительное протяженіе. Мы не знаемъ ни одного естественнаго агента, дѣйствіемъ котораго можно было бы объяснить

образованіе подобныхъ скопленій гранитныхъ обломковъ. Слѣдовательно, они могли возникнуть здѣсь только при участіи человѣка, который пользовался для своихъ строительныхъ цѣлей выходами гранита на берегу Каменнаго затона и строилъ изъ этого матеріала фундаменты зданій, мостовыя и т. п. Дѣйствительно, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ кучугурахъ встрѣчаются также остатки какихъ-то зданій, а также какія-то особыя сооруженія въ видѣ погребовъ. Весьма возможно, что послѣднія вовсе не погреба, а могильные склепы, такъ какъ въ нихъ нерѣдко находили кости людей и разнообразныя вещи. Такъ, по словамъ графа Уварова, недалеко отъ с. Каменки случайно была открыта могила, которая „внутри была обложена большими четырехугольными плитами изъ бѣлаго камня. Въ ней лежалъ человѣческій скелетъ, а вокругъ него были разбросаны золотыя украшенія, которыя, вѣроятно, пришиты были къ истлѣвшему платью“ [1]). Вообще, несмотря на безпощадное расхищеніе строительныхъ матеріаловъ, ихъ все еще весьма много въ Бѣлозерскомъ городищѣ, при чемъ особенно обильными они становятся въ тѣхъ частяхъ его, которыя всего ближе подходятъ къ Днѣпру или къ его протоку, р. Конкѣ. Наиболѣе часто остатки зданій встрѣчаются на землѣ Ѳомы Лещенко, гдѣ находятъ тонкіе квадратные кирпичи, бутовый камень, перегнившее дерево и т. п. Очевидно, что и прежде, какъ и теперь, мѣсто это было особенно привлекательно для человѣка, который пользовался имъ какъ удобною пристанью, для чего оно служитъ и въ настоящее время. Тутъ же неоднократно находили и цѣльныя амфоры нерѣдко весьма большихъ размѣровъ. Здѣсь же чаще всего попадаются и монеты, особенно послѣ весенняго половодья, когда находятъ ихъ въ тонкомъ слоѣ песка, покрывающемъ выходы кристаллическихъ породъ. Въ дополненіе къ вышеперечисленнымъ находкамъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ, я долженъ еще прибавить, что мною были найдены здѣсь остатки литейной мастерской, на существованіе которой указываетъ обильное скопленіе шлаковъ и въ

[1]) „Изслѣд. о древн. Юж. Россіи“. Стр. 22.

особенности присутствіе разрозненныхъ кусковъ болотной желѣзной руды.

Весьма многія изъ вышеуказанныхъ вещей были лично найдены мною въ Бѣлозерскомъ городищѣ въ 1888 году. Изъ этихъ вещей, а также изъ находки г. Сердюкова составилась небольшая коллекція, которая и передана мною въ даръ Императорскому Историческому Музею въ Москвѣ. Вещи эти до сихъ поръ еще остаются неописанными и не мнѣ, конечно, браться за это описаніе. Тѣмъ не менѣе, не могу не отмѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, какъ наиболѣе характерныя и имѣющія отношеніе къ послѣдующему изложенію. Такъ, изъ числа стрѣлокъ мы имѣемъ изъ Бѣлозерскаго городища стрѣлки кремневыя, стрѣлки изъ зубной эмали, стрѣлки бронзовыя и желѣзныя. Изъ посуды мною были найдены черепки съ одной стороны чрезвычайно грубой работы съ примитивнымъ орнаментомъ, а съ другой—черепки необыкновенно тонкой греческой работы. Что-же касается украшеній, то и здѣсь рядомъ съ бусами очень грубаго вкуса и работы попадаются такія изящныя издѣлія, какъ рельефныя изображенія на золотыхъ пластинкахъ, о которыхъ упоминаютъ гг. Терещенко, Спасскій, гр. Уваровъ и др., а также найденная мною весьма изящная металлическая овальная пластинка съ вогнутымъ изображеніемъ крылатой *Ники*. Если же ко всему этому прибавить находки греческихъ, римскихъ, татарскихъ и турецкихъ монетъ, то для насъ станетъ вполнѣ очевиднымъ, что въ Бѣлозерскомъ городищѣ мы имѣемъ смѣсь различныхъ культуръ, такъ сказать, археологическій конгломератъ, что еще болѣе возвышаетъ интересъ научнаго изученія этой мѣстности.

Мѣсто это, повидимому, давно уже было покинуто человѣкомъ, который оставилъ его, быть можетъ, подъ вліяніемъ необходимости отступить подъ напоромъ песковъ, постепенно заносившихъ его. По крайнѣй мѣрѣ, уже старинные путешественники свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о древнемъ городищѣ. Такое указаніе, между прочимъ, мы находимъ у Эриха Лассоты, путешествовавшаго къ запорожцамъ въ 1594 году. Запорожцы хорошо знали это городище, называвшееся у нихъ „Свя-

тымъ“ [1]), и, вѣроятно, съ ихъ словъ были записаны различныя свѣдѣнія о немъ, какія мы находимъ, напримѣръ, въ „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“. По словамъ А. А. Скальковскаго [2]), въ первой половинѣ прошлаго столѣтія противъ Микитина—рога (Никополя), на мѣстѣ теперешняго с. Каменки, существовало козачье поселеніе „с. Камянное“ или „Крымская Каменка“, названная „Крымской“ потому, что она была расположена на лѣвой, т. е. крымской стороны Днѣпра, по ногайски же это поселеніе называлось „Кременды — Базаръ“. Здѣсь на берегу Бѣлозерскаго лимана и далѣе вверхъ по Бѣлозерской балкѣ жили запорожцы отдѣльныии зимовками отчасти для рыболовства и охоты, а отчасти для содержанія мостовъ и переправы черезъ Днѣпръ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, живя по сосѣдству съ Бѣлозерскимъ городищемъ, запорожцы пытались такъ или иначе объяснить его происхожденіе. Объясненія эти носили, конечно, легендарный характеръ и, между прочимъ, одно изъ нихъ, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому, дошло и до нашего времени. Такъ, мнѣ лично, въ бытность мою въ с. Каменкѣ въ 1888 году, пришлось встрѣтиться съ девяностолѣтнимъ старикомъ, фамилія котораго Бутринъ, а народное прозвище „Юрза“. Къ сожалѣнію, онъ страдалъ глухотою, что крайне затрудняло разговоръ съ нимъ. На мой вопросъ: „не знаетъ-ли онъ чего-либо про старину этихъ мѣстъ?“—Юрза разсказалъ приблизительно слѣдующее:

„Извѣстное дѣло, давно это было,—еще при туреччинѣ. Жила за этимъ валомъ (мы какъ-разъ сидѣли на немъ), въ городкѣ, около Днѣпра, гречанка, Бѣлозорія по прозванію; у ней и постройка, и лавки всякія были, хорошо она жила! И вѣрыто она была христіанской. Только, вдругъ пришелъ со степи Мамай съ войскомъ, увидалъ городокъ Бѣлозоріи, узналъ про красоту ея и затѣялъ на ней жениться. Сталъ пословъ посылать, а та и слышать не хочетъ,—ужь дюжій-то нехристь Ма-

[1]) „Нѣсколько новыхъ документовъ о Запорожской сѣчи и ея земляхъ“. А Шмидта. Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. Т. IV, 1858 г., стр. 468.

[2]) „Поѣздка по запорожскимъ урочищамъ“. Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1846 года, XIII, стр. 66.

май былъ, а она, стало быть, какъ слѣдуетъ, крѣпко за христіанскую вѣру стояла. Сталъ тогда Мамай войной и силой своей грозить. Испугалась Бѣлозорія, видитъ не устоять ея городку противъ силы Мамаевой и пошла она на хитрость. Завела съ Мамаемъ переговоры, а сама начала корабли строить. Настроила кораблей, сколько было надо, сѣла на нихъ съ своимъ народомъ, снесла на нихъ все богатство свое, да и уплыла въ море по Днѣпру. А Мамай хоть и видѣлъ это, да сдѣлать ничего не могъ,—народъ-то его по корабельному дѣлу ничего не смыслитъ. Обозлился тогда Мамай и разорилъ со зла городокъ Бѣлозоріи. Оттого-то и находятъ въ кучугурахъ черепки, да камень и вещи разныя. Отъ Бѣлозоріи и лиманъ-то нашъ называется Бѣлозерскимъ, а отъ Мамая въ Большой Знаменкѣ рѣчку стали называть Мамасовкой".

Разсказъ Юрзы весьма близко совпадаетъ съ разсказомъ, записаннымъ у г. Вертильяка, а также въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ" съ тою только разницею, что у г. Вертильяка Бѣлозорія называется „Суркою". Имя это и теперь слышится въ названіяхъ нѣкоторыхъ окрестныхъ урочищъ. Такъ, на картѣ запорожскихъ урочищъ, приложенной къ вышецитированной замѣткѣ г. Шмидта, окрестныя возвышенности названы „Мама-Сура", и рѣчка въ с. Большой Знаменкѣ тоже „Мама-Сура", Юрза же назвалъ ее „Мамасовкой". Объясненіе происхожденія этого названія мы находимъ у г. Скальковскаго [1]). Изслѣдованія, произведенныя имъ на мѣстѣ, убѣдили его въ томъ, что „Мама-Сура" было козачье поселеніе на крымской сторонѣ, при устьѣ рѣчки, впадающей въ Днѣпръ немного ниже Бѣлозерки, которая по-татарски называлась „Мамай-су". Близь этой рѣчки, Мамайки или Мамасовки (въ разсказѣ Юрзы) есть довольно высокая гора—„Мамай-Дагъ" (Мама-Сура). Названіе же „Мамай-су" присвоено Бѣлозерской балкѣ, вѣроятно потому, что на ней издавна были расположены аулы нагайскихъ мурзъ Мамайскаго рода. Впослѣдствіе же названіе это было исковеркано запорожцами на свой ладъ и обратилось въ „Мамай-Сурка" или „Мамай-Сура".

[1]) „Поѣздка по запорожскимъ урочищамъ". Стр. 66.

Весьма характернымъ въ разсказѣ Юрзы является то обстоятельство, что Бѣлозорія была „гречанка". Очевидно, и народъ ея былъ также греческаго происхожденія. Не есть-ли это отголосокъ еще болѣе древнихъ сказаній о Бѣлозерскомъ городищѣ, въ которыхъ болѣе точно опредѣлялась національность его прежнихъ обитателей? На древность ихъ указываетъ также и сказаніе, записанное въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ", гдѣ Бѣлозерское городище прямо пріурочивается къ „славному старинному городу", который „былъ построенъ отъ древняго нѣмецкаго народа ѳранковъ, которые въ то время тутъ жили, а потомъ оный народъ вышелъ въ нѣмецкую землю". Затѣмъ, какъ въ этомъ сказаніи, такъ и въ разсказѣ Юрзы, Мамай и татары являются уже болѣе поздними пришельцами—разорителями, а потому я думаю, что они никогда и не жили здѣсь осѣдлою жизнью. Слѣдовательно, имъ и нельзя приписывать болѣе грубые остатки, находимые въ Бѣлозерскомъ городищѣ, какъ это дѣлаетъ графъ Уваровъ, который прямо говоритъ [1]), что на развалинахъ болѣе древняго города здѣсь поселились татары. Еще опредѣленнѣе въ этомъ смыслѣ выражается г. Терещенко, который на основаніи находки въ Бѣлозерскомъ городищѣ татарскихъ монетъ и „внимательнаго обозрѣнія" этой мѣстности „убѣдился, что здѣсь было городище татарское" [2]). Позволю себѣ замѣтить на это, что даже самое „внимательное обозрѣніе" этой мѣстности не даетъ ровно никакихъ указаній относительно національности древнихъ обитателей его. Что же касается татарскихъ монетъ, то ихъ присутствіе среди культурныхъ остатковъ Бѣлозерскаго городища, конечно, даетъ нѣкоторое указаніе на пребываніе здѣсь татаръ, но отнюдь не доказываетъ, чтобы они имѣли на мѣстѣ Бѣлозерскаго городища постоянную осѣдлость. По всей вѣроятности, пребываніе ихъ здѣсь было временное. Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что у Каменнаго затона издавна существовала переправа съ одного берега Днѣпра на другой. Гораздо болѣе убѣдительны указанія графа Уварова

---

[1]) „Изслѣд. о др. Юж. Россіи". В. I, стр. 21 и 26.

[2]) „Очерки Новор. края". Ж. М. Н. Пр., ч. LXXIX, 1853 г., стр. 34.

на грубый характеръ работы и отдѣлки черепковъ посуды, которая встрѣчается въ Бѣлозерскомъ городищѣ рядомъ съ черепками изящной посуды несомнѣнно греческаго происхожденія. Но грубость этой посуды еще ничего не говоритъ за принадлежность ея татарамъ, а указываетъ только на то, что посуда эта принадлежала какому то народу, стоявшему на довольно низкой ступени развитія, который жилъ здѣсь или одновременно съ народомъ болѣе культурнымъ, т. е. греками, или же заселялъ это мѣсто въ эпоху болѣе раннюю. Кремневыя стрѣлки и стрѣлки изъ зубной эмали, которыя мнѣ удалось найти въ Бѣлозерскомъ городищѣ и которыхъ графъ Уваровъ, очевидно, не зналъ для этой мѣстности, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло вовсе не съ татарами, а съ какимъ то народомъ, культура котораго была очень низкой. Все это заставляетъ насъ признать, что предметы болѣе низкой культуры, находимые въ Бѣлозерскомъ городищѣ, вовсе не татарскаго происхожденія и что древность ихъ заходитъ гораздо дальше эпохи татарскаго нашествія, ко времени котораго древнее поселеніе, бывшее на мѣстѣ этого городища, было уже, вѣроятно, разрушено и занесено пескомъ.

Что же касается археологическаго значенія болѣе культурныхъ остатковъ Бѣлозерскаго городища, въ числѣ которыхъ преобладающую роль играютъ вещи несомнѣнно греческаго происхожденія, то подобный анализъ этихъ находокъ и въ особенности монетъ заставилъ графа Уварова признать, что на мѣстѣ этого городища процвѣталъ нѣкогда греческій городъ, время существованія котораго онъ полагаетъ между VI или V столѣтіями до Р. Х. и II столѣтіемъ послѣ Р. Х. По словамъ графа Уварова, найденныя здѣсь „монеты занесены были на берега Борисѳена, вѣроятно, торговлею и доказываютъ намъ, что существовавшій тутъ городъ былъ въ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми главнѣйшими поселеніями береговъ Понта Евксинскаго, т. е. съ Ольвіей, Пантикапеей, Херсонисомъ и Истромъ. Впослѣдствіи, когда въ торговлѣ, подъ вліяніемъ римскаго владычества, распространились монеты императорскія, то, вѣроятно, посредствомъ тѣхъ же сношеній, дошли онѣ и до бе-

реговъ Днѣпра. Положеніе греческаго города на самомъ Борисѳенѣ было весьма полезно для грековъ въ отношеніи торговли. Онъ служилъ мѣстомъ соединенія торговли южной съ торговлею сѣвера. Греческіе купцы, по преимуществу, вѣроятно, ольвійскіе, привозили сюда свои товары; они или мѣняли ихъ на произведенія скиѳскія, или продавали ихъ скиѳамъ. Греки умѣли выбрать мѣсто для учрежденія города. Они поселились на томъ мѣстѣ, до котораго судоходство по Борисѳену было безопасно и имъ извѣстно. Съ юга и съ запада они были отчасти окружены лѣсами, отчасти полями; однимъ словомъ, они имѣли тутъ всѣ удобства жизни. Это мѣсто и доселѣ еще такъ удобно для торговли и до такой степени лежитъ на самомъ пути между югомъ и сѣверомъ, что и теперь тутъ пролегаетъ дорога изъ Крыма въ Россію“ [1]). Нельзя не согласиться, что всѣ эти соображенія графа Уварова весьма правдоподобны и что внѣшнія удобства этой мѣстности даже и теперь дѣлаютъ ее чрезвычайно пригодной для торговли, благодаря чему всѣ окрестныя селенія лѣваго берега Днѣпра замѣтно тяготѣютъ къ естественной и удобной пристани, расположенной въ Каменномъ затонѣ, откуда ежегодно сплавляются милліоны пудовъ хлѣба въ черноморскіе порты. Въ виду всего этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что Бѣлозерское городище, которое графъ Уваровъ считаетъ за остатки греческаго города Серимона (Serimum—Σέριμον), нѣкогда представляло собой греческую факторію, составлявшую одинъ изъ крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ греческихъ поселеній по Борисѳену и расположенную почти на рубежѣ тогдашняго цивилизованнаго міра.

Рядомъ съ этимъ, однако, весьма возможно также допустить, что Бѣлозерское городище представляетъ собою остатки не греческаго, а какого либо скиѳскаго поселенія, куда такъ или иначе находили себѣ доступъ вещи греческой работы, а также и монеты, но я, какъ не спеціалистъ, не рѣшаюсь взяться за рѣшеніе этого вопроса, хотя и думаю, что такое предположеніе мало вѣроятно. Едва-ли не единственнымъ указаніемъ въ

[1]) „Изслѣд. о древн. Южн. Россіи“. В. I, стр. 26—27.

пользу его правдоподобности могло-бы служить присутствіе въ Бѣлозерскомъ городищѣ рядомъ съ многочисленными остатками греческой культуры такихъ грубыхъ вещей, какъ кремневыя стрѣлки или черепки посуды весьма примитивной работы. Однако, присутствіе подобныхъ вещей можетъ быть одинаково хорошо объяснено какъ при томъ предположеніи, что нѣкогда существовавшее здѣсь поселеніе было исключительно скиѳское, такъ и принимая Бѣлозерское городище за остатки одного изъ греческихъ городовъ, съ которымъ скиѳы несомнѣнно находились въ постоянныхъ и весьма дѣятельныхъ сношеніяхъ. При этомъ, конечно, между ними могли быть и такія племена, которыя стояли на весьма низкихъ ступеняхъ культуры. Эти-то послѣднія, посѣщая для торговыхъ или какихъ-либо иныхъ цѣлей греческую факторію, и могли занести въ нее въ большемъ или меньшемъ количествѣ предметы своего незатѣйливаго домашняго обихода, остатки которыхъ мы находимъ теперь ряд мъ съ остатками греческой культуры.

Такимъ образомъ, значеніе болѣе грубыхъ вещей, находимыхъ въ Бѣлозерскомъ городищѣ, остается крайне неяснымъ. При этомъ необходимо еще замѣтить, что лично я не могу утверждать, встрѣчаются-ли оба рода остатковъ въ одномъ и томъ-же культурномъ горизонтѣ, или же вещи болѣе грубой работы залегаютъ нѣсколько глубже вещей греческаго происхожденія. Разъясненіе этой подробности составляетъ уже предметъ болѣе спеціальныхъ изслѣдованій на мѣстѣ, которыя и покажутъ намъ, представляютъ-ли остатки греческой осѣдлости въ Бѣлозерскомъ городицѣ первоначальное человѣческое поселеніе на этомъ мѣстѣ, или же ему предшествовало болѣе древнее поселеніе, время возникновенія котораго, быть можетъ, относится еще съ доисторической эпохѣ.

Ограничиваясь вышесказаннымъ, позволю себѣ замѣтить, что цѣль моей настоящей замѣтки я буду считать вполнѣ достигнутой, если мнѣ удастся обратить вниманіе археологовъ-спеціалистовъ на Бѣлозерское городище, которое вполнѣ заслуживаетъ его какъ по своему научному интересу, такъ и въ виду опасенія за дальнѣйшую сохранность его. Необходимо

поспѣшить съ систематическимъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ этого замѣчательнаго памятника сѣдой старины, такъ какъ иначе время и человѣческое невѣжество угрожаютъ навсегда отнять у науки тѣ цѣнные археологическіе матеріалы, которые скрыты въ немъ подъ грудами сыпучихъ песковъ.

В. Соколовъ.

Москва, 8 апрѣля 1892 года.

Записки Мих. Чайковскаго (Садыкъ-паши).

Отъ редакціи. Приступая къ печатанію новаго отдѣла изъ записокъ М. Чайковскаго, отдѣла, относящагося ко времени пребыванія автора записокъ въ Турціи, редакція считаетъ необходимымъ для большей ясности разсказать вкратцѣ о пребываніи Чайковскаго въ Зап. Европѣ до его отъѣзда въ Константинополь.

Послѣ перехода австрійской границы часть повстанцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Чайковскій, направилась въ г. Брюнъ въ Моравіи, гдѣ они были радушно приняты мѣстными жителями—чехами, среди которыхъ были распространены панславистскія воззрѣнія, мало понятныя, повидимому, для польскихъ эмигрантовъ. Но пребываніе въ Брюнѣ было непродолжительно, такъ какъ австрійское правительство находило неудобнымъ оставить бывшихъ повстанцевъ на своей территоріи. Эмигранты отправились черезъ Баварію въ Швейцарію. Баварскій король воспротивился проѣзду ихъ черезъ Мюнхенъ и они направились черезъ Ульмъ, гдѣ были торжественно встрѣчены нѣмецкими либералами. Но оказалось, что и поляки и нѣмцы совершенно расходились въ своихъ симпатіяхъ и идеалахъ и потому плохо понимали другъ друга. Въ Швейцаріи повстанцы поселились въ Шафгаузенѣ, откуда совершили поѣздку въ Аренсбергъ, мѣстопребываніе Людовика-Наполеона и его матери королевы Гортензіи. Самого принца тамъ въ это время не было, но эмигрантовъ очень любезно приняла его мать. Во Франціи въ то время повсюду высказывались горячія симпатіи къ Польшѣ и полякамъ, и выходцы поспѣшили перебраться въ эту дружественную страну.

Они перешли границу у крѣпости С.-Луи. Здѣсь эмигранты получили свѣдѣнія, что часть бывшихъ повстанцевъ находилась въ Безансонѣ, часть въ Авиньонѣ, а часть въ Буржѣ; не военные эмигранты проживали въ Шатору, а главари, сеймъ и ржондъ народовый имѣли мѣстопребываніе въ Парижѣ. Чайковскій съ товарищами направились въ Буржъ. Тамъ, по словамъ Чайковскаго, было болѣе 4,000 поляковъ, изъ которыхъ 1,500 было солдатъ, жившихъ въ казармахъ. Польскіе эмигранты во Франціи тотчасъ раздѣлились на множество политическихъ партій, особенно это раздѣленіе усилилось, когда, послѣ безпорядковъ, произведенныхъ эмигрантами въ Буржѣ, французское правительство распорядилось размѣстить поляковъ по многимъ городамъ. Изъ Буржа Чайковскій съ товарищами совершили поѣздку въ Парижъ и видѣлись тамъ съ главами польскихъ эмигрантовъ. Въ Парижѣ они застали своихъ соотечественниковъ раздѣлившимися на партіи, которыя сходились между собою развѣ только въ непріязни къ князю Адаму Чарторыйскому. Пребываніе Чайковскаго въ Парижѣ было непродолжительно и онъ возвратился въ Буржъ, гдѣ и женился на дѣвицѣ де-Габаре. Изъ Буржа Чайковскій переселился въ Фонтенбло, и, вмѣстѣ съ товарищами, несъ военную службу въ стоявшемъ тамъ гусарскомъ полку. Здѣсь онъ подружился съ Кипризли-Мегметъ-пашей, служившимъ во французской арміи, и здѣсь же написалъ сочиненіе о кавалеріи, которое впослѣдствіе и было напечатано во французскомъ военномъ журналѣ. Черезъ годъ Чайковскій снова возвратился въ Парижъ. Здѣсь онъ очутился въ затруднительномъ положеніи: деньги были прожиты, а субсидіи отъ французскаго правительства, которая выдавалась другимъ эмигрантамъ, Чайковскій не получалъ. Въ поискахъ за средствами къ жизни онъ рѣшился было поступить въ банкирскую контору, но одинъ изъ его пріятелей-французовъ уговорилъ его попытать свои силы на литературномъ поприщѣ; Чайковскій написалъ по-французски разсказъ изъ украинской жизни, разсказъ этотъ былъ напечатанъ и за нимъ послѣдовали другіе. Отъ разсказовъ Чайковскій перешелъ къ газетнымъ статьямъ политическаго характера. На его разсказы обратилъ вни-

маніе Мицкевичъ и уговорилъ его писать по-польски. Такъ начала-лась литературная дѣятельность Чайковскаго. Въ это время Ч—скій сошелся съ Адамомъ Чарторыйскимъ и представилъ ему свою политическую программу, которая состояла въ слѣдующемъ: необходимо, не обращая вниманія на мнѣнія эмигрантовъ, установить правительство, которое являлось бы польскимъ правительствомъ, перенесеннымъ изъ родной страны въ Парижъ, и вело бы иностранную политику, при чемъ должно обратить вниманіе: во 1-хъ на Римъ, какъ центръ католицизма, во 2-хъ на Востокъ, т. е. на турецкое правительство, которое „до конца сохраняло миръ съ Польшей и ни однимъ актомъ не признало ея раздѣла, и на христіанскихъ подданныхъ султана, изъ которыхъ одни такіе же славяне, какъ и поляки, а другіе враждебны государствамъ, раздѣлившимъ между собою Польшу (?)". Такая политика придастъ большое значеніе кн. Адаму въ глазахъ европейскихъ дворовъ и народовъ. Въ то же время надо организовать заграницей польскую военную силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ч—скій сообщилъ Чарторыйскому, что онъ „не вѣритъ въ возможность возстановленія Польши собственными силами, потому что поляки не имѣютъ и не могутъ имѣть средствъ для борьбы съ могущественными врагами, которые господствуютъ въ странѣ, особенно при разладѣ сословій въ польскомъ обществѣ, при отсутствіи цемента, который могъ бы его соединить, при взаимной непріязни между панами и хлопами, при отсутствіи людей съ общепризнаннымъ высшимъ общественнымъ положеніемъ, которые стали бы во главѣ возстанія, при народномъ легкомысліи, которое можно назвать политической незрѣлостью, при несчастномъ политическомъ недомысліи, которое есть тяжкая кара за наши грѣхи; каждое возстаніе должно повлечь за собою рядъ несчастій, которыя постепенно все больше и больше будутъ заколачивать гробъ Польши на вѣки. Потому то я всегда былъ врагомъ конспираціи и пропаганды, вызывающихъ возстанія въ Польшѣ. По моему убѣжденію, должно было дѣйствовать для блага Польши за границей, дабы приготовить тамъ силу, которою можно бы было воспользоваться въ случаѣ войны между европейскими государствами, какъ средствомъ заставить ихъ заняться польскими дѣлами".

Чарторыйскій согласился съ этой программой и оба они съ Чайковскимъ стали дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, вступивъ въ сношенія со славянами и румынами, жившими въ Парижѣ, съ одной стороны и съ французскимъ правительствомъ, относившимся къ нимъ благосклонно, съ другой. Съ тѣхъ поръ политическая дѣятельность Чайковскаго была связана съ дѣятельностью Адама Чарторыйскаго. Въ качествѣ его представителя Чайковскій ѣздилъ въ Римъ и въ Германію.

Въ это время одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Чарторыйскаго, Владиславъ Замойскій, составилъ планъ воспользоваться жившимъ въ Парижѣ черногорскимъ княземъ Васовичемъ для польскаго дѣла на Востокѣ. Этотъ Васовичъ былъ выдвинутъ какъ кандидатъ на черногорскій престолъ. Въ Васовичѣ приняли участіе „змартвыхвстанцы“ и іезуиты, такъ какъ этотъ авантюристъ выражалъ готовность принять католичество и способствовать распространенію власти св. престола на балканскихъ славянъ. Дворы англійскій и французскій сначала отнеслись къ этому предпріятію двусмысленно, что дало поводъ предполагать въ нихъ сочувствіе. Чайковскій не одобрялъ этого рискованнаго шага, который могъ вооружить противъ поляковъ Турцію, но его протесты не имѣли успѣха, пока предпріятіе не рушилось вслѣдствіе недостатка денегъ и настоянія европейскихъ кабинетовъ. Тогда рѣшено было послать Чайковскаго въ Константинополь съ цѣлью разузнать на мѣстѣ о положеніи дѣлъ и о томъ, какую пользу можетъ извлечь Чарторыйскій и его партія изъ Турціи. Чайковскій черезъ Римъ, Неаполь, Мальту и Аѳины прибылъ въ Константинополь.

I.

Царьградъ.—Знакомство съ Людвигомъ Звѣрковскимъ.—Французское посольство.—О. Леленъ.—Гузревъ-паша.—Риза-паша.—Султанъ Абдулъ-Меджидъ.

Мы пріѣхали въ Стамбулъ ночью и я рѣшилъ ночевать на пароходѣ. Ночь я провелъ, сидя на своемъ багажѣ, не ради того, чтобы прислушиваться къ вою псовъ европейской столицы

могущественныхъ султановъ, которому отвѣчалъ вой шакаловъ съ азіатскаго берега, и не ради того, чтобы любоваться ночнымъ движеніемъ на черномъ фонѣ Золотого Рога, а потому что мнѣ какъ то странно было очутиться на Востокѣ, не имѣя ни одного знакомаго, безъ знанія языка и обычаевъ. Янычары, потому что Богъ знаетъ покончили ли они свое существованіе или преобразовались въ другой мусульманскій орденъ, чума, которая разгуливала по оттоманской имперіи, грозная власть русскаго посольства, о которой я слышалъ столько вымысловъ на Западѣ,—все это безпокоило меня и проносилось въ моемъ воображеніи. Въ такомъ настроеніи я заснулъ на скамьѣ и мнѣ приснился сладкій сонъ...

Разбудилъ меня Равскій [1]), говоря:

— Посмотрите, послушайте!

Я не успѣлъ еще раскрыть глаза, какъ въ ушахъ у меня раздались возгласы муэзиновъ, этихъ соловьевъ Ислама, призывающіе правовѣрныхъ къ молитвѣ. Голосъ ихъ былъ такъ сладокъ, звонокъ и сердеченъ, что я подумалъ, должно быть мусульмане очень сердечный народъ, если ихъ зовутъ такимъ голосомъ къ молитвѣ. Мнѣ вспомнилась Польша и я уже ухомъ и сердцемъ примирился съ тѣмъ Востокомъ, къ которому принадлежатъ славяне и который принадлежитъ славянамъ. А когда я увидѣлъ этотъ городъ, похожій на нашъ старый Кіевъ, то сказалъ въ душѣ, что ему дѣйствительно принадлежитъ имя Царьградъ, потому что это столица не только царства славянскаго, но царства всемірнаго. На фонѣ города, среди зданій различныхъ родовъ и цвѣтовъ, окруженныхъ рощами кипарисовъ и садами, полными цвѣтовъ, бѣлыя мечети съ стройными минаретами, съ блестящими куполами, были какъ бы планетами и кометами между звѣздами небеснаго свода. Міръ неодушевленный и полуодушевленный былъ дивенъ, очарователенъ. Міръ одушевленный не уступалъ ему: разнообразные уборы, одежды, разноцвѣтные люди на коняхъ, въ арбахъ, на каикахъ, на лодкахъ, пѣшкомъ; на мосту, на улицахъ, на морскомъ бе-

[1]) Спутникъ Чайковскаго.

регу толпы людей тѣснили одна другую и въ своемъ непрестанномъ движеніи приливали и отливали безъ начала и безъ конца. Я понялъ восхищеніе Магомета Завоевателя, когда, глядя на этотъ богатый коверъ, на эти два изумруда, оправленные въ бирюзу и раздѣленные другъ отъ друга бирюзою, онъ задумалъ увѣнчать его брилліантомъ султанскаго господства и исполнилъ это. Этотъ коверъ чудной работы сталъ владѣніемъ калифовъ ислама, падишаховъ обширнаго міра, но въ жилахъ этихъ падишаховъ текла теперь уже кровь сербская, кровь славянская. Съ такими мыслями я сошелъ съ парохода и высадился на берегъ въ Тофане.

Это было въ концѣ октября 1841 г.

Я розыскалъ Людвига Звѣрковскаго, извѣстнаго въ Стамбулѣ подъ именемъ Ленара, якобы француза, который служилъ офицеромъ въ 7 пѣхотномъ полку. Человѣкъ храбрый, оросившій не одно поле битвы своею кровью, онъ считался однимъ изъ лучшихъ офицеровъ полка. Высланъ онъ былъ на Востокъ своимъ двоюроднымъ братомъ Валентіемъ Звѣрковскимъ и кружкомъ людей, мечтавшихъ о соединеніи эмигрантовъ подъ знаменемъ шляхетской демократіи, апостолами которой были: воевода Антонъ Островскій, посолъ Ледуховскій, генералъ Дверницкій, Іоахимъ Лелевель. Его отправленіе совпало съ миссіей генерала Хржановскаго—Кинга [1]). Цѣлью вождей шляхетской демократіи было помѣшать дѣйствіямъ кн. Чарторыйскаго, или, по крайней мѣрѣ, слѣдить за ними и пользоваться сообщеніями о нихъ для борьбы въ польскихъ и французскихъ газетахъ съ политикой кн. Адама. Были для этого собраны деньги и Звѣрковскій былъ хорошо обезпеченъ.

Я не былъ знакомъ съ Звѣрковскимъ, но, зная его по слухамъ, прямо отправился къ нему, безъ всякихъ околичностей сказалъ ему кто я, какая цѣль моего пріѣзда и предложилъ дѣйствовать сообща по приказаніямъ и отъ имени князя Адама. Онъ принялъ мое предложеніе и съ тѣхъ поръ до самой смер-

[1]) Агентъ князя Ад. Чарторыйскаго, ранѣе Чайковскаго ѣздившій въ Турцію.

ти его, въ 1857 г., мы были съ нимъ неразлучными друзьями и политическими единомышленниками.

Поляковъ въ Стамбулѣ было немного, да и тѣ скрывались подъ чужими именами: Корчакъ, Ленаръ и т. п., даже унтеръ-офицеръ Антонъ Ольшевскій назывался синьоръ Антоніо, а два Яна, одинъ стекольщикъ—Iani Timoti, другой поваръ Jean de France. Такъ боялись русскаго посольства. Ген. Хржановскій, жившій подъ именемъ англичанина Кинга, и его свита усиливали эту боязнь, тогда какъ русскому посольству и во снѣ не мерещилось преслѣдовать поляковъ на стамбульскихъ улицахъ или даже просто заниматься ими. Ежедневно появлялись новые басни объ арестахъ, заключеніи и высылкѣ ихъ; были свидѣтели, которые якобы слышали крики бѣдныхъ поляковъ и видѣли собственными глазами, какъ ихъ вели закованныхъ, точно медвѣдей въ сморгонскую академію, и все это въ то время, когда русскимъ посламъ былъ Титовъ, одинъ изъ самыхъ лойяльныхъ, самыхъ благородныхъ дипломатовъ въ Европѣ, человѣкъ сердечный и добрый, женатый на литвинкѣ Хрептовичъ, которая заботилась обо всѣхъ, и полякахъ, и не полякахъ.

Въ тотъ же день я отправился во французское посольство. Посолъ графъ де-Путуа, какъ говорили, побочный сынъ Людовика—Филиппа, представлялъ типа стараго французскаго дворянина. Онъ былъ не въ ладахъ съ англійскимъ посломъ лордомъ Понсонби и его женой. Я былъ хорошо принятъ и самимъ посломъ и всѣми членами посольства. У посла я познакомился съ о. Леленъ, настоятелемъ лазаристовъ, человѣкомъ лѣтъ 35, хорошо воспитаннымъ и образованнымъ, не фанатикомъ, заботившимся не только о пользѣ церкви, но и о благѣ людей. Послѣ обѣда мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Ени-кіой къ доктору Константину Маркополи, который былъ врачемъ и довѣреннымъ лицомъ бывшаго великаго визиря Гузревъ-паши. У меня были письма къ этому визирю, жившему въ изгнаніи, и къ его секретарю.

Вечеръ былъ проведенъ пріятно и не безъ пользы для меня. Хозяинъ дома былъ тотъ самый Костаки, о которомъ такъ много говорили и писали, приближенный и даже совѣт-

никъ Гузрева, черкеса по происхожденію, умомъ и ловкостью возвысившагося изъ невольниковъ до сана великаго визиря. Султанъ Махмудъ очень его любилъ и довѣрялъ ему. Гуссейнъ-ага былъ побѣдителемъ взбунтовавшихся янычаръ, а Гузревъ въ конецъ искоренилъ ихъ. Онъ много сдѣлалъ для проведенія реформъ въ Турціи; посылалъ за границу на свой счетъ много мальчиковъ, изъ которыхъ вышли потомъ полезные дѣятели.

На самомъ дѣлѣ Гузревъ былъ только исполнителемъ замысловъ Решида-Мустафы-паши, замѣчательнаго турецкаго государственнаго человѣка, и Фети-Ахмедъ-паши, зятя султана Махмуда. Эти люди, связанные узами дружбы, не были еще такъ извѣстны, чтобы стать иниціаторами реформы, но они нашли черкеса, податливаго и готоваго на все, чтобы только удержать власть, и воспользовались имъ для блага страны. Гузревъ въ сущности не имѣлъ никакихъ убѣжденій, но онъ не былъ фанатикомъ въ религіи, потому что, кажется, ни во что не вѣрилъ, и реформа его не пугала. У него не было ни политическаго смысла, ни человѣческаго сердца, какъ почти у всѣхъ черкесовъ, вышедшихъ изъ невольниковъ въ сановники. Во внѣшней политикѣ онъ старался угодить всѣмъ дворамъ и не вѣрилъ въ силу и могущество Турціи.

Ради успокоенія религіознаго фанатизма, который былъ придавленъ, дремалъ, но не былъ уничтоженъ, Решида-Мустафу-пашу, бывшаго душею реформы, назначили посломъ въ Парижъ и въ Лондонъ, а Ахмедъ-Фети-паша, при всѣхъ своихъ добрыхъ желаніяхъ, не имѣлъ возможности управлять Гузревъ-пашей и чужеземцами, призванными для проведенія реформы. Военная организація существовала на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Инструкторы, между которыми были люди знающіе и добросовѣстные, безъ дѣла слонялись по улицамъ и по кофейнямъ Перы, потому что имъ некого было учить. Комитетъ возрожденія Турціи заявлялъ о себѣ смѣшными и неудачными распоряженіями, напр. о вывозѣ изъ Стамбула собакъ и кошекъ на одинъ изъ Принцевыхъ острововъ и о выдѣлкѣ тамъ изъ ихъ кожъ лайки, а изъ мяса и костей—сала и т. п. Въ это время сгруппировалась и другая партія, сознавшая необходимость ре-

формы и благопріятствовавшая ей, партія болѣе національная, опиравшаяся на мѣстныя силы и также не фанатическая въ религіозномъ отношеніи. Душею этой партіи былъ Гассанъ-Риза-паша, бывшій пажъ и любимецъ султана Махмуда, человѣкъ большихъ способностей, хотя и лишенный образованія. Его единомышленниками были: Мегметъ-Али-паша, зять умершаго султана, Халиль-паша, другой зять султана Махмуда, черкесъ, землякъ Гузрева, Реуфъ-паша, впослѣдствіе великій визирь, женатый на сербкѣ-христіанкѣ, Ага-Гуссейнъ-паша, побѣдитель янычаръ, и Неджибъ-паша, глава многочисленнаго и вліятельнаго въ Стамбулѣ семейства, находившійся въ родствѣ со всѣми правящими лицами. Риза-паша и его единомышленники съ большимъ уваженіемъ относились къ Решидъ-пашѣ, признавали его превосходство и считали самымъ способнымъ человѣкомъ для дипломатическихъ сношеній; Гузрева и его сторонниковъ они считали неспособными осуществить реформы.

Молодой султанъ Абдулъ-Меджидъ-ханъ былъ человѣкъ добрый и кроткій и даже хорошо воспитанный, съ дѣтства онъ учился французскому языку и порядочно владѣлъ имъ, любилъ свою родину и обладалъ умѣньемъ выбирать людей. Онъ оказывалъ большое довѣріе Ризѣ-пашѣ, которому удалось добиться удаленія Гузрева и Фети-Ахмеда-паши и назначенія Реуфъ-паши садразамомъ, а себя сераскиромъ. Первымъ дѣломъ новаго сераскира было устройство войска въ дѣйствительности, а не на бумагѣ.

Докторъ Маркополи посовѣтовалъ мнѣ, прежде чѣмъ приступать къ какимъ бы то ни было дѣйствіямъ, увидѣться съ Гузревомъ-пашей и выразилъ готовность отвезти меня въ Родосто-Теквардагъ, гдѣ Гузревъ жилъ въ изгнаніи, и представить пашѣ. Но, чтобы не компрометировать ни себя, ни его, мы уговорились выѣхать отдѣльно и встрѣтиться въ Родосто.

На вечерѣ у Маркополи я узналъ также отъ грековъ, что черкесы продали множество поляковъ, которыхъ подговорили дезертировать изъ русскаго войска, туркамъ и даже армянамъ и грекамъ, владѣльцамъ чифликовъ, выдавая этихъ поляковъ за своихъ невольниковъ, и что эти бѣдняки пашутъ теперь

землю, и исполняютъ различныя работы, что ихъ продавали даже въ Египетъ, Тунисъ и Триполи и что они боятся объявить о своей національности, страшась еще худшаго. Ни одно посольство не оказывало покровительства, не выдавало паспорта поляку, даже французское. Поляки были истинными паріями въ Стамбулѣ и въ Турціи. Мнѣ даже совѣтовали, чтобы я выбралъ народность и фамилію не польскую, но я на это не согласился. Сохраненіе своей національности и польской фамиліи я считалъ за первый шагъ въ своемъ дѣлѣ, за первый камень зданія, которое я намѣренъ былъ возвести.

II.

Свиданіе съ Фети-Ахмедъ-пашей.—Поѣздка въ Родосто.—Свиданіе съ Гузревъ-пашей.—Поиски козацкихъ куреней.—Козаки-некрасовцы.

На другой день я съ родственникомъ Маркополи, французомъ, учителемъ французскаго языка въ медицинской школѣ, секретаремъ и пріятелемъ Фети-Ахмеда-паши, а потомъ чтецомъ султана Абдулъ-Меджида, отправился въ Арнаутъ-кіой, гдѣ былъ дворецъ султанши, жены Фети-Ахмеда, въ которомъ онъ и жилъ, такъ какъ, въ качествѣ мужа султанши, не былъ отправленъ въ ссылку, а оставался инкогнито во дворцѣ. Онъ не могъ открыто принимать гостей и выѣзжать со свитой, приличной его сану. Я былъ знакомъ съ Фети-Ахмедомъ еще въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ турецкимъ посломъ, и еще тогда пользовался его расположеніемъ. Онъ принялъ меня очень ласково, но сказалъ, что не видитъ для меня возможности что нибудь сдѣлать, что онъ очень расположенъ къ полякамъ и польскому дѣлу, но что о немъ здѣсь и говорить нельзя, этого не допустятъ три державы, а за ними тянетъ и Англія, что на Францію разсчитывать нельзя, что, наконецъ Франція, какъ и Турція, боится трехъ державъ.

Вечеромъ мы съ Равскимъ отправились на парусномъ суднѣ въ Родосто и на слѣдующій день ночью пріѣхали туда. Мы были задержаны до разсвѣта въ кофейнѣ, пока явился карантинный врачъ англичанинъ и мы получили разрѣшеніе въѣ-

хать въ городъ. Въ кофейнѣ сидѣлъ какой то арабъ въ бурнусѣ и чалмѣ и пристально всматривался въ насъ. По пріѣздѣ доктора этотъ арабъ предложилъ черезъ него намъ свое гостепріимство, такъ какъ мы, по его словамъ, очень ему понравились, хотя и не обмѣнялись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ. Мы не могли отказаться отъ такого любезнаго приглашенія. Нашъ хозяинъ оказался арабомъ изъ Сиріи, женатымъ на венгеркѣ,—и однимъ изъ зажиточнѣйшихъ жителей Родосто. Дома онъ представилъ намъ свое семейство и предложилъ старшаго сына въ качествѣ драгомана, что было для насъ очень кстати, такъ какъ мы ни слова не знали ни по турецки, ни по гречески, а сынъ нашего хозяина говорилъ съ грѣхомъ пополамъ по французски и мы могли объясняться съ его помощью.

Вскорѣ мы встрѣтились съ Маркополи и онъ представилъ насъ Гузреву—пашѣ. Послѣдній встрѣтилъ меня чрезвычайно любезно, какъ посла его друга кн. Адама Чарторыйскаго, но тоже заявилъ, что для успѣха польскаго дѣла въ Турціи нельзя ничего сдѣлать.

По возвращеніи нашемъ отъ Гузрева—паши намъ былъ принесенъ отъ него обильный обѣдъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ водки и вина и мы устроили великолѣпное пиршество для всѣхъ сосѣдей.

Я много слышалъ о козацкихъ поселеніяхъ около Еносъ. Въ 1827—28 гг., какъ я узналъ въ Родосто, эти поселенія были перенесены въ Анатолію, въ окрестности Бандермы и Миголича, надъ озеромъ Маніовскимъ, и тамъ основано было большое селеніе въ 1000 домовъ, названное Биневле или Маніоскіой. Но на озерахъ Сырджа Юмурджина, которыхъ числомъ 7, козаки сохранили свои рыбныя ловли, а ихъ курени находились въ урочищѣ Ючъ-евле—„три дома“. Я рѣшился поѣхать туда, а потомъ пробраться въ Биневле.

Я съ Равскимъ и нашимъ драгоманомъ Сайхомъ выѣхали на почтовыхъ изъ Родосто. За нами почтальонъ, по турецки сируджи, велъ коня, навьюченнаго нашимъ багажемъ. Мы ѣхали по прошлогоднимъ стеблямъ бурьяна, по степи, подобной нашимъ украинскимъ, и къ вечеру прибыли въ Кешаны.

На восходѣ солнца мы выѣхали изъ Кешанъ искать козацкіе курени. Дороги не было, вездѣ разстилалась необозримая степь, покрытая травой и бурьяномъ, зеленые луга, а надъ озерами заросли тростника, которыми озера такъ обросли, что надо было подъѣхать близко, чтобы увидѣть ихъ обширную водную поверхность, вздымаемую вѣтромъ, какъ море, и на нѣкоторыхъ острова, покрытые группами деревьевъ и кустарниками. Въ тростникѣ слышится шорохъ и хрюканье стадъ дикихъ кабановъ, которые бѣжали отъ насъ; въ одномъ изъ этихъ стадъ было нѣсколько сотъ головъ, такъ что наши лошади дрожали отъ страха. Ни мусульмане, ни христіане не охотились на кабановъ, такъ какъ ни тѣ, ни другіе не ѣдятъ ихъ мяса.

Въ Ючевле мы нашли козацкіе курени. Это были шалаши изъ тростника и вѣтвей, довольно многочисленные, на самомъ берегу озера Сырджа, на склонѣ небольшого пригорка, на которомъ, среди развалинъ обширнаго села, уже поросшихъ травой, стояли три домика, или скорѣе мазанки; въ одной изъ нихъ была корчма, которую держалъ еврей изъ Бердичева, въ двухъ другихъ помѣщались лавочки съ краснымъ товаромъ, гдѣ торговали грекъ и армянинъ. Козаковъ мы застали въ корчмѣ за водкой и виномъ, познакомились съ ними и послѣ нѣсколькихъ словъ и нѣсколькихъ чарокъ водки, которыя Равскій выпилъ однимъ духомъ на удивленіе старымъ козакамъ, и подружились.

Это была артель козаковъ изъ села Биневле, донскихъ выходцевъ, которыхъ называли Игнатъ-козаками или некрасовцами, а иногда кубанцами. Предки ихъ вышли съ Дону послѣ Булавинскаго бунта подъ предводительствомъ Игната Некрасова и поступили на службу къ татарскимъ ханамъ. Они сторожили Кубань и крѣпость Анапу. По занятіи Россіей Крыма и береговъ Чернаго моря, эти козаки съ семьями и имуществомъ перешли въ турецкіе предѣлы и дошли до Синопа, откуда на лодкахъ переѣхали на Дунай, гдѣ имъ было отведено для поселенія урочище близъ Задунайской сѣчи. Они составляли въ султанскомъ войскѣ отборную конницу. Но они не могли поладить съ буйными запорожцами и, послѣ нападеній

на ихъ поселенія запорожцевъ, послѣ насилій и убійствъ, переселились съ Дуная въ окрестности Еноса и на берегу семи озеръ основали семь большихъ селеній. Численность ихъ должна была быть значительной, такъ какъ во время войны съ Россіей въ 1827—28 гг. они выставили 2500 всадниковъ, подъ начальствомъ войскового или походнаго атамана Ивана Солтана, и были въ большой милости у сераскира Мехмеда-Решидъ-паши, оборонявшаго Шумлу. Когда некрасовцы были подъ Шумлой, полковникъ Мухановъ, высланный генераломъ Роттомъ съ полкомъ улановъ и двумя орудіями къ Дарданелламъ, взялъ крѣпость Еносъ и потомъ посѣтилъ селенія некрасовцевъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ, потому что одни козаки, какъ некрасовцы, такъ и запорожцы, имѣли привилегію звонить въ церквахъ въ колокола. Послѣ этого посѣщенія старшины, забравши всѣхъ жителей и имущество, переправили ихъ на азіатскій берегъ, на азіатскія озера Маніосъ и тамъ основали село Биневле. Семь же селеній надъ озерами были сожжены ими самими и козаки вернулись изъ подъ Шумлы не на берега озеръ Сырджи, а на берега озера Маніосъ.

Рыболовство, ловля пьявокъ и торговля въ разносъ была единственными занятіями этихъ козаковъ. Двумя первыми отраслями промышленности занимались сообща подъ начальствомъ старшинъ въ пользу общины. Торговать могъ всякій на свой страхъ, но съ вѣдома и съ позволенія властей. Ловля рыбы и пьявокъ производилась, какъ повинность. Восемь мѣсяцевъ ловили рыбу, а четыре пьявокъ. Отъ Дуная до греческой границы, въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи, и по берегу моря до Смирны всѣ озера были заарендованы у правительства козаками-некрасовцами; они арендовали озера даже въ Египтѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи Саввы Чалого. Имя Саввы Чалого пользуется довольно громкою, но, насколько намъ кажется, незаслуженною извѣстностью, благодаря прекрасной народной пѣснѣ, описывающей его убіеніе гайдамаками, состоявшими подъ начальствомъ Игната Голого. Пѣсня эта послужила мотивомъ для біографіи Саввы Чалого, не лишенной фантастическаго колорита, какъ въ сочиненіяхъ г. Скальковскаго (Исторія Новой Сѣчи т. II, стр. 131—135 и Наѣзды Гайдамакъ, стр. 46—49), гдѣ, впрочемъ, авторъ пересказываетъ лишь этнографическія данныя въ крайне сдержанномъ тонѣ, такъ еще болѣе въ сочиненіи г. Мордовцева, (Гайдамачина, стр. 67—83), въ которомъ авторъ, на основаніи данныхъ народной пѣсни, давъ широкое поле развитію субъективныхъ гипотезъ, составилъ изъ мотивовъ пѣсни цѣлую этическую картину мнимой дѣятельности Саввы Чалого, не отвѣчающую исторической дѣйствительности. Благодаря актамъ, изданнымъ въ III томѣ, III-ей части Архива Юго-Западной Россіи [1]), біографія Саввы Чалого получила реальную историческую, хотя весьма не полную обстановку.—Изъ архивныхъ данныхъ личность Саввы Чалого обрисовывается далеко не въ привлекательныхъ чертахъ.—Родомъ изъ мѣщанъ м. Комаргродка (подольской губ. ямпольскаго у.), онъ поступилъ въ надворную милицію мѣстнаго владѣльца, кн. Четвертинскаго, и вскорѣ достигъ должности сотника; затѣмъ въ 1734 году, во время общаго въ Подоліи крестьянскаго возстанія, онъ примкнулъ къ нему, но, вмѣсто того, чтобы вести борьбу съ угнетавшею народъ шляхтою, онъ ограбилъ въ собственную пользу нѣсколько мѣстечекъ. Когда крестьянское возстаніе было усмирено, онъ бѣжалъ въ запорожскія владѣнія и затѣмъ, провѣдавъ,

[1]) См. стр. 69—72, 111, 194, 197, 229, 237, 244, 289, 353.

что польскій регименгарь Малинскій не только обнародовалъ амнистію бывшимъ участникамъ возстанія, но призывалъ ихъ въ польскую службу по найму для усмиренія дальнѣйшихъ крестьянскихъ возстаній, Савва Чалый явился одинъ изъ первыхъ съ повинною въ лагерь регименгаря въ 1736 году, принесъ требуемую присягу, получилъ чинъ полковника козаковъ, составленныхъ изъ раскаявшихся гайдамаковъ, и сталъ вести дѣятельную борьбу съ бывшими товарищами по возстанію 1734 года. Въ 1738 онъ перешелъ въ частную службу къ владѣльцу Немирова, коронному гетману Іосифу Потоцкому, въ качествѣ полковника козаковъ его надворной милиціи; Потоцкій, желая обезпечить и поощрить вѣрность Саввы, отдалъ ему въ пожизненное владѣніе два села въ окрестности Немирова и поручилъ ему защиту отъ гайдамаковъ своихъ обширныхъ владѣній. Савва не только ревностно преслѣдовалъ и отражалъ отряды гайдамаковъ, но сталъ врываться въ запорожскую территорію, разорялъ и грабилъ запорожскіе зимовники и въ 1740 году даже разрушилъ Бугогардову паланку и сжегъ бывшую въ ней церковь. Эти подвиги Чалого вызвали въ запорожцахъ и гайдамакахъ желаніе мести; одинъ изъ бывшихъ товарищей его, гайдамацкій ватажокъ Игнатъ Голый, собралъ небольшой отрядъ братчиковъ и въ самый день Рождества Христова внезапно ночью окружилъ домъ Саввы въ селѣ Степашкахъ и убилъ полковника. Этотъ фактъ, произведшій вѣроятно на современниковъ сильное впечатлѣніе, и послужилъ сюжетомъ народной пѣсни, благодаря которой имя Саввы Чалого и сохранилось въ народной памяти. Въ пѣсенномъ пересказѣ между прочимъ есть эпизодъ, разсказывающій, какъ «Савиха молодая кризь викно тикала» и спасла при помощи слугъ грудного ребенка. Изъ довольно неточныхъ указаній польскихъ мемуаристовъ извѣстно было, что вдова Чалого вышла впослѣдствіи замужъ за какого то польскаго офицера, уѣхала на родину мужа въ Моравію, куда увезла и спасеннаго ею сына. Послѣдній извѣстенъ былъ впослѣдствіи, какъ одинъ изъ весьма энергичныхъ партизановъ, предводительствовавшихъ отрядомъ барскихъ конфедератовъ подъ именемъ Саввы Цалинскаго.

Пересматривая недавно одну изъ гродскихъ винницкихъ книгъ [1]), мы встрѣтили документъ, поясняющій исторію семьи Саввы Чалого. Не скоро послѣ его смерти, только черезъ 10 лѣтъ, его вдова собиралась уѣзжать изъ родного края вмѣстѣ со вторымъ мужемъ. Же-

[1]) Книга Винницкая записовая № 4638, листъ 803.

лая покончить счеты по имуществу съ семьею перваго мужа, она заявила въ гродскую книгу отчетъ объ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти Саввы и объ употребленіи ею этого имущества. Документъ этотъ, заключающій много подробностей о судьбѣ семейства Саввы Чалого, о его родственныхъ связяхъ, имущественномъ положеніи и бытовой обстановкѣ, мы прилагаемъ въ возможно точномъ переводѣ.

В. А.

1753 года, іюля 14 дня явилась лично передъ урядомъ гродскимъ Винницкимъ вельможная ея милость пани Аполонія Вичфинская, жена ловчаго перемышльского, представила для записи въ гродскія винницкія книги нижеслѣдующій списокъ всего движимаго и недвижимаго имущества, оставшагося послѣ смерти покойнаго Саввы, полковника милиціи гетманской, своего перваго мужа; при чемъ она принесла присягу въ томъ, что списокъ этотъ составленъ правдиво, точно и согласно во всемъ съ истиною. Содержаніе списка слѣдующее: *Регистръ вещей, лошадей и скота, оставшихся послѣ смерти покойнаго мужественнаго Саввы, гетманскаго полковника, и послѣ разграбленія и сожженія до тла его дома гайдамаками въ 1743 году.* Стадо лошадей, остававшееся послѣ смерти моего мужа, гайдамаки немедленно угнали. Подъѣздъ, отправившійся за ними въ погоню, отнялъ этихъ лошадей и доставилъ ихъ въ Умань, но изъ Умани мнѣ возвратили только 30 головъ; часть этихъ коней и кобылицъ тотчасъ раздѣлили между собою родственники покойнаго мужа, изъ оставшихся-же у меня я дала: одну кобылицу его милости пану Лупинскому, который взялся вести дѣла моего мужа при дворѣ гетмана, относительно его долговъ, данныхъ ему во владѣніе селъ и другихъ претензій; двѣ кобылицы я дала его милости пану коммиссару Галецкому для устройства тѣхъ-же дѣлъ; 8 коней я отдала племянницѣ покойнаго мужа, Варварѣ Матвѣевнѣ, нынѣ Добровольской; одного коня дала гречину, мужу другой племянницы покойнаго Саввы; одну кобылицу я подарила игумену въ Лебединѣ за то, что онъ обучалъ грамотѣ Василька Чалого; одного коня съ сѣдломъ взялъ Шамрай; одного коня у меня украли въ Немировѣ. Нѣсколько лошадей я продала, желая прилично помянуть душу покойнаго мужа, такъ какъ другихъ средствъ для этого у меня не было; остальныя лошади подохли. Изъ числа денегъ, вырученныхъ мною за проданныя лошади я выдала на разные расходы упомянутому гречину 682 злотыхъ. Остальныя вещи: Наборъ обоевъ—находится понынѣ у меня;

турецкая сабля досталась пану Лупинскому въ вознагражденіе за веденіе дѣлъ, зависѣвшихъ отъ гетмана. Сабля въ серебряной позолоченной отдѣлкѣ—осталась у меня. Конскій уборъ, серебряный, черкескій—остается у меня. Три малые котелки для варенія пищи, шерстяные обои, старый коверъ, желтыя сафьяновыя кожи, купленныя за 100 злотыхъ (изъ нихъ только одну я дала пану Лупинскому)—всѣ эти вещи я продала за 100 злотыхъ, деньги—же взяла у меня упомянутая Добровольская, племянница покойника. Отъ Іося Бершадскаго я получила готовыхъ денегъ 20 червонцевъ; изъ нихъ Добровольская взяла безъ моего вѣдома 8 червонцевъ, остальные—же я израсходовала на содержаніе свое, сына и Добровольской. Отъ еврея Шаи Немировскаго я получила 38 червонцевъ, но деньги эти во время моей тяжкой болѣзни разобрали себѣ родственники покойнаго мужа, часть-же я израсходовала на дорогу, вслѣдствіе необходимости ѣздить нѣсколько разъ къ пану гетману. 12-же червонцевъ числятся понынѣ за названнымъ евреемъ. Воловъ оставалось 12; ихъ заграбилъ Ладыжинскій губернаторъ (управляющій), подъ предлогомъ какой-то неизвѣстной мнѣ претензіи; я должна была выкупить ихъ и уплатила 320 злотыхъ. Изъ числа этихъ воловъ: 3 были зарѣзаны для похороннаго обѣда, 2 взяли евреи за долгъ, остальные издохли. Оловяной посуды осталось 10 штукъ—которыя находятся у меня, а нѣсколько штукъ взяла вышеупомянутая племянница моего мужа. Самопаловъ оставалось два: одинъ взялъ Шамрай, а другой я отдала судебному субделегату за производство взысканія съ наслѣдниковъ пана Байбузы. Корова была одна—досталась племянницѣ. Свиней 5 я отдала ей-же. Сукна гайдамаки оставили 4 локтя—ихъ взялъ Чалый и ничего за это сукно не уплатилъ. Панцырь одинъ, перегорѣлъ во время пожара—находится у меня, равно какъ одна старая повозка, двѣ пары старой упряжи и кусокъ стараго ковра. Другую повозку и пару упряжи я отдала той-же племянницѣ покойнаго мужа. Двѣ пары чехловъ для пистолетовъ; изъ нихъ одну пару я отдала повѣренному по дѣламъ, пану Залевскому, за веденіе дѣла и производство взысканія съ крестьянъ.—Никакихъ векселей, данныхъ на имя покойнаго мужа у меня нѣтъ, суммъ денежныхъ, занятыхъ у него безъ росписокъ, я не получала и ни отъ кого не требовала. Регистръ этотъ составленъ мною правдиво, во удостовѣреніе чего подписуюсь, какъ неграмотная, знакомъ креста святого Аполлонія Вичфинская †.

Благодарственное письмо Импер. Елисаветѣ Петровнѣ за возвращеніе Кіевской каѳедрѣ митрополитанскаго титула. Послѣ смерти кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго, внезапно послѣдовавшей 1 іюня 1718 года въ г. Твери на пути въ Петербургъ, на кіевскую митрополію 14 мая 1722 года былъ назначенъ злосчастный Варлаамъ Ванатовичъ, но безъ производства въ санъ митрополита. И преемникъ его Рафаилъ Заборовскій, вступившій на кіевскую каѳедру 15 апрѣля 1731 года, возведенъ былъ, по Высочайшему указу Елисаветы Петровны, только 11 іюня 1743 года. преосвященный Рафаилъ медлилъ принести Ея Величеству всеподданнѣйшую благодарность за возвращеніе кіевской каѳедрѣ митрополитанскаго титула. И потому преосвященный Амвросій, архіепископъ новгородскій, первенствующій членъ Св. Синода, нижеслѣдующимъ письмомъ своимъ, отъ 11 ноября 1743 года, напомнилъ кіевскому архипастырю о необходимости принести таковую благодарность.

«Преосвященнѣйшій Рафаилъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи, мой о Христѣ возлюбленный братъ и сослужитель! По полученіи мною словеснаго указа объ учиненіи справки, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ обрѣтаются мощи святыхъ страстотерпцевъ, благовѣрныхъ россійскихъ князей Бориса и Глѣба[1]), изволила Ея Императорское Величество спросить меня о полученіи Вами указа о возвращеніи кіевскому престолу митрополитанскаго титула по прежнему. На что я Ея Императорскому Величеству отвѣтствовалъ: получилъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ. Отъ онаго вопроса такую вношу консеквенцію, что ваше преосвященство еще до сихъ поръ за таковую Превысочайшую милость Ея Императорскому Величеству не благодарствовалъ. Ежели подлинно такъ есть, какъ я консекторую, то совѣтую вашему преосвященству благодарить вскорѣ и безотлагательно, да не рекутъ: не благодаренъ; да и прочіимъ можете къ полученію милости заградить источникъ милосердій.

Вашего преосвященства моего о Христѣ возлюбленнаго брата вседоброжелательный братъ и слуга, смиренный Амвросій, архіепископъ Новгородскій.

Санктъ-Петербургъ
Ноября 11 дня 1743 года".

По полученіи прописаннаго письма, митрополитъ Рафаилъ отправилъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ слѣдующее письмо:

[1]) Переписка по этому предмету напечатана мною въ 10 № за текущій годъ.

Всемилостивѣйшая, всепресвѣтлѣйшая Великая Государыня, Императрица Елисавета Петровна, Самодержица всероссійская, всемилостивѣйшая Государыня моя!

Хотя по полученіи Высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости въ превращеніи по прежнему епархіи кіевской митрополитанскаго титулу которымъ мнѣ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ именоваться повелѣно, умедлилъ я должнаго всеподданнѣйшаго моего принесть благодареніе Вашему Императорскому Величеству, но, разсуждая въ томъ воздаяніи благодаренія быти всеподданнѣйшую должность мою, безъ нанесенія утружденія Вашему Императорскому Величеству, и уповая на единую высокоматернюю Вашего Императорскаго Величества милость, со всенижайшимъ моимъ до земли челопреклоненіемъ дерзаю всеподданнѣйше принесть благодареніе съ тѣмъ всеусерднѣйшимъ желаніемъ, да всемилостивый Господь сохраняя Вашего Императорскаго Величества дражайшіе здравіе въ долготу лѣтъ, всегда даруетъ полезная промышляти и устроевати о церквѣ своей святой и всей всероссійской Имперіи, Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшей Государыни моей, всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ Рафаилъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи.

11 генваря 1744 года г. Кіевъ.

Письма эти хранятся въ архивѣ Кіевской духовной Консисторіи въ связкѣ № 4 за 1744 годъ.

Протоіерей **П. Орловскій.**

Къ преданіямъ о гр. Потоцкомъ. Отъ своихъ родителей я слышалъ преданіе, что полтораста лѣтъ тому назадъ уволенный отъ службы уніатскій епископъ Рыло прибылъ на жительство въ г. Умань къ Потоцкому, съ которымъ былъ знакомъ и ранѣе. Сей послѣдній изъ состраданія къ нему, назначилъ ему для жительства за городомъ, урочище въ лѣсу называемое *Поливярня*, получившее названіе отъ глины, пригодной для дѣланія поливяной посуды. Водворившись тутъ, Рыло завелъ при помощи Потоцкаго фруктовый садъ и велъ уединенную жизнь. Его любила знать польская и собиралась къ нему изрѣдка для полученія назиданія. Въ одно время при такомъ собраніи епископъ, будучи въ восторженномъ состояніи, пропѣлъ

имъ сентиментальный польскій романсъ. Потоцкій, будучи доволенъ пѣснію подарилъ ему пожизненно села *Цибермановку и Помойникъ*, [1]), сказавъ насмѣшливо: «*бабрайся тамъ до смерти*».

Свящ. **Викторъ Ильяшевичъ.**

Жалоба переяславскаго полковника на укрывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760 г.). Обращеніе свободныхъ обывателей козаковъ въ «подданныхъ» на лѣвой сторонѣ Днѣпра заставляло многихъ «привлекаемыхъ въ подданство» бросать свои родные грунта и, нарушая свои обязательства по отношенію къ землевладѣльцамъ, бѣжать на правый берегъ въ Польшу, въ предѣлы нынѣшней Кіевской губерніи. Во 2-мъ вып. моихъ «Ист. матер. изъ арх. Кіев. губ. Пр.» я помѣстилъ нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, объ этомъ бѣгствѣ съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра (стр. 60—110). Но жалобы на это бѣгство встрѣчаются гораздо раньше указанныхъ годовъ. Дѣла по отысканію бѣглецовъ, возбуждаемыя главнымъ образомъ старшиною Переяславскаго полка, производились, между прочимъ, въ Кіев. губ. Канц. и въ пограничной коммиссіи. Въ такого рода дѣлахъ мнѣ и встрѣтилось приводимое ниже доношеніе переяславскаго полковника Сулимы, писанное имъ 26-го октября 1760 г. на имя гетмана.

«Многіе здѣшняго полку и города Переяслова разнаго званія и достоинства люде и протчіе обыватели Полк. Пер. Канцеляріи представляютъ жалобы, что ихъ служители и служанки, будучи въ службѣ, починя знатныя шкоды, воровства и другія шалости и безчинія, бѣгаютъ въ г. Кіевъ, и хотя объ отпускѣ и состояніи ихъ никакихъ свидѣтельствъ у нихъ не бываетъ, но, учрежденные при г. Кіевѣ караулы безвозбранно прошедъ, скрываются у разныхъ кіевскихъ жителей, а паче по тамошнимъ монастырямъ, гдѣ таковымъ бѣглецамъ, понеже имъ о ихъ состояніи и спросу нѣтъ, и пристань подается; сыскать же ихъ хозяевамъ, за таковымъ укрывательствомъ, (развѣ случайно) никакъ не возможно, отчего хозяева принуждены терпѣть немалыя разоренія; а отъ такова несвѣдомыхъ людей тамо въ Кіевѣ принятія и защищенія съ оного г. Кіева и многіе воровства и разбои начали происходить. Того ради Вашей Ясновельможности о томъ представляя, нижайше прошу повелѣть отъ К. Губ. Канц. истре-

[1]) Села вблизи г. Умани.

бовать, чтобъ на учрежденныхъ при г. Кіевѣ караулахъ крѣпкое смотрѣніе чинено и чрезъ оные никого безъ пашпортовъ и другихъ вѣроятныхъ свидѣтельствъ пропускаемо не было, но если гдѣ тамо каковые бѣглецы покажутся, оныхъ задерживая отсылано бъ въ тѣ мѣста, откудова они бѣжали; да и въ г. Кіевѣ всѣмъ жителямъ, а паче тамошнимъ монастырямъ таковыхъ бѣглецовъ принимать и ихъ защищать запретить; сколько жъ нынѣ тамо гдѣ у кого или при какомъ монастырѣ служителей и служанокъ есть, откуду оные и какого состоянія и есть ли какіе вѣроятству подлежащіе виды, справиться и затѣмъ явившихся бѣглецовъ отослано бъ по ихъ мѣстамъ туда откудова оные и побѣгъ учинили, къ поступленію съ ними по жалобамъ и впрочемъ въ силу Е. И. В. указовъ и правъ малороссійскихъ; на что отъ В. Я. имѣю ожидать въ резолюцію высокоповелительнаго ордера.»

Согласно съ этимъ доношеніемъ и писано было отъ Ген. Войсковой въ Кіев. Губерн. Канцелярію 9-го ноября.

А. А.

Указъ изъ Канцеляріи московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ сбѣжавшаго студента кіевлянина. По указу Е. И. В. въ канцеляріи университета опредѣлено: о сыску самовольно отлучившагося изъ университета присланнаго во оной по имянному Е. И. В. высоч. указу съ прочими для обученія наукъ и бывшаго на казенномъ содержаніи ученика *Ивана Сычевскаго*, котораго отецъ Василій Сычевской и мать нынѣ находятся въ г. Кіевѣ и жительство имѣютъ своимъ дворомъ, въ Кіев. Губ. Канц. послать указъ, предписавъ при томъ, чтобъ къ сыску его Сычевского отъ оной Губ. Канц. въ Кіевѣ въ домѣ оного отца его и въ другихъ жительствахъ отъ той Губ. Канц. употреблены были возможные способы, и по сыску допроса о покраденномъ имъ у ученика изъ казеннаго содержанія Насаченкова платьѣ и прочемъ, чему при семъ прилагается реестръ, и сколько можно оныя отыскавъ, обще съ нимъ Сычевскимъ прислать въ университетъ при оказіи непродолжительно, а если въ сыску не явится, репортовать. И. К. Г. К. учинитъ о томъ по Е. И. В. указу.» Подлинный подписалъ: Михайло Херасковъ. Въ приложенномъ реестрѣ увезенныхъ Сычевскимъ вещей Даніилы Насаченкова значится:

Пара платья осиноваго цвѣту цѣною въ	30 р. —
Кирейка малиновая суконная въ	8 р. —
Полупуховая новая шляпа	1 р. —
Пара шелковыхъ чулковъ	1 р. —
Четыре тонкихъ рубахъ съ простынею въ.	3 р. 50 к.
Образъ на доскѣ Іоанна Златоустаго	2 р. —
Новые башмаки въ	— 35 к.
Всего на	45 р. 85 к.

А. А.

„Никому не принадлежащій“ табакъ въ погребѣ кіевскаго магистрата (1723 г.). Въ 1723 г. князь Трубецкой провѣдалъ, что въ магистратскомъ погребѣ хранится какой то табакъ, никому, такъ сказать, не принадлежащій, и приказалъ подполковнику Щепотину забрать этотъ табакъ. Магистратъ не допустилъ Щепотина къ осмотру своего погреба безъ письменнаго о томъ приказанія губернатора и объяснялъ въ своемъ доношеніи, что де тотъ табакъ «послѣ морового повѣтрія, якъ люде посходилися въ Кіевъ, [1]) въ ратушномъ ліоху въ трехъ бочкахъ въ бумагахъ печатныхъ явился, и отъ того времени по сейчасъ въ ліоху стоитъ, а чій тотъ табакъ и хто его въ ліохъ поставилъ и за чиимъ вѣдомомъ, про тое мы неизвѣстны; и дабы майстратови Кіевскому о оный табакъ отъ кого на потомъ не было якое трудности и турбаціи, хто его именно отбирати будетъ, на тое у Сіятельства Вашего покорно просимъ письменного указу».

Табаку этого «въ картузахъ» оказалось двѣ полныхъ бочки, а въ третьей половина «гнилого и картузы отъ мышей поѣдены.» Когда табакъ доставленъ былъ въ Губ. Канц., его тамъ оцѣнили два москвитина Иванъ Афанасьевъ и Василій Тертичниковъ по 20 к. картузъ и затѣмъ тогда же его продано было 284 картуза, за которые и выручено всего 56 р. 80 к. [2]).

---

[1]) Моровая язва была съ марта 1710 до января 1711 г.

[2]) Купили этого табаку, между прочимъ, оберъ-комендантъ *Штокъ* 40 картузовъ на 8 руб., служитель его Афанасьевъ 60 карт., маіоръ Фонъ-деръ-Берхъ 55 к., Переяславскій комендантъ Яковлевъ 3 к., ратушный писарь 2 к.

По всей вѣроятности, табакъ этотъ былъ провезенъ контрабандным путемъ кѣмъ либо изъ магистратскихъ, почему и подлежалъ конфискаціи въ казну.

А. А.

Святочные подарки отцу протоіерею. Изъ Еленскаго Духовнаго Правленія 5 части благочинному честному отцу Федору Коцубѣнскому предложеніе. Извѣстно честности Вашей, что нѣсть власть, поставленная аще не отъ Бога и они отъ Бога учинены суть, и повиноватися власти не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть и воздать должное. Ему же бо урокъ, ему же честь и ему дань. И какъ во всѣхъ имперіи Россійской станахъ, (въ) духовныхъ правленіяхъ имѣются власти надъ духовенствомъ протоіереи, какъ и въ здѣшнемъ духовномъ правленіи, коимъ все вѣдѣнія его священство объ Воскресныхъ и Рождественскихъ святъ, собравшись единогласно приносятъ даръ своему начальнику съ поздравленіемъ торжественнаго праздника. Почему честности Вашей черезъ сіе объявляется въ находящемся вѣдѣніи Вашемъ всему священству сіе въ скорости разослать съ тѣмъ, чтобы они, не пренебрегая своей власти, пріѣхали-бы съ принесенными дары и поздравленія праздникомъ къ нашему начальнику г-ну протоіерею неодмѣнно, ибо, какъ апостолъ написалъ: «хощеши-ли не боятися власти, благое твори и имѣти будеши отъ него похвалу и честь. Аще злое убойся, небобезъ ума мечъ носитъ.» Присутствующій Іерей Георгій Сулима. Генваря 8 дня 1798 года № 14.

(Извлеченъ изъ архива въ балтскомъ уѣздѣ подольской губ. Балта, въ концѣ XVIII вѣка, именовалась Еленскъ).

П. Китицынъ.

Библіографія.

Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. (Изданіе Свято-Владимірскаго православнаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ). Составилъ членъ братства О. И. Левицкій. Кіевъ. 1892 г.

«Краткая опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищѣ православнаго Свято-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. (Изданіе Свято-Владимірскаго братства»). Кіевъ, 1892 г.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось девять вѣковъ со времени учрежденія на Волыни православной епископіи. Явленіе это представляется важнымъ не только по своей древности, но и по тому значенію, которое оно имѣетъ для мѣстнаго православнаго населенія, долго находившагося подъ гнетомъ уніи и лишь сто лѣтъ тому назадъ возвратившагося къ отеческой вѣрѣ. Празднованіе памяти этого событія указало на необходимость историчекой справки, на необходимость оглянуться на пережитое время, полное фактами національно-религіозной борьбы. Трудъ сдѣлать такую справку принялъ на себя членъ Св.-Владимірскаго братства О. И. Левицкій, заявившій себя нѣсколькими выдающимися печатными трудами по исторіи Волыни и, особенно, мѣстной церковной исторіи.

Такъ какъ предметомъ празднованія служило учрежденіе епископіи, а эта послѣдняя обусловливала существованіе каѳедральнаго храма, то поэтому храмъ является живымъ памятникомъ и свидѣтелемъ былой жизни; его исторія есть исторія и волынской епископіи и вообще мѣстной церковной жизни. Такимъ образомъ, г. Левицкій, поставивъ себѣ цѣлью историческое описаніе перваго, напоминаетъ отчасти и вторую. Сообщаемыя авторомъ данныя о судьбѣ храма заимствованы имъ изъ источниковъ не для

всѣхъ извѣстныхъ и доступныхъ, какъ напр., неизданные документы изъ древнихъ актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива, консисторскія дѣла, современная текущая переписка правительственныхъ учрежденій края и, наконецъ, личное участіе въ экспертной коммиссіи, производившей изслѣдованіе мѣстныхъ древностей; все это дѣлаетъ разсматриваемый трудъ весьма важнымъ, интереснымъ и полезнымъ руководствомъ не только въ дни ираздиества, но и во всякое другое время для мѣстныхъ дѣятелей. Когда рѣчь заходитъ о времени учрежденія епископіи для волынскаго края, самъ собою возникаетъ вопросъ и о храмѣ, и такъ какъ учрежденіе епископіи несомнѣнно принадлежитъ Владиміру св., то и построеніе храмовъ, развалины которыхъ сохранились до сихъ поръ, а имена строителей забыты, приписывается ему же; таковы, напр., развалины Успенскаго собора и Васильевской церкви въ г. Владимірѣ-Волынскѣ, двѣ церкви въ с. Зимномъ, Васильевская церковь въ г. Овручѣ и Дмитріевская въ г. Луцкѣ; современныя сказанія, относящія время сооруженія этихъ церквей къ X-му вѣку, опираются на преданіе. Авторъ рѣшительно отрицаетъ преданіе и главнымъ основаніемъ сказаній считаетъ домыслы мѣстныхъ изслѣдователей, въ доказательство чего приводитъ и примѣры. Археологическое изученіе г. Левицкимъ храмовъ, вмѣстѣ съ проф. А. В. Праховымъ и проф. В. Б. Антоновичемъ, приводитъ его къ заключенію, что на Волыни не сохранилось построекъ времени св. Владиміра, и наиболѣе раннія изъ нихъ относятся къ XII вѣку, такъ какъ храмы, воздвигнутые просвѣтителемъ Россіи, могли быть только деревянные, потому что каменно-строительное искусство было еще очень мало развито въ ту пору на Руси. Такого-же мнѣнія авторъ и относительно епископской каѳедры въ г. Владимірѣ-Волынскомъ; изъ изученія данныхъ лѣтописи онъ дѣлаетъ выводъ, что Успенскій храмъ былъ построенъ кн. Мстиславомъ Изяславичемъ между 1157—1160 гг. и притомъ раньше другихъ древнихъ храмовъ Волыни. Обращаясь къ исторіи храма, г. Левицкій различаетъ въ ней три періода: первый—древне-русскій, когда съ распространеніемъ и усиленіемъ православія на Волыни и водвореніемъ здѣсь потомковъ Мстислава Изяславича храмъ становится «отнимъ» для князей, которые при жизни соревнуютъ въ украшеніи и обогащеніи фамильной для нихъ святыни, а по смерти ихъ бренныя останки находятъ въ ней послѣдній пріютъ. Это былъ лучшій періодъ въ исторіи города и храма. Второй періодъ былъ уже неблагопріятенъ для г. Владиміра и его каѳедры. Первый съ переходомъ Волыни подъ власть литовскихъ

князей долженъ былъ уступить свое первенство г. Луцку, а Успенскій храмъ, хотя и получалъ пожертвованія отъ православныхъ литовскихъ князей, въ то же время подвергался частымъ разореніямъ со стороны татаръ, раздѣляя участь цѣлаго края, и со стороны своихъ владыкъ, которые видѣли въ епархіи лишь доходную статью. Съ подчиненіемъ волынскаго края Польшѣ и распространеніемъ уніи здѣсь храмъ раньше другихъ былъ захваченъ уніатами, и съ этихъ поръ начинается для него третій, польско-уніатскій, періодъ. Уніаты воспользовались значеніемъ храма для православія и прежде всего позаботились упрочить власть свою надъ нимъ и при его посредствѣ надъ православнымъ населеніемъ: въ виду этого уніаты поддерживали благолѣпіе храма, и до XVIII вѣка Успенскій храмъ оставался неприкосновеннымъ, сохраняя свой древній видъ и служа теперь каѳедрой не только епископа, но и кіевскаго уніатскаго митрополита. Съ XVIII в. въ храмѣ начинаются перестройки, которыя постепенно измѣняютъ прежній его видъ, приближая его по внѣшности къ католическому костелу; передѣлка привела къ тому, что храмъ началъ разрушаться, и въ такомъ видѣ возвращенъ Россіи; первое время онъ былъ занятъ военными складами и «мерзость запустѣнія стала водворяться въ мѣстѣ святѣ». Но съ начала текущаго столѣтія и мѣстная духовная власть, и епархіальное начальство, и высшая администрація принимаютъ мѣры къ реставраціи этого славнаго памятника старины; однако до сихъ поръ дѣло не доведено до конца. Поэтому, въ заключеніе, авторъ высказываетъ такія благожеланія: 1) «долгъ исторической справедливости—возвратить этой вѣковой святынѣ ея первоначальное назначеніе, а не оставлять ее въ нынѣшнемъ плачевномъ видѣ, скорѣе напоминающемъ полуразрушенный латинскій костелъ, нежели православный храмъ; 2) «задача нашего времени — возстановить Мстиславовъ храмъ по возможности въ его первоначальномъ видѣ, со строгимъ соблюденіемъ особенностей древнерусскаго церковнаго стиля,» и 3) наконецъ остается желать, чтобы одновременно съ возобновленіемъ Мстиславова храма были приложены заботы и объ учрежденіи при немъ русской школы, которая могла бы возвратить г. Владиміру его древнее значеніе религіозно-просвѣтительнаго центра на юго-западной окраинѣ русскаго міра.» Отъ всей души желаемъ, чтобы все выраженное авторомъ со временемъ исполнилось и, особенно, чтобы городъ сталъ такимъ просвѣтительнымъ центромъ края въ будущемъ, какимъ былъ онъ въ первый періодъ своего существованія. Это послѣднее желаніе главное и

существенное; къ нему приложится уже и все остальное. Къ сожалѣнію, авторъ, высказывая его и посвящая цѣлую VI-ю главу на указаніе просвѣтительнаго значенія г. Владиміра въ польско-уніатскій періодъ, когда процвѣтала тамъ базиліанская школа, лишь мимоходомъ, въ двухъ словахъ, говоритъ о таковомъ же значеніи города въ древнѣйшій русскій періодъ его исторіи. Правда лѣтописныя данныя объ этомъ скудны, но все же онѣ сообщаютъ кое-что и для исторіи просвѣщенія, для котораго особенно, напр., важна была дѣятельность кн. Владиміра Васильковича.

Въ концѣ книги приложенъ обстоятельный списокъ владиміро-волынскихъ епископовъ, изъ числа которыхъ трое причислено къ лику святыхъ; есть также новыя, доселѣ неизвѣстныя имена. Для составленія списка авторъ воспользовался не только всѣми новоизданными матеріалами, но также и сырыми архивными, что обезпечиваетъ, на сколько возможно въ настоящее время, полноту его и достовѣрность.

Прекрасному изложенію книги соотвѣтствуетъ ея изящная внѣшность; если первое составляетъ заслугу автора, отличающую его и въ другихъ работахъ, то вторая дѣлаетъ честь заведенію г. Кульженка, отчетливо и красиво исполнившему хромолитографическіе и фототипическіе снимки плана и фасада Успенскаго собора, приложенные къ «Описанію». Изданіе сдѣлано на средства Св.-Владимірскаго владиміро-волынскаго братства, которое, кромѣ разобранной нами книги, напечатало еще *«Краткую опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищѣ православнаго Св.-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскѣ». (Кіевъ. 1892 г.)*. Изъ этой описи мы видимъ, что въ древлехранилищѣ находится 38 предметовъ: образовъ [1]), крестовъ, антиминсовъ, священническихъ одеждъ изъ древнихъ храмовъ Волыни и много самыхъ разнообразныхъ остатковъ, найденныхъ на мѣстѣ развалинъ этихъ храмовъ во Владимірѣ, Луцкѣ и окрестныхъ селахъ; вблизи Мстиславова храма и при раскопкѣ замка, сооруженнаго, по предположенію, королемъ Казимиромъ, найдено 66 предметовъ; здѣсь находимъ и кресты, и образки, и деньги, и оружіе, и другіе предметы, и сбрую и проч. Подъ рубрикой: «акварельныя рисунки, фотографическіе снимки и брошюры,» кромѣ предметовъ

[1]) Для образца къ описи приложена литографическая копія „образа Благовѣщенія, писаннаго въ 1579 г. Ѳеодосіемъ изъ Самбора по заказу Матрены Ивановицкой."

этого рода, встрѣчается не мало и такихъ, которые подъ указанную рубрику вовсе не подходятъ; напр. проектъ проф. А. В. Прахова, серебряная таблица ex voto 1653, изнанка серебрянаго оклада евангелія, надгробіе Козѣки, древній крестъ и проч. Всѣхъ такихъ предметовъ 94.

Въ древлехранилищѣ находятся еще рукописи и скоропечатныя книги, числомъ 32; изъ рукописей древнѣйшія не восходятъ далѣе XV в., а изъ старопечатныхъ книгъ мы находимъ нѣсколько виленскихъ изданій работы Петра Мстиславца; по содержанію это въ большинствѣ рукописныя или печатныя священныя и богослужебныя книги; есть сборникъ визитъ 174 церквей.

«Краткая опись» предметовъ и рукописей древлехранилища сдѣлана довольно обстоятельно, но въ распредѣленіи археологическаго и археографическаго матеріала мы не видимъ никакой опредѣленной системы.

И. Каманинъ.

Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе этнограф. отдѣла Импер. Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при москов. университетѣ. Подъ ред. Н. А. Янчука. Книги XI и XII. (1891, № 4 и 1892, № 1).

Въ настоящей книжкѣ нашего журнала мы даемъ отзывъ только о двухъ номерахъ «Этногр. Обозрѣнія», а не о трехъ, какъ то можно было бы ожидать, въ виду того, что второй номеръ этого изданія за текущій годъ сгорѣлъ весной во время бывшаго пожара въ типографіи Левенсона въ Москвѣ и можетъ быть возобновленъ издателями только при выпускѣ третьяго номера уже осенью.

Предлежащія книжки заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго по южно-русской этнографіи. Въ этомъ отношеніи выдающееся мѣсто въ названныхъ книжкахъ принадлежитъ статьѣ галицкаго писателя г. *В. Охримовича* подъ заглавіемъ »*Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи*». Хотя, вообще говоря, малорусской свадьбѣ посчастливилось въ нашей этнографической литературѣ, такъ какъ обрядъ этотъ со всѣми подробностями былъ записанъ этнографами—собирателями много разъ въ разныхъ концахъ южно-русскаго края и подвергся значительной научной обработкѣ со стороны такихъ литературныхъ дѣятелей въ области этнографіи, какъ Костомаровъ, Янчукъ, Сумцовъ и др., тѣмъ

не менѣе г. Охримовичъ умѣлъ сдѣлать свою работу по данному сюжету въ высшей степени интересной, обративъ въ ней вниманіе на такую сторону дѣла, которая его предшественниками была мало затронута. Онъ слѣдитъ въ свадебномъ матеріалѣ за всѣми чертами, свидѣтельствующими о существованіи въ предѣлахъ малорусской семьи матріархата и на основаніи добытыхъ такимъ образомъ данныхъ сближаетъ развитіе семьи у насъ съ развитіемъ ея у другихъ индо-европейскихъ народностей и у остальныхъ рассъ. Исходными положеніями г. Охримовича въ его изслѣдованіи являются слѣдующія заключенія о развитіи семейныхъ отношеній, извлеченныя имъ изъ работъ европейскихъ ученыхъ Бахофена, Моргана, Макъ-Леннана, Жиро Телона, Даргуна и мн. др. «Моногамія, читаемъ у г. Охримовича, со всѣми ея основными признаками—только временная форма семьи и брака; ей предшествовали, а равно могутъ и смѣнить ее другія формы. Первобытныя же формы семьи и брака, предшествовавшія моногаміи, какъ безпорядочное сожительство, кровосмѣсительство, пуналюанская («своиста») семья, основывались на поліандріи (многомужествѣ) и полигаміи (многоженствѣ): цѣлой группѣ женщинъ соотвѣтствовала такая же группа общихъ мужей. Очевидно, что при такомъ устройствѣ отцовство (отцевская власть, paternitas) не могло имѣть никакого значенія; гдѣ не было постояннаго, всѣми признаннаго мужа, тамъ не могло быть опредѣленнаго общепризнаннаго отца. Зато материнство имѣло большое значеніе: только тѣ считались кровными родственниками, у которыхъ была общая мать, бабушка по матери, прабабушка и т. д. Только дѣти отъ одной общей матери считались братьями и сестрами, дѣти же одного отца—чужими и могли вступать въ бракъ между собою; словомъ, порядокъ родства шелъ по женской линіи. Согласно съ этимъ и система названій родства, родовое устройство, половая организація, запрещеніе брака, право наслѣдованія—всѣ эти семейныя и общественныя начала основывались на родствѣ по женской линіи. Дѣти причислялись къ роду матери, но не отца; дѣти наслѣдовали по матери имя, семейныя божества и имущество, но не могли наслѣдовать по отцу. Такъ какъ отецъ и мужъ не могли имѣть тогда никакого значенія, то о власти мужа и отца, о подчиненности жены не могло быть и рѣчи. Въ замѣнъ этого братъ и дядя были ближайшими родственниками каждой женщины: они замѣняли ей отца и мужа, заботились о ней, о ея дѣтяхъ, защищали ихъ. Мужчины составляли главную продуктивную силу, однако каждый изъ нихъ ра-

боталъ не на своихъ дѣтей, а на своихъ сестеръ и племянницъ, сестры и племянницы наслѣдовали послѣ нихъ. Женщины имѣли рѣшающій голосъ въ семейныхъ дѣлахъ; они принимали также участіе въ общественныхъ собраніяхъ и вообще въ дѣлахъ общественныхъ. Такое устройство въ соціологіи принято называть *матріархальнымъ* въ противоположность позднѣйшему—патріархальному.»

Въ изслѣдованіи своемъ относительно проявленій матріархата въ малорусской семьѣ г. Охримовичъ даетъ слѣдующія заключенія: 1) Въ пѣсняхъ мать продаетъ дочь замужъ; матери, а не отцу достаются подарки въ качествѣ платы за невѣсту. 2) Мать получаетъ благодарность за выданную дочь. 3) Старшинство матери сказывается и при расчесываніи косы, положеніи вѣнка и иныхъ родственныхъ обрядахъ. 4) Мать воспитательница дочери; въ обрядахъ, напоминающихъ умыканіе (Raubehe) мать одна, а не отецъ, защищаетъ дочь-невѣсту отъ наѣздниковъ-бояръ, мать, а не отецъ, отправляется въ погоню за увезенной дочерью. 5) При женитьбѣ сына гостинецъ («балець») за воспитаніе его достается только матери. Мать, отправляющая сына на войну и научающая его, чтобы «напередъ війска не вырывався, а позадъ війська не зоставався»—это одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ образовъ въ малорусскихъ колядкахъ. Наоборотъ, отецъ, научающій сына при отправленіи его на войну,—это образъ въ древнѣйшей малорусской поэзіи или совсѣмъ неизвѣстный и небывалый, или во всякомъ случаѣ исключительный. 6) Мать самостоятельная хозяйка дома (господыня); мать—старшая жрица; мать—самостоятельная собственница имущества. Авторъ имѣетъ при этомъ въ виду встрѣчу молодыхъ матерью, благословеніе ею молодой хлѣбомъ и солью, одариваніе ею зятя. 7) Для жениха невѣста является женою, для свекра—невѣсткою, а для свекрови—слугою, невольницею. 8) Кромѣ свадебной матери, есть еще одинъ очень важный свидѣтель матріархальнаго времени; это свадебный братъ, именно братъ невѣсты. Въ матріархальныя времена права и обязанности брата по отношенію къ сестрѣ и ея дѣтямъ были приблизительно таковы, какъ въ настоящее время права и обязанности мужа по отношенію къ женѣ и дѣтямъ. Громадное значеніе брата, именно брата невѣсты, въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ сильно напоминаетъ эти отдаленныя матріархальныя времена и въ нихъ только находитъ свое объясненіе. Наиболѣе сильно и выразительно замѣчается оно въ двухъ очень важныхъ и распространенныхъ обрядахъ: въ выкупѣ невѣсты и расплетаніи косы невѣсты. То, что теперь

осталось лишь обрядомъ, когда-то было жизненной правдой, и то, что теперь составляетъ свадебную драму, было драмою жизни. А было все это правдою и жизненною драмою именно во времена женитьбы черезъ умыканіе (Raubehe) и покупку (Kaufehe). Оба эти періода отразились въ обрядѣ выкупа очень вѣрно и наглядно, и именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ смѣняли они другъ друга въ своемъ историческомъ развитіи. Дружко и бояре сначала силою хотятъ взять невѣсту, а братъ защищаетъ ее: это намекъ на умыканіе невѣсты. Потомъ дружко и бояре покупаютъ невѣсту, а братъ торгуется и продаетъ ее: это отголосокъ періода купли невѣстъ. Почему важнѣйшая и труднѣйшая обязанность (братъ грудью защищаетъ невѣсту) и наибольшее право (братъ продаетъ невѣсту, какъ свою собственность) принадлежитъ брату, а не отцу или кому другому, это мотивируютъ подруги невѣсты. Братъ, по ихъ словамъ, сестру свою «не рикъ, не два годувавъ, тай не три одягавъ» и т. п.

Разрушеніе матріархата, по утвержденію г. Охримовича, заключалось уже въ обрядахъ умыканія и купли невѣстъ. Умыкавшій и покупавшій становился мало по малу главою женщины, а затѣмъ и семьи. Отсюда слѣдуетъ вести поэтому начало патріархата. Само собою, подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ условій и въ обрядахъ свадебныхъ должны были происходить соотвѣтственныя измѣненія. Г. Охримовичъ этимъ объясняетъ, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ мѣстностяхъ въ свадебныхъ обрядахъ играетъ большую роль отецъ, чѣмъ мать, и вообще мужчины большую роль, чѣмъ женщины. Но сводя статистику пѣсенъ съ преобладаніемъ матери надъ отцемъ и противоположныхъ онъ приходитъ къ заключенію, что первыхъ безконечно больше. «Гдѣ отецъ, читаемъ затѣмъ у г. Охримовича, числомъ пѣсенъ и обрядовъ беретъ перевѣсъ надъ матерью, тамъ слѣды старины очень скудны и бѣдны, тамъ весь свадебный матеріалъ сокращенъ, урѣзанъ и такъ сказать захудалъ. Такъ, напр., въ Лолинѣ, гдѣ изъ всѣхъ мѣстностей Галицкой Руси свадебная мать пользуется наибольшимъ почетомъ, на свадьбѣ поется 181 пѣсня, а въ Угновѣ, гдѣ изъ всѣхъ мѣстностей Галицкой Руси отецъ въ наибольшемъ уваженіи, число свадебныхъ пѣсенъ сокращается до 28 (почти до $^1/_7$). Что же касается всей Галиціи, то я замѣчалъ, что въ горахъ, гдѣ всякая старина дольше сохраняется, значеніе матери и въ обрядахъ, и въ пѣсняхъ гораздо больше, чѣмъ на равнинѣ, гдѣ значеніе свадебной матери болѣе уравнено съ значеніемъ отца». «Важно также и то, замѣчаетъ г. Охримовичъ далѣе, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

свадебная мать имѣетъ большое преобладаніе надъ отцемъ, тамъ и значеніе брата выступаетъ сильнѣе и рельефнѣе, а тамъ, гдѣ больше значенія имѣетъ свадебный отецъ, значеніе брата стушевывается. Въ Буковинѣ (Купчанко), въ кобринскомъ уѣздѣ, въ Гостомлѣ кіев. у., въ Угновѣ жолковскаго у. свадебный отецъ имѣетъ большое значеніе, свадебный братъ очень малое,—и тамъ очень мало остатковъ первоначальнаго семейнаго строя. Наоборотъ, въ Лолинѣ долинск. у., въ Борисполѣ переясл. у., въ Чашникахъ и Дубровкѣ лепельскаго у. и т. д. свадебная мать и братъ имѣютъ большое значеніе — и тамъ остатковъ первоначальнаго строя семьи очень много.»

Изслѣдованіе г. Охримовича было написано первоначально по малорусски и переведено на русскій языкъ уже въ редакціи «Этногр. Обозрѣнія.» Статья производитъ самое пріятное впечатлѣніе не только по своему содержанію и методу работы, но и по изложенію, вполнѣ стройному, ни на минуту не дающему читателю забыть основной темы автора. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ данная работа г. Охримовича стоитъ въ числѣ немногихъ наиболѣе симпатичныхъ научныхъ галицкихъ изслѣдованій.

Значительный интересъ въ области малорусской этнографіи представляетъ въ разбираемыхъ книжкахъ «Этногр. Обозрѣнія» и статья *проф. Н. Ѳ. Сумцова «Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки»*. Статья заключаетъ въ себѣ сводъ пѣсенъ и сказокъ различныхъ европейскихъ народовъ о невѣрности жены, разоблаченной случайнымъ благопріятелемъ обманываемаго мужа. Малорусской сказкой на эту тему, какъ извѣстно, воспользовался для своего «Простака» Гоголь-отецъ и для «Москаля-чарівныка» Котляревскій. Г. Сумцовъ, приведя пѣсню о гостѣ Терентіи въ ея олонецкой записи, отмѣтилъ совершенно убѣдительно всю неосновательность заключенія покойнаго Безсонова, будто пѣсня эта была непремѣнно новгородскаго происхожденія; единственнымъ поводомъ для такого заключенія было наименованіе Терентія гостемъ—купцомъ. Обиліе версій данной пѣсни и распространенность ея повсюду въ Европѣ требовало иного вывода. Такой выводъ, по мнѣнію почтеннаго автора, данъ въ 1875 г. извѣстнымъ французскимъ ученымъ *Гастономъ Парисомъ* въ брошюрѣ «*Les contes orientaux dans la littérature française du moyen âge*» (рус. перев. Шепелевича 1886 г.). «Что касается безчисленныхъ сказокъ, пишетъ Гастонъ Парисъ,—почти всегда забавныхъ, слишкомъ часто грубыхъ, сюжетъ которыхъ хитрость и вѣроломство женщинъ, то онѣ не родились въ средневѣковомъ обществѣ, онѣ

происходятъ изъ Индіи и имѣютъ свой raison d'être въ средѣ, которая ихъ произвела. Отчужденіе отъ всего, что возбуждаетъ желаніе и тревожитъ душу, полное самообладаніе, боязнь мірскихъ привязанностей и скорбей—таковъ смыслъ буддійской доктрины. Авторами разсказовъ, составленныхъ съ тѣмъ, чтобы заставить эту доктрину проникнуть въ сердца, были иноки, очень похожіе на западныхъ, которые старались внушить любовь къ безбрачію, не столько расхваливая мистическую красоту дѣвственности, сколько указывая на безобразіе, пошлость, заботы и опасности брака. Ихъ разсказы были съ удовольствіемъ собраны западными клириками, расположенными смотрѣть почти такъ же на брачную жизнь, и служили здѣсь, какъ и тамъ, къ отвлеченію отъ нея молодыхъ людей. Чтобы понять духъ этихъ сказокъ, нужно помнить, что онѣ были созданы въ странѣ, гдѣ женщины, лишенныя свободы, образованія, сознанія собственнаго достоинства, всегда имѣли извѣстные пороки, изображеніе которыхъ, преувеличенное уже въ Индіи, могло всегда считаться въ Европѣ крайней карикатурой. Благодаря злобѣ, этимъ несправедливымъ къ женщинамъ сказкамъ повезло у насъ (Франція), и онѣ переходили, обновляясь безпрестанно, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Наше поколѣніе еще повторяетъ нѣкоторыя, не принимая морали, которую онѣ проповѣдуютъ, а только ради смѣха, такъ какъ онѣ остроумны и пикантны». (19—20).

Спору нѣтъ, что такое объясненіе причинъ возникновенія сказокъ о невѣрности женъ весьма вѣроятно; но въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ авторомъ разбираемой статьи, не указано никакой связи европейскихъ пѣсенъ и сказокъ интересующаго насъ содержанія съ буддійскими цѣлями и стремленіями, и потому выводъ Гастона Париса о происхожденіи сказокъ про невѣрность женъ и ихъ уличеніе кажется столь же произвольнымъ, какъ и выводъ Безсонова, хотя онъ и болѣе интересенъ, и основанъ на большой учености.

Малорусская жизнь затронута и въ статьѣ г. *А. Верхова*. «*Народныя колыбельныя пѣсни*» (1892, № 1). Авторъ прекрасно выясняетъ громадное значеніе для этнографа колыбельныхъ пѣсенъ. «Кругъ предметовъ и понятій, читаемъ въ статьѣ, захватываемыхъ колыбельною пѣснею, весьма широкъ: все, что входитъ, такъ сказать, въ составъ души человѣческой, здѣсь отражается съ большею или меньшею степенью яркости». Почему это такъ—намъ уясняетъ весь складъ нашей крестьянской жизни и съ частности положеніе въ ней женщины. «Вотъ, говоритъ авторъ, сидитъ мать надъ колыбелью

своего дѣтища, источника ея надеждъ и упованій Сначала, будучи занята все еще хозяйственными хлопотами, она думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе усыпить ребенка, прервавшаго ея работу. И она въ задумчивости затягиваетъ какой-нибудь мотивъ пѣсни. Мало-по-малу мысли ея обращаются къ ребенку. Конечно, первымъ долгомъ ея при такомъ оборотѣ мыслей является необходимость познакомить ребенка съ окружающимъ его міркомъ. Являются на сцену сначала одушевленные предметы, какъ напр. «киця», «гули» и т. п., а затѣмъ и неодушевленные, какъ колыбель. Эти пѣсни составляютъ какъ бы первый періодъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ. Здѣсь личныя чувства матери почти незамѣтны. Отдаваясь все сильнѣе и сильнѣе своимъ мыслямъ, мать обдумываетъ и будущую судьбу малютки во всѣхъ періодахъ его жизни. Мысль все еще вертится около ребенка, но въ составъ пѣсни уже входятъ въ болѣе или менѣе значительной дозѣ чувства и побужденія матери. Это дальнѣйшая ступень къ расширенію матеріала колыбельныхъ пѣсенъ. Уносясь все далѣе и далѣе волною своихъ мыслей, мать забываетъ о своихъ воспитательныхъ задачахъ и даже о дорогомъ ея сердцу малюткѣ: она входитъ въ область своихъ воспоминаній и раскрываетъ передъ нами свое міросозерцаніе и свои духовныя сокровища. Это заключительный періодъ въ колыбельной пѣснѣ, періодъ не въ смыслѣ опредѣленнаго срока времени, а въ смыслѣ порядка смѣняющихся душевныхъ настроеній».

Соотвѣтственно такимъ указаннымъ тремъ періодамъ авторъ и намѣренъ разсмотрѣть этнографическій матеріалъ, представляемый колыбельными пѣснями великорусскими, малорусскими и бѣлорусскими. Въ разбираемой теперь статьѣ авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе пока надъ первымъ періодомъ, т. е. надъ пѣснями, ведущими рѣчь о мірѣ, доступномъ пониманію ребенка.

Можно было бы сказать, что авторъ вполнѣ исчерпываетъ обрабатываемый имъ этнографическій матеріалъ, но трудно не замѣтить, что работа его получила бы въ смыслѣ этнографическомъ еще большую округлость, если бы въ ней не былъ смѣшанъ матеріалъ разныхъ народностей и еслибъ напротивъ этнографическія картины послѣдовательно были извлечены изъ пѣсенъ каждой отдѣльной русской народности.

Мысль о рѣзкой этнографической обособленности этихъ народностей легко можетъ придти на умъ всякому, хотя бы при чтеніи разбираемыхъ книжекъ «Этногр. Обозрѣнія», заключающихъ въ себѣ между прочимъ двѣ очень цѣнныхъ статьи по бѣлорусской этногра-

фіи. Разумѣемъ статью *А. Е. Грузинскаго — «Изъ этнографическихъ наблюденій въ рѣчицкомъ уѣздѣ минской губерніи»* (1891, № 4) и статью *Н. Я. Никифоровскаго. — «Очерки Витебской Бѣлоруссіи. 1) Старцы»* (1892, № 1). Обѣ статьи трактуютъ о своего рода братствахъ нищихъ старцевъ, пѣніе которыхъ доставляетъ духовное удовлетвореніе бѣлорусскому народу. Характеристика этихъ старцевъ сама собой вызываетъ для сравненія образы нашихъ кобзарей и лирниковъ и напоминаетъ о многихъ этнографическихъ отличіяхъ между бѣлоруссами и малоруссами. Къ тому же въ № 1 за текущій годъ мы находимъ еще и статью *А. П. Малинки. «Прокопъ Чубъ»*. Характеризуемый въ ней Чубъ (изъ с. Мокіевки нѣжин. у.), представляетъ собою не то кобзаря, не то лирника; онъ не поетъ уже думъ, какъ пѣли кобзари, но въ его бытовыхъ пѣсняхъ, часто юмористическаго содержанія, нѣтъ и слишкомъ уличнаго, подчасъ циничнаго тона лирницкихъ пѣсенъ. Отъ него авторомъ записаны и приведены въ статьѣ слѣд. произведенія: *«Сонъ Богородицы»*, *«Про Єгорыя»*, *«Чумакъ»*, *«Про мищанку»*, *Про «Хому та Яремy»*, *«Про вдову»*, *«Про тещу»*. Чубъ является типичнымъ малороссомъ, мало похожимъ на характеризуемыхъ въ предъидущихъ статьяхъ бѣлорусскихъ пѣвцовъ Романа, крестьянина дер. Сенской рѣчицкаго у. минской губ, Арона Заброду изъ деревни Крупейки того же уѣзда и губерніи и «Сумона (Семена) сляпого» витеб. губерніи.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить окончанія статьи *В. Ѳ. Миллера «Кавказско-русскія параллели» III.* (1891, № 4). Въ данной статьѣ авторъ ищетъ въ кавказскихъ народныхъ разсказахъ параллелей нашимъ Добрынѣ и Алешѣ Поповичу, причемъ главное вниманіе его обращено на превращеніе Добрыни въ тура чародѣйкой Мариной и на несостоявшійся бракъ Алеши Поповича на Добрыниной женѣ. Въ числѣ другихъ параллельныхъ сказаній въ данномъ случаѣ привлечена къ дѣлу турецкая сказка объ Ашикъ-Керибѣ, «пѣвцѣ-странникѣ», которую слышалъ Лермонтовъ на Кавказѣ. Обиліе параллелей на Кавказѣ русскимъ былиннымъ и сказочнымъ сюжетамъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что «гигантскій горный хребетъ Кавказа, представляющій широкую труднопроходимую стѣну между двумя морями, служилъ исконп убѣжищемъ для множества народовъ, которые двигались съ востока на западъ по обѣ его стороны, по сѣвернымъ степямъ и южнымъ плоскогоріямъ Малой Азіи, а также тѣмъ, что «и съ сѣвера, и съ юга отбившіяся съ торнаго пути племена загонялись другими, болѣе сильными, въ горныя ущелья и про-

живали въ нихъ вѣками, дѣлая изъ кавказскаго перешейка какой-то природный этнографическій музей.» Русскій міръ не прерывалъ сношеній съ этимъ міромъ и во времена хазарскаго могущества, и затѣмъ при существованіи русскаго княженія въ Тмутаракани, и при широкомъ разливѣ на востокѣ половцевъ и др. кочевниковъ вплоть до поселенія по Кубани черноморскихъ казаковъ, бывшихъ запорожцевъ. При такихъ условіяхъ не удивительно, что большая часть сближеній почтеннаго автора между русскими и кавказскими сюжетами оказываются лишенными натяжекъ и представляютъ достаточную научную достовѣрность, избавляя его отъ рискованныхъ заключеній, свойственныхъ многимъ другимъ фолклористамъ.

Я. Ш.

Analecta byzantino-russica. Edidit W. Regel. Petropoli. A. MDCCCXCI.

Г. Регель, издавшій въ означенномъ сборникѣ нѣсколько документовъ, касающихся русской исторіи, на греческомъ языкѣ, присоединилъ къ нимъ рядъ своихъ замѣчаній и соображеній въ видѣ отдѣльныхъ болѣе или менѣе обширныхъ статей. Сборникъ этотъ составился совершенно случайно. Авторъ производилъ изысканія въ библіотекахъ и архивахъ Патмоса, Рима, Мадрида, Лондона и Москвы для византійской исторіи XII столѣтія. Ему пришла мысль выдѣлить матеріалы, касающіеся русской исторіи, и издать ихъ въ видѣ отдѣльнаго сборника. Документы и матеріалы изданы съ дипломатическою точностью; статьи автора написаны на французскомъ языкѣ; оглавленіе сдѣлано по латыни. Намъ казалось-бы, что г. Регель могъ-бы съ успѣхомъ воспользоваться и языкомъ русскимъ, во первыхъ потому что изданные матеріалы имѣютъ интересъ главнымъ образомъ для историка Россіи, а не универсальный; во вторыхъ потому, что для человѣка ученаго и за границей знаніе русскаго языка является болѣе и болѣе обязательнымъ, и примѣровъ такого знанія мы можемъ указать уже не мало.

Нѣкоторые документы извѣстны были давно, но г. Регель вновь помѣщаетъ ихъ въ своемъ сборникѣ въ виду того, что ему удалось найти новые варіанты. Къ числу такихъ матеріаловъ надо отнести Бандуріеву легенду о крещеніи Руси. Она была издана; ею пользовались русскіе ученые, но дѣло въ томъ, это эта извѣстная редакція не имѣла начала. Г. Регелю удалось найти на о—вѣ Патмосѣ въ мо-

настырѣ Св. Евангелиста Іоанна копію съ началомъ. Въ русской исторической наукѣ, какъ извѣстно, этой легендѣ не придается никакого значенія. Г. Регель, сличая найденную имъ рукопись съ «Житіемъ св. Владиміра» и русскою лѣтописью, приходитъ къ заключенію, что авторомъ этой легенды былъ не грекъ, какъ предполагали до сихъ поръ, а русскій человѣкъ. Доводы, приводимые г. Регелемъ въ пользу своего мнѣнія, кажутся намъ вполнѣ основательными. Эту чисто славянскую основу легенды взялъ уже въ готовомъ видѣ грекъ и, соединивъ ее съ сообщеніями греческихъ источниковъ, постарался сдѣлать ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе понятной для греческой публики, при чемъ спуталъ два разсказа о крещеніи Руси—при Аскольдѣ и при Владимірѣ Св.

Весьма интересны письма іеромонаха Исидора, бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ кіевскомъ. Найдены они г. Регелемъ въ ватиканской библіотекѣ, въ особомъ греческомъ кодексѣ. Особенно замѣчательны два письма къ извѣстному итальянскому гуманисту Гварино. Личность Исидора выступаетъ тутъ въ новомъ свѣтѣ. Самый характеръ его дѣятельности является въ новомъ видѣ. Не матеріальныя выгоды руководятъ Исидоромъ на Флорентійскомъ соборѣ; не былъ онъ также и тайнымъ носителемъ католическихъ убѣжденій, а былъ православнымъ, но, главнымъ образомъ, по своему образу мыслей, по своему образованію Исидоръ является гуманистомъ. Вотъ почему для него, при всемъ его православіи, политическое положеніе Византійской имперіи, судьба его отечества, стояли выше, имѣли большую цѣну, чѣмъ всѣ догматическія разногласія между востокомъ и западомъ. Намъ кажется, что этотъ взглядъ на Исидора, устанавливаемый, благодаря новооткрытымъ письмамъ, г. Регелемъ является вполнѣ правильнымъ и единственно объективнымъ для историка.

Въ VI главѣ г. Регель подвергаетъ пересмотру старый вопросъ о происхожденіи русскихъ царскихъ регалій. Автору удалось найти въ Московскомъ Архивѣ соборное постановленіе о присвоеніи царскаго титула русскимъ государямъ при Иванѣ IV. Г. Регель послѣ тщательнаго анализа всѣхъ имѣющихся данныхъ пришелъ къ выводу, что легенда о присылкѣ регалій Владиміру Мономаху есть позднѣйшее произведеніе, постепенная подтасовка фактовъ, окончательно выработавшаяся ко времени Ивана IV. Анализируя самый документъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что на этой рукописи было первоначально нѣчто иное, чѣмъ тамъ есть: текстъ былъ подчищенъ и измѣненъ такимъ образомъ, что получилось полное согласіе текста

съ сложившейся уже къ этому времени въ Москвѣ легендой о присылкѣ регаліи Владиміру Мономаху; первоначально-же въ посланіи говорилось о Владимірѣ Св., которому въ дѣйствительности могли быть доставлены регаліи царями Василіемъ и Константиномъ.

О цѣломъ рядѣ интересныхъ документовъ говоритъ г. Регель въ VI главѣ: «Посланія греческихъ патріарховъ въ Россію (1557—1613)». О соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха 1561 г. мы тотчасъ говорили. Тутъ-же разсматриваются документы такого-же характера, касающіеся учрежденія въ Россіи патріаршества; посланія александрійскаго патріарха Мелетія Пегаса, собранные г. Регелемъ какъ въ различныхъ архивахъ заграничныхъ, такъ и находящихся въ Россіи, и извлеченные изъ ранѣе существовавшихъ изданій, и др.

Для исторіи смутнаго времени имѣетъ, по нашему мнѣнію, огромную важность посланіе іерусалимскаго патріарха Софронія къ лже-Дмитрію I. Не важно, конечно, что Софроній признаетъ Дмитрія истиннымъ сыномъ Ивана IV, но нельзя также соглашаться съ издателемъ въ томъ, будто документъ интересенъ лишь по взглядамъ, существовавшимъ на востокѣ, на обязанности русскихъ государей. Г. Регель не обратилъ вниманія на нѣкоторыя выраженія, находящіяся въ этомъ документѣ. Между прочимъ патріархъ пишетъ: «ἐὰν δὲ εἰσακοῦσῃ κύριος ὁ θεὸς τὰς παρακλήσεις καὶ λιτανείας καὶ δεήσεις ἡμῶν, καὶ καταξιώσει σε ταχέως, ἵνα καθίσῃς εἰς τὸν θρόνον τοῦ πατρός σου.....», или: (мы возсылаемъ денно и нощно всякія моленія) ὧν ἐπακούσῃ κύριος ὁ θεὸς τῆς δεήσεως ἡμῶν στηρίξῃ καὶ διαφυλάττῃ καὶ διαδχέπῃ καὶ κατευοδώσῃ τὴν βαδιλείαν σου ταχέως ἐπὶ τὸν θρόνον σου». Эти выраженія могутъ указывать или на то обстоятельство, что Дмитрій обратился къ патріарху, или что до Софронія дошла вѣсть о Дмитріи въ то время, когда онъ не былъ еще коронованъ, но былъ уже въ Москвѣ, или еще и совсѣмъ въ царствѣ московскомъ не былъ. Но именно слѣдующимъ мѣстомъ окончательно подтверждается послѣднее: «δεόμεθα.... ἵνα (ὁ θεὸς) δώσῃ τὸν θρόνον τοῦ πατρός σου, τῆς βαδιλείας σου, χωρὶς πολέμος καὶ αἱματοχυσίες... Такимъ образомъ, Дмитрій сталъ извѣстенъ въ Іерусалимѣ еще какъ претендентъ на московскій престолъ до начала военныхъ дѣйствій въ Сѣверщинѣ. Патріархъ Софроній ни единымъ поздравленіемъ, ни однимъ выраженіемъ радости не показываетъ, что Дмитрій уже въ своемъ царствѣ, а напротивъ говоритъ, что молитъ Бога о томъ, чтобы это занятіе прародительскаго престола произошло безъ войны, безъ кровопролитія. Этотъ документъ былъ извѣстенъ въ русской литературѣ

и раньше, но намъ кажется, что должной оцѣнки ему всетаки не было сдѣлано. Приверженность (внутренняя) Дмитрія къ католичеству уже значительно поколеблена въ русской наукѣ. Его заигрываніе съ іезуитами и папой (до принятія католичества включительно) является политической комбинаціей. Указанный документъ еще болѣе подтверждаетъ эту мысль. Дмитрій, завязавъ прочныя связи съ западомъ, въ то-же время втягиваетъ въ свою политику и востокъ. Не забудемъ, что масса документовъ погибла, и что связи Дмитрія до выступленія на арену открытой борьбы съ Годуновымъ остаются для насъ въ силу этого неизвѣстными.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще о рядѣ документовъ, изданныхъ тутъ-же г. Регелемъ. Это акты о поставленіи епископовъ въ различныя русскія области митрополитомъ Ѳеогностомъ между 1328 и 1347 годами. Матеріалы эти были уже разъ изданы г. Васильевскимъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ русскомъ переводѣ съ рукописи г. Регеля. Теперь послѣдній издалъ ихъ въ подлинникѣ съ своими небольшими замѣчаніями. Между этими актами мы находимъ о поставленіи Аѳанасія во Владиміръ на Волыни (1328 г.), Ѳеодора въ Галичъ (1328 г.), Трифона въ Луцкъ (1331 г.), Павла въ Черниговъ (1332 г.) и др.

П. Г.

Библіографическая замѣтка.

Въ Ягичевомъ «Archiv für Slavische Philologie» за 1891 г. вып. 1 находимъ слѣдующія двѣ замѣтки, небезынтересныя для читателей «Кіевской Старины»: 1) Eine kleinrussische Version der Lenorensage (Южно-русскій пересказъ сказанія о Ленорѣ) и 2) Ein Beitrag zur Kenntniss böhmischer Heiliger bei den Russen (Къ вопросу о распространеніи чешскихъ святыхъ на Руси). Малорусскій изводъ Ленорянскаго сказанія записанъ въ Коломеѣ (Галиція) и со стороны содержанія не представляетъ ничего особеннаго: общеизвѣстный разсказъ о приходѣ изъ могилы мертваго жениха за невѣстою, о ея бѣгствѣ отъ него, послѣ того, какъ они пришли къ гробу, и смерти. Вторая замѣтка знакомитъ насъ съ новооткрытымъ малорусскимъ изводомъ житія «Пустынника Іоанна, хорватскаго королевича», заключающимся въ рукописи 17 вѣка. Это житіе было уже

извѣстно въ другомъ старорусскомъ изводѣ, который былъ сообщенъ еще Востоковымъ. (Описаніе рус. и слав. рукописей Рум. муз. стр. 778; хронографъ 17 вѣка); оно было даже переиздано, вмѣстѣ съ житіемъ св. Людмилы, г. Г. Иречкомъ, приложившимъ также переводъ и объясненія, изъ которыхъ слѣдовало, что мы имѣемъ дѣло еще съ однимъ чешскимъ святымъ, перешедшимъ на Русь. Изводъ, отысканный г. Муркомъ, составителемъ указанной замѣтки, и перепечатанный имъ въ «Archiv'ѣ»,—отличается отъ прежняго въ выгодную, такъ сказать, сторону; наприм., вмѣсто испорченнаго прилагательнаго «Маворскій», въ которомъ г. Иречекъ предполагалъ «баворскій» или «моравскій», тутъ находится именно этотъ послѣдній, конечно, наиболѣе правильный обликъ (Боривой кнзь муравскій христиханінъ былъ правия греческия стыѧ вѣры и т. д.).

А. С—чъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Русская Старина 1892 года № 4 и 5 (апрѣль и май). На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, отмѣтить довольно обширный и обстоятельный некрологъ покойнаго редактора — издателя журнала М. И. Семевскаго (I—XXXVIII). Некрологъ этотъ знакомитъ насъ съ дѣятельностью покойнаго какъ общественною, такъ и литературною, причемъ сообщается и списокъ его сочиненій и переводовъ.

Записки Никитенко, напечатанныя въ апрѣльской книжкѣ журнала (IV стр. 141—177), продолжаютъ знакомить насъ съ полузабытыми фактами недавняго прошлаго. Въ 1872 году, который обнимаетъ послѣдняя часть записокъ, былъ выдвинутъ вопросъ о реальныхъ училищахъ и Никитенко сообщаетъ намъ съ одной стороны судьбу проекта въ Государств. Совѣтѣ, а съ другой и отношеніе общества къ реальному образованію.—Кромѣ этого сообщается нѣсколько данныхъ для исторіи академической: жизни смерть П. П. Пекарскаго, выборъ въ члены академіи М. И. Сухомлинова и С. М. Соловьева и т. д.

Г. Анатолій Е—шовъ въ своей замѣткѣ «Платонъ митрополитъ кіевскій и галицкій» († 1891) сообщаетъ нѣсколько характерныхъ случаевъ, когда

покойный архипастырь съ терпимостью относился къ другимъ вѣрамъ и исповѣданіямъ (V, 435—440).

Въ отдѣлѣ библіографіи замѣтки о книгахъ А. Г. Брикнера «Потемкинъ» и П. Д. Брянцова «Польскій мятежъ» 1863 г. (май на оберткѣ).

Историческій Вѣстникъ 1892 г. № 4, 5 и 6 (апрѣль, май и іюнь). И. Н. Потапенко продолжаетъ въ своихъ бурсацкихъ воспоминаніяхъ «До и послѣ»... сообщаетъ характерныя бытовыя черты изъ жизни того класса духовенства, который группируется возлѣ епархіальнаго архіерея и составляетъ его, такъ сказать, дворъ. Поэтому особенно интересна статья въ майской книжкѣ, гдѣ г. Потапенко описываетъ путешествіе архіерея по епархіи.

Статья М. Ѳ. Ладвинскаго «Переселенческое движеніе въ Россіи» интересна по статистическимъ даннымъ, сгруппированнымъ авторомъ и показывающимъ до какихъ колоссальныхъ размѣровъ развилось у насъ это движеніе. Главнѣйшими причинами его, по мнѣнію автора, являются недостатокъ земли, дурное качество надѣловъ и дороговизна арендъ. Сообщаются данныя и о переселенческомъ движеніи въ южныхъ губерніяхъ (май стр. 449—466).

Ф. А. Витбергъ. Н. В. Гоголь въ 1831 году (іюнь стр. 662—675). Авторъ старается опредѣлить точно хронологически время знакомства Гоголя съ Пушкинскимъ кружкомъ и подчеркиваетъ громадное вліяніе, которое имѣлъ на Гоголя Пушкинъ.

Ученые труды академика М. И. Сухомлинова (6 марта 1852—6 марта 1892 г.) съ библіографическимъ ихъ указаніемъ (апрѣль, стр. 239—245).

Въ отдѣлѣ библіографіи отзывы о книгахъ: «Очерки литовско-русской исторіи XV вѣка. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430» сочиненіе А. Барбашева Спб. 1891 г. (іюнь). *Глинская Рождество-Богородицкая пустынь* (курской губерніи, путивльскаго уѣзда). Курскъ 1892 г. *«Памятная книжка курской губерніи* на 1892 годъ. Изданіе Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Составлена секретаремъ комитета Т. Г. Вержбицкимъ Курскъ 1892 г. *Іерархія Всероссійской Церкви отъ начала христіанства въ Россіи до настоящаго времени Н. Д. Лютова* 1892 г. (іюнь). *Н. П. Загоскинъ* Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, Казань. 1892 г. Матеріалы для біографіи Гоголя В. И. Шенрока. Томъ первый. Москва 1892 г. Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году.—Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Ольгерда Вильчинскаго. Спб. 1892 г. (апрѣль)—Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Изслѣдованіе К. И. Арабажина. Кіевъ. 1891 г.—И. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Кіевъ. 1891. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II

Н. П. Семенова. Томъ III, часть 2. Спб. 1892 г.—Бѣляевъ. Крестьяне на Руси. Изд. 3-е (май).

Сѣверный Вѣстникъ 1892 г. № 4—6 (апрѣль, іюнь). *Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка* проф. Ѳ. И. Леонтовича (IV, 33—63 и V, 41—60).—Авторъ разсматриваетъ мѣры, къ какимъ прибѣгали съ древнихъ временъ для прекращенія голодовокъ. Такими мѣрами были: 1) организація управленія сельскимъ хозяйствомъ, 2) развитіе сельскохозяйственной культуры; 3) хлѣбныя запасы; 4) милостыня; 5) работы частныя и общественныя; 6) подвозъ хлѣба; 7) податныя льготы и разныя финансовыя мѣры; 8) мѣры обезпеченія продовольствія не свободныхъ людей. 9) мѣры противъ хлѣбной спекуляціи (кулачестаа); 10) хлѣбная экспропріація 11) запрещеніе хлѣбнаго экспорта; 12) запрещеніе винокуренія; 13) сокращеніе служебныхъ окладовъ.—Въ заключеніе авторъ, основываясь на прошломъ, дѣлаетъ нѣсколько соображеній и для настоящаго, выдвигая на первый планъ сельско хозяйственную культуру и другіе палліативы и совершенно почти умалчивая о главной причинѣ нашихъ голодовокъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ — о ненормальности нашего экономическаго строя.—Тѣмъ не менѣе, по своей обстоятельности и богатству матеріала, статья проф. Ѳ. И. Леонтовича должна занять первое мѣсто между всѣми «исторіями голодовки», появившимися въ послѣднее время.

Дневникъ Маріи Башкирцевой № 4—6 (апрѣль—іюнь) важный, преимущественно, въ психологическомъ отношеніи. Башкирцева—уроженка харьковской губерніи, воспитывалась и прожила большую часть своей жизни заграницей; умерла очень рано. Въ 1876 г. она посѣтила родину, харьковскую и полтавскую губерніи (№ 4 и 5). Въ майской книжкѣ интересна характеристика лицъ высшаго полтавскаго общества: Башкирцева даетъ суровые отзывы о нѣкоторыхъ лицахъ здравствующихъ и играющихъ и въ настоящее время видную роль въ полтавскомъ свѣтѣ.

Изъ статей общаго содержанія отмѣтимъ статью проф. *П. Г. Виноградова* «Вліяніе рѣкъ на происхожденіе цивилизаціи», который дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу положеній, высказанныхъ въ книгѣ Льва Мечникова «La civilisation et les grands fleuves historiques» о значеніи рѣкъ для цивилизаціи (VI, 33—44).

Въ «*Областномъ отдѣлѣ*» статья *Ѳ. Крюкова* «Козачьи станичные суда» (№ IV, 27—40), въ которой авторъ указываетъ на достоинство и недостатки этихъ судовъ, на ихъ компетенцію, составъ, судопроизводства и пр.

Въ статьѣ г. *П. Бѣлоконскаго «Земство и народное хозяйство. I. Статистика»* излагается исторія статистическихъ работъ въ Россіи. Видное мѣсто въ нихъ, какъ извѣстно, занимали наши южно-русскія земства (V).

Въ отдѣлѣ *«Изъ провинціальной печати»* «Замѣтка о сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ Кіевѣ» и критика циркуляра черниговскаго губернатора о сельскихъ сходахъ, въ которомъ «Сѣверный Вѣстникъ» видитъ проведеніе тенденцій, проповѣдуемыхъ «Гражданиномъ» (IV).

Въ майской книгѣ въ этомъ же отдѣлѣ замѣтки о тревогѣ въ юго-западномъ краѣ, вызванной слухами о летающихъ воздушныхъ шарахъ. Здѣсь же замѣтки о нѣмецкихъ колоніяхъ на югѣ Россіи; о нѣмецкой и еврейской эмиграціяхъ.

Въ іюньской книгѣ «Процессы г. Харькова съ харьковскимъ обществомъ водоснабженія, какъ матеріалъ къ ученію объ акціонерныхъ компаніяхъ».

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» отзывы о книгѣ *В. Е. Постникова* «Южно-русское крестьянское хозяйство». Москва. 1891 г. (апрѣль); *А. Н. Пыпина* «Исторія русской этнографіи».

Русскій Архивъ № 4—6 (апрѣль—іюнь) 1892 г. Замѣтка Н. Я. Скарятина «Г. Ѳ. Скарятинъ и графиня Потоцкая» относится къ извѣстному дѣлу гр. Мечислава Потоцкаго, жестоко обращавшагося съ своею женою. Дѣло это и арестъ Потоцкаго разсказаны, между прочимъ, въ Запискахъ Солтановскаго, печатающихся въ «Кіевской Старинѣ». Г. Скарятинъ имѣетъ цѣлью представить въ истинномъ свѣтѣ участіе въ дѣлѣ Потоцкаго Г. Ѳ. Скарятина, на котораго, по словамъ автора замѣтки, набросилъ тѣнь Н. М. Колмаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ (IV, 533—535).

В. Н. Каразинъ и господство надъ природою (V, 75—91). Изложена коротенькая внѣшняя біографія Каразина и его записка, читанная въ обществѣ естествоиспытателей 15 марта 1815 года, въ которой проводится мысль о необходимости измѣнить способы изученія метеореологіи, а также и мысль о возможности воспользоваться электрическими силами верхнихъ слоевъ атмосферы для потребностей человѣка. Здѣсь же разсказана и судьба записки Каразина, противъ которой возсталъ академикъ Фуссъ, когда ему было поручено разсмотрѣть ее и высказать свое мнѣніе.

Кіевскія Университетскія Извѣстія 1892 г. № 2 и 3 (февраль и мартъ). *В. Истоминъ. Къ вопросу о причинахъ, порождавшихъ народныя реакціи противъ Польши въ юго-западной Россіи въ XVIII вѣкѣ.* Авторъ подъ именемъ реакцій разумѣетъ гайдамацкія возстанія въ XVIII вѣкѣ; причины ихъ усматриваетъ въ соціальномъ и экономическомъ положеніи крестьянъ въ Польшѣ, на что уже было указано давно въ извѣстномъ сочиненіи проф. В. Б. Антоновича о гайдамакахъ. Вообще статья г. Истомина даетъ очень мало новаго; заслуга автора заключается только въ томъ, что онъ иллюстрируетъ давно извѣстныя положенія новыми фактами, извлеченными изъ неизданныхъ документовъ кіевскаго центральнаго архива, глав-

нымъ образомъ, изъ актовъ книги пограничныхъ судовъ кіевскаго воеводства. Къ статьѣ 3 незначительныхъ приложенія для исторіи гайдамацкихъ возстаній I-й половины XVIII в.

И. М. Каманинъ. Матеріалы для исторіи кіевской городской общины (№ 2). Во 2 № «Извѣстій» напечатано только 8 документовъ, касающихся охраненія торговли кіевскихъ мѣщанъ, отбыванія натуральныхъ повинностей и выборовъ въ общественныя должности.

Библіографъ 1892 г. № 1—3. Краткая замѣтка «По поводу десятилѣтія «Кіевской Старины» *К—нъ* (№ 3-й, стр. 123—126).

Библіографическія Записки 1892 г. № 1—5. Въ отдѣлы «Критическія замѣтки» помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *И. В. Теличенко* «Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи». (№ 1, стр. 45—46); 2) «Подолія. Историческое описаніе». Изд. *П. Н. Батюшковымъ*, (№ 2, стр. 144); 3) *В. Ѳ. Миллеръ* «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса». I—VII. (№ 3, стр. 227—229); 4) *М. Грушевскій* «Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца 14-го столѣтія». (№ 5, стр. 377—378).

Вѣстникъ Европы 1892 г. № 4—6. *Русская Ривьера. А. Петрушевскаго* (№ 4, стр. 620—649). Небольшая сравнительно статья представляетъ краткій очеркъ южнаго берега Крыма, давая кое-какія свѣдѣнія этнографическія, географическія, топографическія, статистическія, но болѣе всего обращается вниманіе на характеръ жизни ялтинскаго общества.

Теорія обще-славянскаго языка. А. Пыпина. (№ 4, стр. 762—804 № 5, стр. 302—341). Эта обширная статья, подобно многимъ другимъ того-же автора, представляетъ прекрасный разборъ извѣстнаго сочиненія А. Будиловича «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы». Статья г. Пыпина не есть исключительно рецензія,—это самостоятельное разсужденіе, написанное по поводу названнаго труда г. Будиловича, причемъ очень обстоятельно разсматриваются всѣ частные вопросы, затронутые авторомъ, и выясняется существо самаго главнаго вопроса—объ общеславянскомъ языкѣ.

Иранскіе источники русской былины. А. Пыпина (№ 6, стр. 702—742). Эта статья написана по поводу извѣстнаго сочиненія Всевол. Миллера «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса». Хотя былевой эпосъ, котораго въ данномъ случаѣ касается статья, носитъ названіе *великорусскаго*, но, какъ извѣстно, великорусскія былины такъ тѣсно связываются съ вопросомъ о южнорусскомъ происхожденіи ихъ, что вполнѣ понятно помѣщеніе этой статьи въ наше журнальное обозрѣніе.

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *М. Бобржинскій* «Очеркъ исторіи Польши». Перев. съ 3-го польскаго изданія подъ редакц. профес. Н. И. Карѣева (№ 4-й, стр. 874—880). 2) Кіевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Подъ ред. *И. В. Лучицкаго*. (№ 5 й, стр. 416—420). 3) *И. М. Собѣстіанскій*. Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. (№ 6-й стр. 847—854).

Журн. Мин. Народ. Просв. 1892 г. № 4—6. *Къ Біографіи Франциска Скорины. И. Шляпкина* (№ 4, стр. 382—385). Это—маленькая замѣтка, приводящая три подлинныхъ акта на латинскомъ языкѣ, которые хранятся въ падуанскомъ университетѣ; изъ нихъ опредѣляются лѣта Скорины, имя его отца и время полученія имъ степени доктора медицины въ Италіи въ 1512 году.

Въ отдѣлѣ «критики и библіографіи» помѣщена коротенькая рецензія о книгѣ г. *Эварницкаго* «Исторія запорожскихъ козаковъ. Т. I» (№ 6-й, стр. 363—364).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1892 г. № 2. Въ отдѣлѣ «критики и библіографіи» помѣщенъ разборъ книги М. *А. Дикарева* «Воронежскій этнографическій сборникъ» или правильнѣе говоря—статьи его подъ заглавіемъ «Очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украинскимъ нарѣчіемъ» (стр. 314—322).

Труды Кіевской Духовной Академіи 1892 г. № 4—6. *Замѣтка Архимандрита Евлогія* объ остаткахъ древней Всеволодовой церкви въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ представляетъ маленькую поправку къ ст. г. Слюсарева «Церкви и монастыри, построенные въ Кіевѣ князьями» (№ 4-й, стр. 651—652).

Новооткрытый кіевскій проповѣдникъ второй половины 18-го вѣка. Н. Петрова. (№ 5-й, стр. 93—126). Статья эта представляетъ обстоятельное описаніе одного рукописнаго сборника проповѣдей 17-вѣка, доставленнаго въ церковно-археологическое общество при Кіевской Духовной Академіи. Послѣ подробнаго указанія всѣхъ внѣшнихъ примѣтъ рукописи, авторъ останавливается на опредѣленіи существенныхъ вопросовъ, касающихся ея, а именно: 1) времени составленія и произнесенія проповѣдей (предѣльными годами оказывается 1679—1696); 2) мѣста произнесенія ихъ (въ большинствѣ случаевъ монастыри и церкви г. Кіева и его окрестностей); 3) автора этихъ проповѣдей, при чемъ г. Петровъ почти убѣжденъ, что авторомъ долженъ быть признанъ извѣстный Варлаамъ Ясинскій. Въ заключеніе дается краткое описаніе всѣхъ проповѣдей, вошедшихъ въ этотъ сборникъ.

Кіево-подольская церковь Николая Добраго. А. Георгіевскаго (№ 5-й, стр. 127—167). Это есть продолженіе отмѣченной уже въ прошломъ обзорѣ журналовъ (см. Кіев. Стар. 1892 г. № 4) статьи, писанной на тему, предложенную Духовной Академіей для соисканія Евгеніе-Румянцевской преміи; въ данномъ номерѣ помѣщена глава «Священно-и церковнослужители».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

43-Й и 44-Й ВЫПУСКИ

(*Кальдеръ - Каштанъ*)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская Долгоруковскій пер., д. 8).

Подписная цѣна (съ пересыл.) на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.): на лучш. бумагѣ 23 р., на обыкн. б.—25 р.; на томъ (14 вып.) въ переплетѣ: на лучш. б.—6 руб., на обыкн. б.—4 р. 50 к.; на серію въ 10 вып.: на лучш. б.—4 р., на обыкн. б.—3 р. Отдѣльные выпуски продаются: на лучш. б.—по 40 к., на обыкн. б.—по 30 к.

Дозволено ценз. Кіевъ, 30 іюля 1892 г.

ралъ Вологоцкого полку зъ драгуномъ тутъ же явились намъ и сказали о себѣ, что они зъ Яика отправлени отъ капитана отъ гвардіи и полковника, 12 мая, по жалованне, а оной капитанъ посланъ туда зъ 300 чловѣка драгунъ для розиску о проявившомся тамъ бунтѣ отъ козаковъ яицкихъ противъ государства россійского, отъ которого хотѣли они отторгнутися. Едучимъ намъ отъ ночлѣга, гори и рѣка Донъ у лѣвой руцѣ били, а сей ночлѣгъ имѣетъ противъ станицѣ — — —, за полъ милѣ отъ насъ отстоячой.

29. Вовторникъ. Ст. Ап. Петра и Павла. Тутъ же мы розвелисмося, а зъ нами Галенковскій и Григорій Котляренко. По обѣдѣ рушилисмося и, проехавши верстъ зъ 20, наехали въ яру криницю барзо холодную, текучую и тутъ малое время забавилисмося. Оттуду проехавши верстъ зъ 40, стали на ночлѣгъ надъ рѣчкою, у правой руцѣ намъ бывшою, надъ которою увидѣлисмо и полкъ Нѣжинскій и Аѳанасія Дорофѣевича зъ Флемъ (?) стоячихъ, тогда жъ дожчъ зъ громомъ былъ.

30. Середа. Рано поехалисмо оттуду и, проехавши верстъ зъ 30, сталисмо на обѣдъ противъ станицѣ донской, Роспопинъ прозиваемой, у 2 версти отъ насъ стоячой. Въ тую жъ станицю ездилисмо оба передъ обѣдомъ зъ п. Михайломъ и, бувши у атамана, знову до своего намету пріехалисмо и тутъ кушалисмо, а атаманъ ліодомъ и рибою вялою намъ у насъ кланялъся. По обѣдѣ нашемъ пріехалъ полкъ Нѣжинскій и сталъ на ночлѣгъ, а ми, рушивши зъ полъверсти, знову тутъ же стали на ночъ. Старикъ донецъ, едучи въ поле зъ станицѣ, призванъ къ намъ былъ, который въ разговорѣ своемъ сказалъ себе быти осмдесятолѣтна, въ сей же станицѣ родившогося, але тѣломъ бодръ крѣпко. Онъ же сказалъ: 1) что станицѣ начинаются на Дону висше Мигулинского монастирця, и первая станиця — Казанка; 2) а станиць всѣхъ на Дону 52, на рѣчцѣ Хопру 26, на рѣчцѣ Медведицѣ 15, по Донцу 12, по Бузулуку 13, и того всѣхъ станиць 107; 3) въ станицѣ сей, Роспопѣнъ, по переписѣ показалось дворовъ на сотню; 4) атаманъ въ Черкаскомъ главний Андрѣй Івановичъ Лопатѣнъ, по указу госу-

даревомъ устроенъ; 5) а по станицямъ сами межи собою, кого хотятъ, поставляютъ своими атаманами; 6) донцовъ 3000 пошло весною въ Кгилянъ и имъ жалованія дано государева по 5 р.; 7) а всегда имъ зъ казни дается жалованне по 8 гривенъ, да за аршинъ сукна по 4 гривни, да по четверти муки; 8) разсуждалъ онъ, старикъ, что во всѣхъ станицяхъ на 20000 боевихъ козаковъ донскихъ можетъ винайтися; 9) теперъ висилаются 2000 козаковъ на Яикъ, а чего ради они сами не знаютъ, толко не зъ причини ли той, что тамъ прочулися бунти отъ нѣкоторихъ по розиску Захаріева капитана.

Юль. 1. Четверъ. Рано рушилисмося, и уехавши верстъ около 30, сталисмо на обѣдъ, а по обѣдѣ, также около 30 верстъ уехавши, сталисмо на ночлѣгъ на степу у лѣвой сторонѣ при байракахъ, въ которихъ и криницѣ были.

2. Пятокъ. Поехавши мы оттуду рано, и уѣхавши верстъ зъ 30, сталисмо на обѣдъ между байраками, где увидѣлисмо и донцовъ килкохъ чловѣка стоячихъ, которіе виехали на Яикъ. Сюда къ намъ пріехалъ Юско молодикъ, да Демянъ мой зъ словеснимъ предложеннемъ отъ господина губернатора Артемія Петровича, чтобъ мнѣ поспѣшать въ Царицинъ, бо мѣетъ въ Саратовъ скоро виежджать, и потому мы скоро рушилисмося въ предлежащій путь, але же, по ихъ же сказкамъ, не безтрудной на станицѣ Качалинѣ есть черезъ Донъ переѣздъ, того ради близше на станицю Лавлю разсудилисмо ехать и, проехавши мало, взялисмо у лѣво и пріехали до Дону, отъ обѣда верстъ у 10 отстоящого. Переправивши черезъ Донъ возки поромомъ, а конѣ уплинъ при каюкахъ, застalисмо на сей сторонѣ Дону обозъ Кандиби и протчіихъ и тутъ заночовалисмо у станицѣ Лавлѣ.

3. Субота. Тутже обѣдалисмо зарання, а по обѣдѣ поехалисмо и, переехавши черезъ рѣчку Качалинъ, у 10 верстахъ отъ Лавлѣ отстоящую, оставилисмо дорогу столповую у лѣво до Царицина, а сами у право верхами поехалисмо до лагеру, где брегадиръ Ветеранинъ стоитъ надъ лѣп... (?) и, пріехавши въ таборъ, чили лагеръ великороссійскій, булисмо, первей, у полковника Кронштотского

полку Петра Івановича Бутурлина, где зъ полуполковникомъ Алексѣемъ Веровкинимъ увидѣлемся; тамъ посидѣвши мало, пойшлисмо пѣши до брегадира, у которого ласкаве приняти зосталисмо и тамъ застали п. Василя Томару, еще зъ рана туда заехавшого, который заразъ и отехалъ въ путь, а мы, тамъ посидѣвши чимало, отехали и, еще до полуполковника Веровкина заехавши, тутъ просидѣли часъ, а потомъ отехавши, доехали возковъ и будокъ своихъ, оттуду поехавши, уехалисмо отъ лагера верстъ 20 и сталисмо на ночъ купно зъ Томарою, Гамалѣею и Дорошенкомъ.

4. Неделя. Рано барзо рушилисмося зъ ночлега и на дорозѣ стрѣтилисмося зъ возами воловими, родителскими и нашими, а моихъ возовъ 18, зъ рибою и протчее, чего зде именное есть изображеніе зъ реестра Гаврилового: риби вялой сули 8000, чабака 7000 зъ лишкомъ, еще жъ сули 450, чабака 2000 и 300 и того всей (сули 8450) чабаковъ 9300 и зъ лишкомъ, а подъ тимъ и при томъ возовъ воловихъ 18, конний 1, воловъ 75, коней 3, сокиръ 6, а при сему обрѣтается подданий нашъ Федоръ Сурайченко. Пріехалисмо до Царицина, отъ Лавлѣ въ 61 верстахъ отстоящого, а отъ лагеру въ 56, при линѣи будучого, и сталисмо на квартерѣ, отведенной въ новомъ городѣ, не подалеку рѣки Волги. Едучи осмотрувалисмо линѣи, которая въ ширину будетъ на 4 саженя, але у глубину болше двохъ сажень не будетъ ровъ; по надъ ровомъ 4 городка, чили крѣпости. Рано былисмо у губернатора астраханского Артемія Петровича Волинского и милостиво приняти у его былисмо; тутъ же увидѣлисмося и зъ коммендиромъ нашимъ означеннимъ полковникомъ Яропкинимъ. Обѣдалисмо у дворанина Михаила Івановича Бакулина, куда зъ губернаторомъ и семею его Александрою Львовною водою на шлюпцѣ ездилисмо, да зъ нами жъ былъ Еропкинъ, полковникъ харковскій Квѣтка, оберъ-іеромонахъ отецъ Давидъ и протчіе; по кушанню, игралисмо въ карти, потомъ, пріехавши назадъ, осмотрували конюшни Артемія Петровича, между которою (sic) конь жеребецъ сивострокатий, дивной шерсти, же мало оной и есть, а полемъ (?) будто на вишляфованой якой матеріи. Посля вечералисмо у Артемія Петровича и на квартеру отойшлисмо

свою. Куріеръ отъ Матюшкина зъ Гиляни повернулся и сказалъ — тамъ все благополучно и что тамошніе жители, прежде у гори збѣгшіе, теперъ начали на свои прежніе поворачатись жилища. Тогда жъ явился и слуга сина Милорадовичевого, зъ Сулаку пріехавшій.

5. Понеделокъ. Рано былисмо на суднѣ, на которомъ нашъ багажъ зложенъ, а оттуду пошедши, были у полковника Яропкина, а отъ него у Артемія Петровича и кушали тамъ же. Прошеніе на писмѣ въ 5 пунктахъ подалемъ Артемію Петровичу, о суднѣ тутъ и Астраханѣ, верблюдахъ и протчемъ, вина волоского на 5 р. купислисмо у двѣ барилцѣ. Передъ вечоромъ у губернатора жъ были и тамъ ужинали, онъ же въ разговорѣ зъ нами сказовалъ про персидскую страну: 1) что тамъ толко пшеница да ячмѣнь родится, а дважди въ лѣто, въ маи и октовиріи, 2) а землю, отъ упаловъ солнечнихъ вмѣсто каменя изсохшую, первей лопатками желѣзними острими первей (sic) издираютъ, а посля орутъ мякшую, 3) въ Гиспаганѣ окгроди израдніе зъ частими фонтанами, 4) дни жаркіе барзо, а ночи такъ же вопроки холодніе лѣтомъ, 5) наехалъ опъ рѣку, до Шамахи едучи отъ Испагана, которая розлившись, когда станетъ упадать, то остаючаяся вода на травѣ засихаетъ и бываетъ чистою селѣтрою. Два комисара пріехали, одинъ зъ Гиляни, а другій зъ Баки сегодня, и сказуютъ, что тамъ слава Богу все благополучно и жители тамошніе, прежде позбѣгавшіе, стали на свои жилища возвращатись.

6. Вовторокъ. Обѣдалисмо у себе сами и Томара позабавился у насъ. Далемъ грошей Демяну 30 р., да Юскови на судно въ Астрахань 15 р., да Гаврилови 6 р., итого 51 р., Юско зъ писмами Артемія Петровича отехалъ въ Астрахань почтою. У насъ были князь Андрей Григоріевъ Волконскій, порутчикъ Кронштотского полку, комендированний къ Артемію Петровичу зъ 80 драгунами въ Саратовъ, капитанъ Степанъ Федоровъ синъ Кондиревъ, да саржантъ Симеоновского полку Петръ Івановъ синъ Цизеринъ. У вечеру былисмо у Яропкина, а оттуду у Артемія Петровича, вечерали и, по вечери, играли въ карти.

7. Середа. Обѣдалисмо у Артемія Петровича и по обѣдѣ позабавили и зъ нами Томара и Дорошенко. По обѣдѣ тіе жъ гостѣ великороссійскіе и Томара были у насъ и, позабавивши, отойшли. У Артемія Петровича знову былемъ, который изволилъ говорить о 5 верблюдахъ, мнѣ уступленнихъ, и о Гаврилу слузѣ п. Михайла, козака Узюмского полку похитавшемъ (?) и о протчомъ, а потомъ, отойшовши я оттуду зъ п. Михайломъ, у лазнѣ въ себе милемся.

8. Четверъ. Рано поехавши я въ городъ, служби Божой слухалемъ, а по службѣ былемъ у Артемія Петровича и Еропкина и кушалемъ тамъ же, а по обѣдѣ у Селиванова, которій и взглядомъ судна обнадежилъ насъ; да потомъ у насъ бувъ капитанъ Банѣнъ и Томара. Гаврилу въ 10 пунктахъ далемъ інструкцѣю, одучему въ Астрахань, и листи два, еденъ до Горки архиерея, а другій до Юска.

9. Пятокъ. Рано судно, на которомъ первій мой багажъ зложенъ былъ, затонуло и часть немалая багажу моего замокла, а то зъ причини Кондирева капитана, что излисше тяжару на судно взялъ. Яковъ зъ обозомъ пріехалъ до Мечетной и сталъ тамъ, а тутъ на время бувъ. У Артемія Петровича былемъ и, нѣкоторое время пробивши, ходилемъ зъ Петромъ Васил. велблюдовъ, намъ опредѣленнихъ, осмотрувать пяти. У вечеру Василь Томара съ нами просидѣлъ, а за судномъ посилалемъ до Селиванова и осмотрували оного по предложенню бережного, зде бывшого.

10. Субота. Рано обѣдалисмо у себе сами. Верблюдовъ 5 приведено къ намъ при Гаврилу, слузѣ п. Михайла, по указу Артемія Петровича. Былисмо потомъ у Еропкина, а оттуду у Артемія Петровича, где покушавши игралисмо въ карти, оба, Василь Гамалѣя и князь Андрей Волконскій, и Гамалѣя програлся. Гаврило, слуга мой, зъ багажомъ моимъ первимъ отпустился въ Астрахань судномъ зъ капитаномъ Кондиревимъ. Прійшовши ми зъ Василемъ Томарою домой, просидѣли и посля вечерню отпѣли.

11. Неделя. За верблюди заплатилисмо оба по 30 р. и по 12 ал. присланному чловѣку отъ Петра Василіевича порутчика. У служби Божой булисмо, а по службѣ вийшовши, кушали у Яроп-

кина и въ карти играли. Показовалъ Яропкинъ листъ, въ якомъ пишетъ Семенъ Лизогубъ, что онъ вчорайшого дня прибылъ до перевозу къ Дону. Оберъ іеромонахъ пріехалъ сюда зъ синода до Колмицкого Петра Петровича, которого служитель латинщикъ у Артемія Петровича тумани отнеслъ (?). Отійшовши мы отъ полковника, были у Томари и, просидѣвши чимало, прийшлисмо до себе. Демянъ купилъ вина волоского у двѣ барилцѣ, а въ нихъ умѣстилось квартъ 22.

12. Понеделокъ. Вчорайшого дня обѣдалисмо вси на двохъ столахъ у Артемія Петровича, понеже дочери его Аннушки день былъ рожденія. По обѣдѣ поигравши въ карти, прийшлисмо до своей квартери, а отсюду зъ Дорошенкомъ былисмо у отца Лѣнкевича на суднѣ, а оттоль у полуполковника Толстеина. Данило Івановъ синъ Опачининъ, капитанъ посиланний отъ Яропкина до Лизогуба, повернулъся сюда. Молитвенникъ мой отдалемъ Артемію Петровичу.

13. Вовтор. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ были у Артемія Петровича, а оттуду у Данила Опачинина и играли въ карти. Артемій Петровичъ виехалъ зъ Царицина къ Саратову, водою, для примиренія Петра Петровича Колмика зъ прочіими его свойственними, а зъ нимъ жена его Александра Львовна опроважать поехала жъ, да въ дорогу жъ князь Волконскій Андрей да порутчикъ Ярмолаевъ и оберъ-іеромонахи оба, отецъ Давидъ и отецъ Лѣнкевичъ. По отездѣ его, былисмо у Еропкина, оттуду у Опачинина и въ домъ прийшлисмо. Гварнѣзоновъ кіевского и глуховского солдати, коммендированніе до Сулаку, прибули сегодня водою сюда зъ гори. П. Михайло небилицѣ провадилъ. — Достался намъ реестръ, въ якомъ выражено, что на сватбѣ цесаревны Анны Петровны зъ голштинскимъ княземъ пожалованы нѣкоторіе чиновники, той сватби приличніе на той часъ, а иннїи въ чини вовсе. (*Засимъ слѣдуетъ, опускаемый здѣсь, списокъ лицъ, получившихъ награды*).

14. Середа. Вина волоского квартъ 20 купилъ Демянъ. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ були у Еропкина и, въ карти погравши, були потомъ у губернаторши. Поехалисмо до Артемія Петровича зъ

Еропкинымъ, я, п. Михайло и п. Гамалѣя Василь, Опачининъ и Цизиринъ и, черезъ рѣчку Мечетную, близко у Волgу упадаючую, и инние поточки переехавши, доехали до Артемія Петровича у 20 верстахъ отъ города, тамъ вечералисмо и по вечерѣ играли въ карти. Артемей Петровичъ далъ писма до Астраханѣ о мнѣ до Івановского, Полтева и Трифонова, а поехалисмо назадъ шлюпкою полъ 3 часа на низъ, а било болшъ 20 верстъ водою. Ночовалъ у насъ п. Василь Гамалѣя, который едучи еще туда такъ жаждою роспалился, же табакерою воду пилъ, понеже и кунтушъ и каѳанъ роспасавши, аки ярижка на конѣ пригалъ.

15. Четверъ. Сегодня обѣдали у насъ Василь Гамалѣя и Дорошенко, а по обѣдѣ приходили до насъ Опачининъ капитанъ и Цизеринъ, и Костенецкій явилъся у насъ же. Милисмося у лазнѣ оба, зъ п. Михайломъ. Демянъ молодикъ уговорилъся зъ человѣкомъ рускимъ, астраханскимъ жителемъ, на судно взять нашъ запасъ въ Астрахань и припроводить туда въ цѣлости, а ему за то отъ воза по рублю дать волового. Куріеръ до Еропкина полковника зъ Питербурху пріехалъ, а зъ чимъ еще ми не извѣстилисмося.

16. Пятокъ. Сегодня рано конфектъ ляксуючихъ принималисмо оба, я 2 ложечки малихъ зъ верхами и имѣлемъ sedes 9, а то зъ тихъ мѣръ, что вчорайшого чи еще позавчорайшого дня рибою спортилемъся. Куріеръ Зѣновіевъ нѣякійсь, вчорайшого дня пріехавшій зъ С. П. Бурху до полковника Еропкина зъ сенатскимъ указомъ, чтобъ онъ поспѣшалъ зъ тими въ походъ до Сулаку, которіи въ его суть командѣ, а для малороссійскихъ войскъ оставилъ бы кого зъ штапъ или оберъ офѣцеровъ, отправленъ зъ отвѣтомъ, что онъ, уже дождавшись бунчуковихъ и козаковъ, совокупно со всѣми пойдетъ въ надлежащій походъ. Обѣдали у насъ Костенецкій, Покотило и Грабовскій, а по обѣдѣ Опачининъ зъ капитаномъ, отъ линѣи пріехавшимъ, посѣщали насъ и, посидя мало, отехали въ лагеръ полковника харковского Квѣтки, сина своего меншого въ домъ отпускаючого.

17. Субота. Казалемъ Демяну, жебы Леску кухару далъ зол. 5 на расходъ. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посилалисмо сво-

ихъ людей на ту сторону Волги, до колмиковъ, для покупки коней, которіе повернувшись сказали, что конѣ дешевою ценою продаются, а всего лутше рускіи промишленики чили баришники мѣняютъ на конѣ колмикамъ свои товари, именно чоботи жовтіи и краснiи, крашанину, киндяки и протчіе симъ подобніе, високую цену онимъ ставлячи. На судно, у четверъ еще Демяномъ сторгованное, поскладалисмо свои рѣчи. Былисмо передъ вечоромъ у Еропкина, который писмо показовалъ намъ о(тъ) князя Голѣцина, зъ Ахтирки писанное къ нему зъ тимъ предложеннемъ, жебы онъ по указу Ветеранина брегадира, если нужда необходимая указоватиметъ, оставилъ при линѣи козаковъ для неспокойства колмикъ, однакъ знову то отрѣшаетъ, тимъ что полкъ Азовскій моглъ прийти туда къ линѣи, которой нарочно для того отъ его сіятелства коммендировалъся. Такъ же и Худолѣя видѣлисмо, и Василь Гамалѣя зъ нами жъ былъ. Десанъ, князь колмицкій, переехавши черезъ Дунъ, былъ у лагерѣ въ Ветеранина и такъ якбы кушалъ, а при немъ ассистенцѣи было на 200 чловѣка.

18. Неделя. По службѣ Божой былисмо у Яропкина на водцѣ, а зъ нами харковскій полковникъ Квѣтка и офѣцери, а потомъ п. Михайло осталъся тамъ же обѣдать, а я въ квартерѣ своей, зъ Дорошенкомъ и Худолѣемъ, обѣдалемъ. По обѣдѣ былемъ у полковника Еропкина, где играли у карти они зъ п. Михайломъ, програвшимъся тогда. Тогда жъ принесено писмо къ Еропкину полковнику отъ брегадира Ветеранина, что онъ зъ собою взялъ нашихъ малороссійскихъ козаковъ 600 и пріехалъ къ крѣпости, при линѣи, по серединѣ отъ Волги до Дону обрѣтаючойся, прозиваемой Грачевская, ради неспокойства калмикъ.

19. Понеделокъ. Сегодня Лизогубъ зъ нѣкоторими бунчуковими передъ обѣдомъ пріехалъ сюда передомъ и обѣдалъ у Еропкина, а обозъ остался при Дону. Были у насъ п. Андрѣй Миклашевскій, Ширай, Дорошенко и послѣдніе зъ нихъ обѣдали у насъ. Судно на пп. Миклашевскихъ и курѣнчиковъ нашихъ приторговалисмо у тутейшого хозяина по рублю отъ воза двоволового и 10 ведръ московскихъ вина. Былисмо у Еропкина, который показовалъ

доношеніе, написанное въ сенатъ о томъ, что брегадиръ Ветеранинъ писалъ къ нему о учрежденіи форпостовъ нашими козаками, для неспокойства калмикъ, такъ же въ томъ же дѣлѣ, что и Артемей Петровичъ писалъ къ нему, а доношеніе тое послалъ въ Питербурхъ, черезъ салдата гвардіи, повернувшогося зъ Баку, который сказалъ, что Матюшкинъ пріехалъ въ Баку при ему еще и что теперъ въ Гиляни смирно, потому что, когда нѣкоторое число гребенскихъ козаковъ и грузинцовъ, партіями ходившихъ, сожгли деревень непріятельскихъ 140 и болшъ, въ тотъ часъ стали поворочатися гилянскіе жители на свои мѣста и присягу виконивать государинѣ імператрици. Онъ же сказовалъ, что турки Гиспагань взяли.

20. Вовторникъ. Сегодня вѣдомость учинилася, что посиланная партія драгунъ 300, донцовъ 2000 и слободскихъ козаковъ зъ полуполковникомъ Василіемъ Івановимъ Засѣтскимъ розбила калмицкого владѣлца Нѣтаръ-держу, брата Десанового, и калмикъ на 40 чловѣка убито, а самъ владѣлецъ ушолъ на лошадѣ у одной рубашкѣ. Обѣдалисмо у себе и у насъ Дорошенко и Ломиковскій; по обѣдѣ ходилъ п. Михайло въ лагеръ нашъ, а я до Селиванова коменданта, и тамъ доволно посидѣвши, отийшолъ и зайшолъ до Опачинина, где многихъ нашу браттю засталъ, зъ которими скоро и отийшолемъ. Риби вялой въ три вози воловихъ понакладали мнѣ Яковъ и Демянъ, а именно: сули 2000, чабаковъ 1000, а сомовъ 100, за всю грошей дано 25 р., 3 алт., 4 д.

21. Середа. Сегодня обѣдали у насъ Ширай и Якубовичъ на квартерѣ, а п. Михайло захоровалъ на кшталтъ фебри. До 30 р., данныхъ Демяну, еще далемъ 13 р. и 20 к. для росплатки за рибу, вчорайшого дня въ числѣ 3 означенную. Ездилемъ въ лагеръ нашъ и тамъ у Кочубея зъ полуполковникомъ Толстеинимъ и Лизогубомъ были и подпивали, а по отездѣ ихъ я зъ Кочубеемъ на свою пріехалемъ квартеру.

22. Четверъ. Сегодня кушалъ у насъ Андрей Миклашевскій, оба Гамалѣи стар. (?). Брегадиръ Ветеранинъ пріехалъ въ Царицинъ и былъ у Яропкина, куда я ходилъ, а п. Михайло, немощенъ будучи, въ дому осталъся. Тогда жъ и п. Федоръ дядко

пріехалъ. Семенъ Лизогубъ и Андрѣй Горленко за караулъ взяти по доношенію ченця нѣякогось монастира Мигулинского. Хлопецъ Вѣжевскій и у (о)бѣда, и у вечеру за упрамость каранъ.

23. Пятокъ. По утру были у нашей квартерѣ п. Федоръ дядко и Раковичъ и кушали, тако жъ и арестантъ Андрей Горленко зъ капитаномъ Аненковимъ и Василь Томара, о каменю нонъ дубѣти (?) сказивавший; а по обѣдѣ капитанъ Опачининъ зъ Павловимъ, порутчикомъ Азовского полку, и Андреемъ Миклашевскимъ пріездили до насъ въ гостѣ. Надъ вечеръ Андрей Горленко зъ тимъ же капитаномъ, Кандиба, Борковскій, Тернавскій були у насъ и, посидя мало, отойшли. Брегадиръ Ветеранинъ надъ вечеръ отехалъ зъ Царицина до своего лагеру.

24. Субота. Кушали сегодня у насъ п. Федоръ дядко, Тернавскій; а по обѣдѣ Горленко и протчіе были. По обѣдѣ жъ ходилемъ, чи ездилемъ, до Еропкина, оттуду былемъ у Миклашевскихъ, а оттоль, зъ нами жъ и Кочубеемъ, у Семена Лизогуба и зъ нимъ пожекгналемъся я и всѣ протчіи товариство. Такъ же и зъ Горленкомъ у нашей квартерѣ, до которого много товариства пріездило, а то для того, что они завтра мѣютъ быть отослани въ Ахтирку до князя Голѣцина.

25. Неделя. Семенъ Лизогубъ и Андрѣй Горленко попроважени отсюду за карауломъ до лагеру къ брегадиру господину Ветеранину, а оттуду въ Ахтирку до его сіятелства князя Голѣцина. По службѣ Божой кушали наши курѣнчики. Отъ князя зъ Ахтирки пріехалъ куріеръ до полковника господина Еропкина зъ указомъ взять у бунчуковихъ и полковниковъ вѣдомость, чего ради въ пути было медленіе и когда зъ домовъ своихъ рушились и потому всѣ, такъ же и мы оба зъ п. Михайломъ, далисмо отъ себе на писмѣ тое, что по указу вийшлисмо зъ домовъ первихъ числъ мая и, совокупясь зъ полками малор. близъ Барабашевихъ Байракъ, слѣдовали совокупно, а не порознь, ибо такъ велено указомъ зъ вой. енер. канцеллярiи. У полковника былисмо Еропкина, а оттуду дома и вечералисмо зъ Томарою и Дорошенкомъ у себе.

26. Понеделокъ. Сегодня рано смотръ былъ намъ бунчуковимъ, которихъ осматривалъ полковникъ Яропкинъ у двѣ версти отъ города. Обѣдали у насъ Томара, Дорошенко и Ломиковскій. Черезъ куріера, присиланного сюда зъ Ахтирки, послалисмо писма пакетомъ до ахтирского полковника и листъ къ нему, такъ же къ родителю, родителцѣ, женѣ и ясневелможной и къ Михайлу Семеновичу. По обѣдѣ были у насъ п. Андрѣй Миклашевскій зъ товарищи. Далемъ хлопцеви Вѣжевскому 3 р. на росходи приватніе.

27. Вовторокъ. Сего дня полковникъ Еропкинъ окончилъ смотръ всѣмъ полкамъ нашимъ. Былемъ у колмицкихъ кибѣтокъ, для присмотренияся ихъ состоянія, и увидѣлемъ у нихъ многіе вещи ихъ состоянія, единого негодованія и смѣху достойніе: 1) молитву абизъ ихъ отправлялъ сѣвши долѣ, а межи ногами книгу читаючи, писмо незнать якого язика, толко подобное персидскому; 2) бурханъ показовали свой, которий вмѣсто икони почитаютъ и кланяются ему, шкурка заячая, да при ногахъ и ушахъ чирвонимъ шовкомъ обязанная и арканъ зъ мякой шерсти верблюжой и на ономъ ремѣнніе капшучки маленкіе и тое все въ каптурку повстномъ, чему при мнѣ и кланялся колмикъ; 3) на зиму для препитанія сушатъ килка разних скотинъ, здохлихъ найболше; 4) пѣніе ихъ на кшталтъ лобурского, простимъ голосомъ, безъ всякой мелодіи; 5) по переспѣванню, книжку абизъ обвертѣвъ у 3 матерійки и, въ мѣсто благословенія, до всякого зъ колмикъ къ головѣ прикладивалъ и тое все чинили зъ благоговѣніемъ, але нѣкоторіе, смотря на насъ, зъ того всего смѣючихъся, и сами смѣялися. П. Федору дядку позволилисмо въ своемъ суднѣ до Астрахани водою ехать. Обѣдали у насъ наши курѣнчики. Сего дня по обѣдѣ бунчуковіе и всѣ полки переправились черезъ городъ за линѣю. Былисмо у Еропкина и, увѣдомившись о походѣ нашемъ пріидучого четверга, былисмо потомъ у Миклашевскихъ, где и панчохи волосяніе за 7 зл. купилъ мнѣ Цизиринъ. Оттуду былисмо у Селиванова и посидя отойшли домой. Приходили до насъ козаки Чернѣговскаго полку, зъ Сулаку зъ болними повернувшіеся сюда, которіи сказовали, что въ Сулаку смирно, и зъ началнихъ всѣ живи, а еще донци не прийшли, а они 5

недель якъ оттуду. У лазнѣ милисмося оба, а передомъ були у насъ п. Федоръ дядко, Томара, Дорошенко и Худолѣй.

28. Середа. Сегодня обѣдали у насъ Дорошенко и Ломиковскій, а Томара просидѣлъ. Верблюдовъ ми своихъ 4-хъ навючивши послалисмо до лагера бунчуковихъ, где и наметъ нашъ розбитъ за линѣею, куда и самъ я ездилъ и, посидѣвши у Кочубея, заехалемъ до харковского полковника Квѣтки и, тамъ мало посидѣвши, пріехалемъ въ квартеру. Писма Якову поотдавалемъ свои до ясневелможной при термѣнѣ листу до государинѣ імператрици, до родителя, родителки о себѣ, до жени о рознихъ интерессахъ господарскихъ и о присланню сюда виправи на весну вѣдомостей господарства, винъ у бутилкахъ и проч., до п. Павловой, Кондзеровского, братовъ п. Андрѣя и п. Семена.

29. Четвер. У полуполковника рано былисмо, а оттуду у полковника Еропкина, где и куріера видѣлисмо, пріехавшого зъ С. П. Бурха къ нему зъ указомъ о поспѣшеніи нашемъ и виходѣ въ предлежащій маршъ. Обѣдали у насъ въ дому п. Федоръ дядко, Яковъ Якубовичъ, а по обѣдѣ Томара былъ и фузѣею раздратованний п. Михайла хлосталъ. Виправивши мы передомъ возки до лагеру, сами заехалисмо до полковника (где атестатъ бунчуковихъ за Фаемъ, что онъ боленъ, видѣлисмо) и, простившись зъ полковницею, заехалисмо потомъ до Селиванова (где до Артемія Петровича писмо написавши, отдалемъ салдату посилаючомуся) и, попростившись зъ нимъ, пріехалисмо въ лагеръ, за линѣею стоячій, и тутъ зъ товариствомъ заночувалисмо, при утѣшеніи жартовномъ п. Василя Гамалѣи, а лагерь отъ города у версту обрѣтается.

30. Пятниця. Якова Дуброву отправилемъ въ домъ, а Вѣжевскому далемъ 3 р. безъ гривни на росходи. Полковникъ Еропкинъ, едучи верхомъ, зъблизился къ нашому лагеру и казалъ намъ и полкамъ нашимъ маршировать рекгулярно и, переехавши черезъ рѣчечку малую, прозиваемую Олшанка, отстоящую отъ Царицина въ 7 верстахъ, пройшлисмо еще верстъ зъ 6, и близъ полковъ слободскихъ сталисмо обозомъ всѣ фѣкгурою баталіонъ декари (декаре?) четвероуголно, по сторонахъ трохъ полки наши, а на передѣ

полки слободскіе, въ серединѣ драгуне, а по самой серединѣ полковникъ Еропкинъ зъ присутствующими себѣ опредѣлилъ место, а ниже въ линѣи двѣ—бунчуковіе всѣ. Дощъ мочилъ тяжко, а мы зъ Еропкинимъ у полковника харковского Квѣтки былисмо, откуду Еропкинъ поехалъ въ Царицинъ, оставивши на писмѣ ордеръ всѣмъ коммендирамъ о заводѣ сторожи полевой, лозону (лозунга?) нестрѣляннюю, о непропусканню лошадей за полевую сторожу. Гасло—Управи.

31. Субота. Сего дня на вчерайшомъ становиску дновалисмо, а обѣдали совокупно у едного столу зъ Миклашевскими и Гамалѣями. По обѣдѣ отправилемъ Алексѣйця въ Царицинъ зъ писмомъ до Селиванова и верблюдами, чтобъ онихъ взялъ въ соблюденіе до повороту людей нашихъ зъ Астраханѣ, а ему казалемъ возъ воловій тамъ достать зъ ярмами. Гасло—Боже!

Августъ 1. Неделя. Сегодня обѣдалисмо совокупне зъ Миклашевскими и Гамалѣями въ наметѣ ихъ. Алексѣецъ повернулся зъ Царицина зъ отвѣтнимъ писмомъ отъ Селиванова, что онъ верблюдовъ принять не хочетъ, которого знову послалемъ въ Царицинъ зъ повторнимъ о томъ же писмомъ. По обѣдѣ полковникъ Еропкинъ пріехалъ къ намъ и подполковникъ Манштейнъ и оберъ офѣцери и тогда рушилисмо зъ становиска, а прійшлисмо до рѣчки Сарпи, зъ степу у Волгу текучой, при которой и чагарники, и, не доходя ей мало, сталисмо на ночлѣгъ въ той же фѣкгурѣ, то-есть баталѣонъ декари. Отъ Царицина до становиска сего, то есть до рѣчки Сарпи, верстъ 25. Слишно, что будто донци мѣли зъ кубанцами акцѣю, не доходя Терку и хорошо показались противъ кубанцовъ, со стидомъ ихъ. Слава Богу! Гасло—поспѣшествуй.

2. Понеделокъ. Сегодня взялъ Еропкинъ полковникъ бунчуковихъ молодихъ къ себѣ и къ полуполковнику по едному человѣку на ординансъ, такъ же и зъ значковихъ и радовихъ козаковъ. Поехавши мы рано зъ ночлѣга, ехалисмо степомъ верстъ 30 и стали години 3 зъ полудня на урочищѣ, прозиваемомъ Перелоги, близъ рѣчечки, отстоящомъ отъ Царицина въ 55 верстахъ. Обѣдалисмо у наметѣ Гамалѣи зъ Миклашевскими. По обѣдѣ и передъ обѣдомъ Опачининъ билъ въ куренѣ нашомъ. Гасло Москва.

3. Вовторокъ. Поехалисмо рано зъ ночлега и пріехалисмо на становиско, называючееся по рѣчцѣ Дубовцѣ, отстоящой отъ Царицина въ 77 верстахъ. А между тимъ житель царичанскій обявилъ, что колмики уже третій день, якъ перевозились зъ за Волги на сюю сторону, при Дубовцѣ рѣчцѣ, за которими харковскій асаулъ комендерованъ билъ въ 40 человѣкъ и капралъ за ними гонитъ, а никого видѣть не могли. Алексѣецъ рано пріехалъ зъ Царицина и обявилъ, что онъ зъ дячкомъ царичанскимъ уговорился за то, что верблюдовъ нашихъ, которихъ передержитъ черезъ два мисяца, дать за всякого по рублю и далъ задатку 25 зл. Гасло—Коломна.

4. Середа. Рано поехалисмо зъ ночлега и на дорозѣ зайдалисмо (?) зъ Еропкинимъ, а пріехали на ночлѣгъ при урочищѣ, прозиваемомъ Везовка, которое отстоитъ отъ Царицина въ 90 верстахъ. Гасло—.

5. Четвер. Сегодня рано рушивши зъ мѣста, переехалисмо черезъ тую рѣчку и долго замедлѣли, поколь обозъ весь переправился, а посля зъ Кочубеемъ и прочіими посидѣли и закусили, а пріехали до урочища, прозиваемаго Сухій Байракъ, и тутъ стали на ночлѣгъ, якое становиско отъ Царицина въ 108 верстахъ отстоитъ мѣранихъ веровками. Вечерню передъ Преображеніемъ правилисмо у наметѣ Еропкина и спѣвали многіе, а попъ при насъ бывшій рускій совершалъ. Гасло—.

6. Пятокъ. Сегодня праэдновалисмо день Преображенія Господня и утреню, зъ часами и молебнемъ, отпѣли въ наметѣ полковника Еропкина. Обѣдали у насъ Еропкинъ, харковскій полковникъ, полуполковникъ, Кандиба, Кочубей и прочіе, а по обѣдѣ игралисмо у карти. 4-го часа зъ полудня поехалисмо, и прибули на ночлѣгъ до урочища, прозиваемаго Пади, второй години въ ночъ, а становиско сіе отъ Царицина отстоитъ въ 120 верстахъ. Лозонъ былъ Чабаксаръ.

7. Субота. Сегодня дожчъ рано началъ ити, ради которого, а барзѣй для того, что вчорайшаго дня въ ночѣ уже лошади государеви, пригнаніе сюди, спужавшись чогось, утонули 24, а другихъ тожъ немалое число виратовано, однакъ уже зъ дефектами (остано-

вились?). Козакъ полку лубенского умеръ и похованъ. Козаковъ двохъ, а третего драгуна спуженніе лошади мало не до смерти притоптали. Левенцевого чловѣка бито за тое, что вистрелилъ, а Левенецъ самъ, за то, что бранилъ п. Миклашевскаго Андрѣя, привязанъ былъ до колеса. Донци пріехали къ намъ отъ Сулаку, которіе сказуютъ себе 4-го дня зъ Астраханѣ, а другой неделѣ зъ Сулаку и что донцевъ 3000 еще туда не прійшли; и Матюшкинъ енералъ тамъ обрѣтается, куда и енералша Матюшкинова поехала. Казань гасло было.

8. Неделя. Сегодня рано поехавши, уехали верстъ 20 и пріехали до Чорного Яру, такъ городка прозиваемаго зъ деревянимъ валомъ, якій городокъ отъ Царицина отстоитъ въ 141 верстѣ и, пріехавши туда, былисмо тамъ у кабаку и пили пиво. Едучи до Чорного Яру вибѣгалисмо конми моими, между которими сивий мой скоръ показался. Въ Чорномъ Яру на мѣстѣ коменданта умершого управляетъ прозиваемій порутчикъ (sic). Отъ Чорного Яру поехавши верстъ въ 12, стали близъ Волги на становиску, откуду посилалемъ Мартина въ Чорний Яръ покупать зъ Алексѣемъ пива, хлѣба, овса и діогтю; и пива рубліовъ за 2 купили, такъ же и протчего, а пріехали они сюда въ таборъ третей години или болшъ въ ночъ. А становиско сее зовется Солоновскій Падъ. Гасло было Калуга.

9. Понеделокъ. Сего дня рано поехавши отъ ночлѣга, уехали верстъ зъ 17 и стали на становиску, отстоящомъ отъ Чорного Яру въ 32 верстахъ, а полковникъ Еропкинъ за болѣзнь свою, на палцѣ учинившуюся, въ кибѣтцѣ ехалъ; а становиско Грачовка, отъ Чорного Яру 49. Петро Мандрика, значковий полку чернѣговского козакъ, отъ горячки сегодня померъ и на вчорайшомъ становиску сегодня рано похованъ. Игралисмо у Еропкина въ палатцѣ его въ карти и 3 р. виграл. Гасло было Саратовъ.

10. Вовторокъ. Сегодня о пятомъ часу зъ полночи рушивши и минувши урочище, отъ ночлѣга отстоящое въ 15 верстахъ, прозиваемое Ветлюная Лучка, где доволно наши было, прибули на другое становище, прозиваемое Полозовъ базаръ, а ишлисмо 13 часовъ уставичне, а пришли передъ вечоромъ 33 версти. День бувъ хо-

лодний, а у вечеру и у ночѣ дожчъ ишолъ. Минувши Ветляную Лучку, пріехали противъ селища на томъ боку Волги, где рибалки живутъ. Ради такъ долгого маршу, много воловъ и коней попристававало. Гасло было Харковъ. Отъ Чорного Яру версти 62.

11. Середа. Сего дня простоялисмо до обѣда, а по 10 часу рушивши, пріехалисмо до становиска, прозиваемого Копанская Лучка, отстоящого отъ вчорайшого ночлѣга въ 14 верстахъ, а отъ Чорного Яру въ 8 верстахъ. Игралисмо зъ п. Михайломъ и Гамалѣею въ карти у полковника Еропкина и програлисмося оба. Гасло было Астрахань. Ординарци Янъ Миклашевскій и Домонтовичъ.

11. Четверъ. Сего дня тутъ, на семъ становиску, перестоялисмо, а у полковника Еропкина обѣдалисмо и по обѣдѣ, игралисмо въ карти у его жъ и виграламъ, потомъ у его жъ вечерали. Ординарецъ Василь Гамалѣя. Лозонъ Ахтирка.

13. Пятокъ. Сего дня рано рушивши, пришлисмо на становиско, прозиваемое Ерокъ подстепний, за 14 верстъ отстоящій отъ вчорайшого ночлѣга, а отъ Чорного Яру 90 верстъ, и тутъ ночлѣгъ имѣлисмо. Яжъ въ наметѣ своемъ былемъ, а п. Михайло и Гамалѣя играли въ карти у полковника. Гасло было Полтава.

14. Субота. Сегодня барзо рано, двома годинами передъ свѣтаннемъ вставши, пошлисмо и, пройшовши верстъ 17, сталисмо на обѣдъ въ урочищи „ “ (?), отстоящого отъ Чорного Яру въ 107 верстахъ, где Еропкинъ полковникъ провожатаевъ козаковъ чорноярскихъ при насъ батожемъ казалъ быть, за то что близко стали. По обѣдѣ рушивши, увойшлисмо верстъ 15 и прійшовши до урочища, отъ Чорного Яру отстоящого въ 12 верстахъ, тутъ на ночлѣгъ сталисмо. Ходилисмо зъ лагера на гору пѣши и зъ переспектива дивилисмося на ту сторону Волги, за которою увидѣлисмо городокъ, прозиваемий Селитраний, где комендантомъ. „ “ Вечерню отпѣли въ наметѣ Опачинина соборно. Лозонъ Кіевъ. 3 овци и корову Еропкину, 3 овци подполковнику, а 2 Опачинину далъ. Татаре зъ писмомъ отъ крикъскомисара пріехали зъ Астраханѣ до Еропкина, о увѣдомленіи о насъ Матюшкина писанимъ. Ординарецъ Дзявулскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Здѣсь же продаются чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца кн. I—V.

Издатель К. М. Гамалѣй. За редактора Е. Кивлицкій.